Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

ЯНВАРЬ

1883 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го марта 1883 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ V. 1883 г.

Январь.

При книжкѣ карта Задунайской Сѣчи.

Февраль.

Мартъ.

Апрѣль.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться въ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ.**

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность,* его-же, *Печерскіе антики,* Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь,* съ портретомъ живущаго доселѣ запорожца, 120 лѣтъ, и картою Сѣчи, Ѳ. Кондратовича, *Украинскія поселенія въ низовьяхъ Дуная,* его-же. *Анна Алоиза княжна Острожская,* съ ея портретомъ, О. И. Левицкаго, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.,* обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей,* проф. В. Б. Антоновича, *Мнимый бунтъ на Волыни 1789 г.,* его-же, *Изъ бытовой исторіи Малороссіи XVIII в. (по Румянцевской описи),* Д. И. Багалѣя, *Южно-русскіе архивы,* его-же, *Шпитали въ Малороссіи* П. С. Ефименка, *Очерки изъ жизни Кіева начала XIX ст.,* проф Ф. А. Терновскаго, *Серапіонъ, кіевскій митрополитъ,* его-же, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки,* повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому 1854—1857 г., Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ* и проч., *Дневникъ И. Ханенка, Дневникъ свящ. Фоки Струтинскаго, Разновидности „Моркѣвянкѣ и Ганнусковой горѣлки“,* рукопись XVIII в. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.** На заграничную пересылку прибавляется **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на истекшій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Подписавшимся немедленно высылается полное годичное изданіе—12 книжекъ съ приложеніями.

Объясненіе виньетки.

Давая книжкамъ нашего изданія въ новомъ году его существованія новую виньетку, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе оной.

Обыкновенно при составленіи виньетокъ для историческихъ и другихъ журналовъ и отдѣльныхъ книгъ прибѣгаютъ къ аллегоріямъ, а самыя аллегоріи или являются плодомъ собственной фантазіи составителя виньетки, или заимствуются изъ древней классической миѳологіи, почему на виньеткахъ фигурируютъ по большей части полуголыя богини, разныя музы, феи, нимфы, для непосвященнаго въ тайну композиціи мало или вовсе не говорящія о томъ, что хотѣлъ выразить художникъ. Мало помогаетъ въ такихъ случаяхъ прибавка къ аллегорическимъ изображеніямъ какого-нибудь памятника изъ области русской исторіи, слабо вяжущеюся съ миѳологіею грековъ.

Ведя наше изданіе въ предѣлахъ мѣстной исторіи, мы предпочли и въ составленіи виньетки придержаться строго исторической почвы и для нагляднаго опредѣленія содержанія и задачъ нашего изданія употребить не измышленныя и условныя какія либо изображенія, а историческій памятникъ народнаго художества, представляющій народную жизнь въ томъ видѣ, какъ она воспроизводилась раньше насъ. Такой памятникъ народнаго творчества мы нашли въ случайно сохранившихся старинныхъ малороссійскихъ изразцахъ или кафляхъ. Свѣдѣнія о нихъ помѣщены здѣсь-же въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ“; тамъ любопытствующій и можетъ найти, что означаетъ то или другое изъ помѣщенныхъ на виньеткѣ изображеній. Изъ общаго числа сохранившихся изразцовыхъ фигуръ (56) мы взяли лишь 12-ть, всѣ-же эти фигуры касаются южнорусской жизни средняго періода—между древнимъ княжескимъ и но-

вымъ послѣ возсоединенія обѣихъ половинъ Россіи. т. е. тотъ періодъ южно-русской исторіи, въ которомъ народная жизнь достигла наибольшаго обособленнаго развитія и изслѣдованіе котораго составляетъ преимущественную задачу нашего изданія. Они охватываютъ собою эту жизнь съ различныхъ сторонъ: со стороны военной и политической, со стороны бытовой и наконецъ съ присущей всегда народной жизни стороны миѳической или легендарной. Такимъ образомъ употребленныя нами для виньетки изображенія даютъ съ перваго взгляда представленіе о томъ, чему посвящено наше изданіе и что въ немъ можно найти. Самыя буквы, употребленныя для заглавія изданія суть памятники также старинной каллиграфіи: начальная *К* взята изъ стариннаго рукописнаго ирмологія, писаннаго въ Каневѣ въ 1635 г. и обязательно сообщеннаго намъ о. Максимомъ Кротевичемъ, всѣ остальныя буквы первой заглавной строки заимствованы изъ древнихъ гродскихъ книгъ Волыни и Подоліи, хранящихся въ центральномъ архивѣ при университетѣ св. Владиміра, а дальнѣйшія мелкія изъ того-же ирмологія.

Заговоривъ о кафляхъ, послужившихъ намъ матеріаломъ для виньетки, въ добавокъ къ краткой посмертной о нихъ замѣткѣ М. И. Александровича, спасшаго отъ окончательной гибели этотъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ самобытнаго южно-русскаго художества, считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ какъ вообще объ этомъ художествѣ, такъ и въ частности о художествѣ кафельномъ.

Наше народное художество въ многоразличныхъ его видахъ извѣстно намъ едва-ли не менѣе всѣхъ другихъ сторонъ нашей исторической жизни. Посчастливилось болѣе другихъ словеснымъ, преимущественно устнымъ памятникамъ народнаго творчества, изъ письменныхъ-же памятниковъ лишь не многіе приведены въ извѣстность и сколько нибудь обслѣдованы. Съ меньшею полнотою собраны и еще менѣе обслѣдованы узоры и вообще южно-русская орнаментика. Произведенія рѣзьбы и ваянія изъ дерева, камня и глины почти вовсе не тронуты, равно какъ и не скудная уцѣлѣвшими еще памятниками мѣстная архитектура. О существованіи такъ называемой лубочной живописи въ первый разъ мы узнали и памятники оной, изготовлявшіяся въ Борзнѣ, видѣли въ минувшемъ году, благодаря сообщенію уважаемаго Н. М. Бѣлозерскаго, и не сомнѣваемся,

что самый фактъ ихъ существованія будетъ совершенною новостью даже для записныхъ археологовъ. О произведеніяхъ портретной живописи имѣемъ лишь нѣсколько отрывочныхъ указаній и замѣтокъ, на столько иногда шаткихъ, что даже въ академіи художествъ подъ именемъ портрета Мазепы шло совсѣмъ иное лице. Мы имѣли лучшихъ граверовъ въ самомъ Кіевѣ, въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., каковы: Щирскій, Тарасѣвичъ и другіе, но знаемъ по этой части слишкомъ не много, чтобы не сказать ничего. Иконописаніе, достигшее къ половинѣ XVIII ст. замѣчательнаго развитія и мягкости кисти, остается въ неизвѣстности и памятники онаго погибаютъ безвозвратно, имена-же художниковъ этого рода и вовсе почти неизвѣстны намъ, если не считать случайныхъ о нихъ свѣдѣній въ польской исторической литературѣ, гдѣ подъ часъ и преп. Алипій иконописецъ, котораго мощи нетлѣнно почиваютъ въ св. кіево-печерской лаврѣ, причисляется къ уніатамъ-базиліанамъ. Церковная стѣнная живопись смѣшаннаго религіозно-бытоваго характера съ ея многочисленными памятниками погибла на нашихъ глазахъ, и спасены лишь не многіе памятники древнѣйшаго ея періода, какъ фрески кіево-софійскіе, кирилловскіе и Спаса на Берестовѣ, а между тѣмъ она имѣла широкое распространеніе и глубокое жизненное значеніе. Благочестивые предки наши, богатые вѣрою и благоговѣйнымъ почитаніемъ святыни, были менѣе щепетильны въ дѣлахъ вѣры, нежели мы ихъ потомки. Еще въ древній кіевскій періодъ великіе князья ставили въ храмахъ свои портреты, развѣшивали одежды и другія приношенія. На стѣнахъ софійскаго собора мы видимъ, кромѣ священныхъ изображеній, и сцены бытовыя и даже миѳическія, въ соотвѣтствіе такимъ-же изображеніямъ, бывшимъ въ св. Софіи цареградской, рядомъ съ которою стоялъ циркъ. Въ послѣдующія столѣтія наружныя стѣны южно-русскихъ храмовъ расписывались, наравнѣ съ священными изображеніями, сценами изъ боевой козачьей жизни, а на внутреннихъ стѣнахъ красовались портреты великихъ князей, ревнителей православія и народности русской, какъ кн. Олельковичи и Острожскіе, митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, гетмановъ и полковниковъ, преимущественно-же фундаторовъ и ктиторовъ св. храмовъ. Картины страшнаго суда, достигавшія иногда колоссальныхъ размѣровъ, писанныя на холстѣ и на стѣнахъ (картины послѣдняго рода за-

нимали иногда половину обширнаго притвора), воспроизводили жизнь со всею ея грѣшною обстановкою, отображая собою все нравственное міровоззрѣніе народа въ данную эпоху и преобладавшіе въ немъ пороки. На этихъ картинахъ въ правобережной Украйнѣ даже въ последнее время можно было видѣть такія характеристическія особенности, какъ, напримѣръ, позади всѣхъ грѣшниковъ изъ простолюдья, подъ охраною чертей пѣшкомъ направлявшихся въ адъ, съ комфортомъ ѣдущаго въ наточанкѣ, цугомъ—на четверкѣ или шестеркѣ чертей, пана эконома или поссесора, съ бичемъ у чорта—кучера въ рукахъ, съ трубкой у самаго пана въ зубахъ и съ подписью: chоć do piekła, ale z fajką, или-же на днѣ ада, во образѣ сребролюбца іуды, какого нибудь корчмаря, поссесора и даже столоначальника духовнаго правленія. Всѣ эти и подобныя изображенія поддерживали даже въ неграмотномъ людѣ историческую традицію, возвышали и будили духъ народный, наставляли и поучали, и осмысливали, или-же врѣзывали въ память зрителей, поучительныя сами по себѣ явленія ежедневной жизни.

Къ такимъ изображеніямъ принадлежали и тѣ, что воспроизводились на изразцахъ или кафляхъ. Они имѣли найбольшее разнообразіе, полноту и свободу творчества, нестѣсняемую никакою цензурою, а потому и были найболѣе распространены, замѣняя собою нашу книгу, театръ и, если хотите, и самую проповѣдь. Представьте себѣ, что въ какой нибудь *свѣтлицѣ* или *горницѣ* давняго времени, которыя равно значущи были нашимъ заламъ и гостинымъ, выступала далеко отъ стѣны огромныхъ размѣровъ печь, а по ней всюду, сверху и до низу, съ фронта и съ боковъ, сцены то близко знакомой боевой жизни и даже недавно оконченной кампаніи, то будничной трудовой, то буколическая картинка желающей схватить гусенка *шулики*, сычащей гусыни, сочувствующей и старающейся помочь ей собаченки, то иронія надъ праздностію городской барышни, или женщины, пускающей птицу изъ рукъ, то тяжелыя сцены мужа цѣпомъ поучающаго свою жену, или борьбы человѣка съ сильными звѣрями и чудовищами, то самое чудовище не виданное и не слыханное, то видѣнныя когда-то въ далекихъ краяхъ птицы и животныя, то легендарная Осавуръ-могила и печальная на ней кончина козака, не достигшаго родины, то забавныя сцены разгульной жизни, то противуположныя имъ сцены изъ св.

исторіи, и—каждая изъ нихъ наводитъ на ту или иную мысль, пробуждаетъ то или иное воспоминаніе, возвышаетъ и оживляетъ духъ, или вторитъ настроенію данной минуты одиночнаго наблюдателя или цѣлой, весело, либо грустно и набожно настроенной компаніи. Только сообразивъ все указанное, мы поймемъ какое широкое жизненное значеніе имѣла эта кафельная книга, мѣнявшаяся въ своемъ содержаніи, полномъ глубокаго смысла и поученія, какъ много она отъ самихъ авторовъ ся требовала развитія, наблюдательности и сообразительности и какъ не похожа въ этомъ отношеніи минувшая жизнь предковъ на нашу жизнь, привыкшую услаждать зрѣніе и чувство преимущественно изображеніями въ различныхъ видахъ одного лишь голаго женскаго тѣла.

Какъ рано появилось кафельное художество въ смыслѣ воспроизведенія на изразцахъ сценъ изъ окружающей или минувшей жизни, на это мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній, но, судя по сохранившимся образцамъ, начала этого искусства надо искать отнюдь не позже XVII ст., такъ какъ самые образцы, являющіеся въ формѣ разнообразной и не первичной, принадлежатъ несомнѣнно началу XVIII в. На это указываютъ находящееся здѣсь изображеніе шведа, а еще яснѣе записанный въ исторіи Руссовъ Конисскаго оригинальный фактъ желанія какого-то ярыги притянуть и самое кафельное производство къ странному въ свое время „слову и дѣлу государеву". Приводимъ по этой исторіи разсказъ объ означенномъ фактѣ, какъ единственное историческое извѣстное свидѣтельство о кафельномъ художествѣ [1]).

„Одинъ знатный помѣщикъ или владѣлецъ мѣстечка Горска претерпѣлъ великія пакости и истязанія за одного орла гербоваго, на печатяхъ употребляемаго. Переѣзжавшій чрезъ мѣстечко оное офицеръ армейскій, по имени Якинфъ Чекатуновъ, не довольно утрактованный хозяиномъ, увидѣлъ въ домѣ его на одной печи горничной, по кахлямъ или изразцамъ печнымъ, вымалеваннаго мастеромъ орла, тотчасъ арестовалъ командою своею хозяина сего, отослалъ въ министерскую канцелярію съ доносомъ, что онъ жжетъ на печахъ своихъ гербъ государственный, невѣдомо съ какимъ умысломъ. Министерская канцелярія, сочтя доносъ тотъ полусловомъ и

---

[1]) Исторія Руссовъ, арх. Г. Конисскаго, стр. 239.

дѣломъ государевымъ, допрашивала помѣщика, съ какимъ намѣреніемъ поставилъ онъ на печи своей гербъ государственный и его прижигаетъ? Помѣщикъ, поставляя въ доказательство свидѣтелей и свою присягу, хотя извинялся, что купилъ онъ печь тую въ свободномъ мѣстечкѣ Городнѣ, у гончара тамошняго Сидора Перепелки, у котораго, между множествомъ фигуръ, на украшеніе печей сдѣланныхъ, были между животными, лица человѣческія, а между птицами и орлы, но чтобы то было священное и зазорѣдное, ему о томъ и въ умъ не приходило, и купилъ онъ всѣ печи, а между ними и ту зазорную, съ единственнымъ и общимъ умысломъ, чтобы зимою согрѣвать горницы; однако, не смотря на всѣ извиненія орлы стоили помѣщику хорошаго табуна лошадей и коровъ съ денежнымъ приданнымъ".

Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка*).

Южная Русь въ своей исторіи представляется до извѣстной степени классическою страною жидотрепанія. Начиная съ давнихъ удѣльныхъ временъ до нашихъ дней много можно указать примѣровъ и мѣстныхъ, спорадическихъ, и такихъ, которые имѣли значеніе всенароднаго возстанія противъ іудеевъ. Это племя, всегда очень даровитое, давно уже лишенное отечества, разсѣянное по всему пространству земнаго шара, живущее посреди разныхъ иноплеменниковъ безъ всякой духовной связи съ ними, съ своими вѣрованіями и національными преданіями, гордое ими даже въ несчастіяхъ, всѣхъ чужихъ внутренно презиравшее, никѣмъ изъ чужихъ нелюбимое, никого не любившее,—это племя поставлено было вездѣ въ такое безъисходное положеніе, что должно было искать такихъ средствъ къ существованію, которыя-бы вели къ пользѣ только его самаго, въ ущербъ туземному населенію. Куда ни являлся на житье іудей, онъ съ чрезвычайною проницательностію отыскивалъ слабыя стороны общества, хватался за нихъ и успѣвалъ. И въ южную Русь забравшись, іудеи пошли тѣмъ-же путемъ. Въ XI столѣтіи въ Кіевѣ они составляли не малую часть населенія и притомъ, какъ видно, не бѣдствовавшую, но умѣвшую отыскивать пути къ наживѣ. Они пріобрѣли довѣренность князя Святополка-Михаила и взяли въ свои руки управленіе нѣкоторыми княжескими доходами. Тогда они до того отягощали народъ, что по смерти князя въ Кіевѣ произошла самая старая намъ извѣстная жидотрепка,—многихъ пограбили и разорили, иныхъ поколотили, едва митрополитъ и бояре утишили расходившуюся толпу, призвавъ поскорѣе на княжескій столъ Владиміра Мономаха.

*) Содержаніе заимствовано изъ дѣлъ бывшаго малороссійскаго приказа, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, книга № 86.

Многое унеслось потокомъ времени, оставляя по себѣ воспоминанія, становившіяся все болѣе и болѣе тусклыми; смѣнялись этнографическія особи населенія, —іудеи, все такіе-жъ, какъ и ихъ прародители, продолжали являться въ южно-русскомъ краѣ, возбуждая противъ себя то въ одномъ углу, то въ другомъ нерасположеніе. Іудея вообще никогда не любили; въ іудеѣ не нуждался народъ, но іудей съ неподражаемымъ нахальствомъ лѣзъ туда, откуда его прежде протуривали, предлагая свои услуги тамъ, гдѣ безъ него прежде обходились, и своею настойчивостью и пронырствомъ заставлялъ наконецъ принимать его. Когда южная Русь подпала подъ власть Польши, тутъ-то настало счастливое время для происковъ іудейскихъ. Мѣстный земянинъ (вотчинникъ), иначе шляхтичъ, воспринимавшій польскіе нравы, языкъ и мало по-малу передѣлывавшійся въ поляка, сошелся съ іудеемъ до того, что услуги послѣдняго стали необходимы для существованія перваго. Не такъ относился къ іудею народъ, подвластный шляхтичу и особенно козаки, цвѣтъ простого народа, пріобрѣвшій себѣ большую свободу. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVI вѣка встрѣчаемъ извѣстіе, что козаки, находившіеся подъ гетманствомъ Шаха, трепали іудеевъ, занимавшихся винною продажею, за то, что они возвысили цѣну на вино. Это было, такъ сказать, предостереженіе на будущее время, это были, такъ сказать, цвѣтики, изъ которыхъ когда-то родиться должны были ягодки. Народъ смѣтливый, іудеи отлично видѣли всѣ общественныя щели, куда можно будетъ имъ заползти и заложить гнѣздо своихъ выгодъ; русско-польскій шляхтичъ рабовладѣлецъ былъ по преимуществу сельскій хозяинъ-производитель; іудей оставался быть посредникомъ между производителемъ и потребителемъ и сталъ имъ исключительно. Іудей усматривалъ въ достояніи и правахъ владѣльца такіе источники и пути доходовъ, какихъ послѣдній не замѣчалъ, и въ этомъ случаѣ іудей становился наставникомъ владѣльца. Это наставленіе не обходилось владѣльцу даромъ. Іудей нашелъ для себя способъ вознагражденія и такимъ способомъ былъ откупъ. Іудей давалъ владѣльцу впередъ круглую сумму за право распоряжаться и обращать въ свою пользу тотъ или другой владѣльческій доходъ, и владѣльцу показалась такая сдѣлка выгодною; прежде нужно было ему самому прилагать трудъ, надзоръ и бдительность, теперь-же не прилагая ничего такого, онъ могъ получать тоже.

Іудей показался его истиннымъ благодѣтелемъ. Но тутъ іудей сталъ до крайности невыносимъ подвластнымъ, съ которыхъ получалъ откупленный у владѣльца доходъ. Іудей въ этомъ случаѣ отличался чрезмѣрнымъ безсердечіемъ, рѣдко позволяя себѣ прямо дѣйствовать противъ закона, но умѣя съ искусствомъ расширять или съуживать законныя рамки ему предоставленныя. Кстати, въ Рѣчи Посполитой въ тѣ времена отношенія владѣльцевъ къ подвластнымъ мало опредѣлялись обязательными для первыхъ законоположеніями, да если и были какія, то шляхтичъ, по своей шляхетской вольности, считалъ возможнымъ не исполнять ихъ; такой-же произволъ передавался владѣльцемъ своему откупщику іудею. И мы видимъ, что нелюбовь къ іудеямъ простого русскаго народа скоро достигла крайнихъ предѣловъ ожесточенія. Съ послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка до половины XVII происходили одно за другимъ козацкія возстанія. Простой народъ постоянно принималъ въ нихъ участіе и злоба его къ іудеямъ выражалась рѣзче и свирѣпѣе, чѣмъ къ самымъ владѣльцамъ. Каждое изъ возстаній изобилуетъ одинакими пріемами этой злобы; разоряли синагоги и жилища іудеевъ, предавали поруганію ихъ святыню, при всякой возможности ихъ самихъ топили, вѣшали. Вражда къ іудейскому племени усилилась отъ того, что при фанатическомъ стремленіи поляковъ ввести въ народъ унію, православная церковь, потерявши большую часть своихъ духовныхъ чадъ между шляхетствомъ, становилась какъ бы исключительно мужицкою (хлопскою) вѣрою и владѣльцы, потерявъ къ ней уваженіе какъ къ христіанскому вѣроисповѣданію, стали передавать откупщикамъ іудеямъ въ своихъ маетностяхъ нѣкоторыя свои владѣльческія права, имѣвшія соприкосновеніе съ православною церковью и ея требами, такъ что, при своей обычной пронырливости, іудей арендаторъ очутился хозяиномъ, блюстителемъ, распорядителемъ духовной жизни подвластныхъ. Наступила эпоха Богдана Хмельницкаго. Началось безпощадное истребленіе іудейскаго племени во всей южной Руси, и старыхъ и малыхъ. Эпоха эта оставила на іудеяхъ такое страшное впечатлѣніе, что они въ своихъ племенныхъ воспоминаніяхъ отмѣтили ее, какъ одну изъ эпохъ величайшихъ бѣдствій, постигавшихъ израиля въ теченіи его многовѣковой скорбной жизни. Хмельницкій, какъ только въ періодъ своей борьбы съ Польшею показывалъ малѣйшую наклонность вести толки о воз-

можности примиренія, всегда выставлялъ однимъ изъ главныхъ требованій, чтобъ іудеи отнюдь не жительствовали въ Украйнѣ. Дѣйствительно при жизни Богдана Хмельницкаго никто изъ нихъ не осмѣливался показать носа въ козацкомъ краѣ. Проѣзжавшій чрезъ Малороссію при Богданѣ Хмельницкомъ вмѣстѣ съ антіохійскимъ патріархомъ арабъ, Павелъ діаконъ, повсюду встрѣчалъ народное ликованіе, довольство и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдъ разрушенія недавняго господства іудейскаго. Православный инокъ, забывая всякія христіанскія правила о прощеніи врагамъ, о предоставленіи Богу отмщенія за неправды человѣческія, расточаетъ похвалы безчеловѣчной свирѣпости, съ какою козаки искореняли іудеевъ и восхищается тѣмъ, что не осталось ни единой души изъ людей этого „гнуснаго народа“. Но проходили годы, десятилѣтія. Не знаемъ подлинно въ какой годъ, но вообще въ концѣ XVII столѣтія іудеи стали снова исподоволь появляться въ козацкой странѣ. Оказалось, что іудей ничѣмъ не изгонимъ, не выкуриваемъ, не выжигаемъ; его бьютъ, трутъ, въ порошокъ мнутъ, а онъ все тутъ какъ тутъ. Что удивительнаго! Вѣдь у подножія Везувія стояли когда-то цвѣтущіе города; они были залиты лавою, засыпаны пепломъ, погреблись подъ землею, а на ихъ мѣсто построились другіе, явились новые обитатели края, долго не зная и не подозрѣвая, что подъ плодородною почвою, которая привлекала новыхъ поселенцевъ, лежатъ посреди развалинъ груды костяковъ, которые когда-то были въ свое время живыми людьми и нежданно погибли отъ того самаго, что и новымъ поселенцамъ угрожаетъ каждый часъ гибелью. Іудеевъ примануло снова въ Украйну то, что тамошніе гетманы, для пополненія войсковаго скарба и для средствъ къ содержанію платнаго войска, установили такъ-называемыя *оранды,* то есть отдавали на откупъ доходы съ торговли виномъ и нѣкоторыми другими предметами, обращенные на войсковыя потребности. Іудеи были падки на всякіе откупа́, какъ вороны на трупы. Они мало по-малу стали пробираться въ Украйну царскаго владѣнія, стали тамъ селиться, брать откупа́ и заводить корчмы. Ихъ было еще не много и они не безъ страха вступали во владѣнія московскаго государства, куда ихъ никогда не пускали. Въ ихъ тогдашнемъ занятіи не представлялось ничего, что могло со временемъ стать исключительно занятіемъ іудейскаго племени. Но они вездѣ и всегда

вели себя съ кажущеюся скромностію, чтобы впослѣдствіи нахально растолкать всѣхъ вокругъ себя и самимъ занять все мѣсто.

Въ 1703 году, въ черниговскомъ полку, въ селѣ Жуковкѣ или Жуковцахъ была корчма, которую сдавалъ въ аренду дѣвицкій сотникъ Вендюхъ *). Орандаремъ въ этой корчмѣ былъ іудей Шмуль, человѣкъ очень ловкій, умѣвшій вести себя. Онъ пріобрѣлъ расположеніе къ себѣ сотника, у котораго арендовалъ корчму. Шмуль платилъ ему аренду съ наддачею противъ того, сколько она ходила прежде и сверхъ того былъ не скупъ на приносы даровъ сотнику, сотничихѣ и ихъ дѣтямъ въ тотъ день, послѣ каждаго новаго года, когда являлся вносить арендную плату за будущій годъ. Недоимокъ за нимъ не было. Какъ только приходилъ Шмуль, тутъ ему былъ почетъ и угощеніе. Онъ былъ словоохотливъ и такъ много зналъ свѣжихъ новостей всякаго рода, что бесѣда съ нимъ доставляла много пріятнаго. Удивительно казалось, гдѣ этотъ человѣкъ, повидимому весь погруженный въ свою торговлю виномъ да табакомъ и дегтемъ, бывшими на то время въ числѣ регалій, успѣвалъ узнавать обо всемъ; но въ томъ то и было искусство, свойственное одному іудею и часто совсѣмъ непонятное для всякаго крещенаго человѣка! Шмуль любилъ пооострить и побалагурить и всегда кстати, выходило все у него и забавно и занимательно, и за такой его веселый нравъ въ домѣ сотника звали его не иначе, какъ *кумеднымъ* Шмулемъ; иногда и надъ самимъ собою потѣшался Шмуль, выдумывая о себѣ разныя небылицы, а если молодые сыновья сотника дозволяли себѣ надъ нимъ насмѣшливыя выходки, Шмуль не оскорблялся. „На то я жидъ“,—говорилъ онъ, пожимая плечами, и самъ же старался выставить себя въ смѣшномъ видѣ. Но если нужно было, Шмуль умѣлъ держать себя чинно, степенно, такъ что почтенные старики говорили: о! какой поважный человѣкъ этотъ жидъ Шмуль! Такую роль человѣка, имѣющаго права на почетный титулъ „славетнаго“, Шмуль надѣвалъ на себя тамъ, гдѣ нуждались болѣе въ немъ, чѣмъ онъ въ другихъ. Шмуль находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ даже съ духовными лицами и посѣщалъ иногда жуковскаго священника отца Тимоѳея, гдѣ случайно раза два встрѣтилъ другихъ священниковъ, пріѣзжавшихъ въ-гости къ своему собрату, тотъ-же нарочно приглашалъ на этотъ случай

*) Иначе Шендюхъ, какъ значится въ другихъ документахъ—Ред.

Шмуля. Отецъ Тимоѳей не былъ изъ числа тѣхъ дюжинныхъ поповъ, которыхъ болѣе занимаютъ насущныя нужды, чѣмъ вопросы вѣры. Отецъ Тимоѳей былъ—натура поэтическая, любилъ помышлять и разговаривать о предметахъ, касающихся религіи и вообще міра умственнаго. Онъ обладалъ способностію распространять такое настроеніе и на другихъ своихъ собесѣдниковъ. Онъ какъ-то любилъ Шмуля, потому что хотя Шмуль былъ противной вѣры, но человѣкъ отъ природы способный духомъ возвыситься надъ земною суетою. Всѣ знали, что Шмуль былъ хасидъ, ревностнѣйшій исполнитель всего еврейскаго обрядословія, глубокій знатокъ всего, касающагося еврейскаго закона и талмудическаго вѣроученія. Шмуль охотно бесѣдовалъ съ отцомъ Тимоѳеемъ и духовными, если заставалъ ихъ у него въ гостяхъ, о предметахъ вѣры, излагалъ имъ по ихъ вопросамъ то, что заключалось въ талмудѣ, удивлялъ поповъ своимъ знаніемъ текстовъ ветхаго завѣта, не разъ замѣчая неправильности славянскаго перевода. Отецъ Тимоѳей по еврейски не зналъ, но Шмуль каждый разъ приводя по еврейски текстъ, тотчасъ сообщалъ его въ объяснительномъ переводѣ. Съ своей стороны Шмуль со вниманіемъ и съ видомъ любознательности слушалъ отца Тимоѳея, когда онъ излагалъ ему христіанское ученіе. Въ такомъ случаѣ Шмуль съ искусствомъ ловкаго опытнаго кормчаго лавировалъ между Сциллою и Харибдою, стараясь отъ своего не отступить и чужаго не задѣть. Шмуль ни разу не подалъ ни малѣйшаго вида противорѣчій и когда, какъ говорится, его припирали къ стѣнкѣ, тогда онъ выражался въ такомъ смыслѣ: „Будемъ оставаться въ такой вѣрѣ, въ какой родились. Богъ на томъ свѣтѣ рѣшитъ, кто правильнѣе вѣровалъ. И ваша вѣра и наша—все отъ Бога. Безъ воли Божіей ни вы, ни мы не жили-бы на свѣтѣ!“ Православнымъ духовнымъ нравилось такое размышленіе, потому что въ немъ не было задирательства.

Въ домѣ отца Тимоѳея Шмуль первый разъ услышалъ о нѣкоемъ Миколѣ Сохнѣ, который въ тѣ дни сдѣлался на время истиннымъ чудомъ среди всего, что интересовалось умственнымъ міромъ въ гетманщинѣ. По разсказу о. Тимоѳея, это былъ молодой человѣкъ козацкаго происхожденія, еще учившійся на ту пору въ кіевской коллегіи и приводившій въ изумленіе всѣхъ своими дарованіями, любознательностію и множествомъ свѣдѣній. Ему не было еще двадцати лѣтъ, а онъ владѣлъ латинскимъ языкомъ не хуже отца

ректора; но что болѣе всѣхъ поражало кіевскую ученую среду— это его знаніе еврейскаго языка и знакомство съ еврейскими писаніями. Отъ природы у Сохна была такая память, что разъ или два прочитанное навсегда какъ-бы приковывалось къ нему и во всемъ, что касалось древнихъ латинскихъ авторовъ и богословско-философской литературы, онъ былъ первый, а въ еврейской мудрости не было никого въ Кіевѣ, кто-бы хотя на половину могъ съ нимъ сравниваться. Онъ перебралъ и изучилъ всѣ еврейскія рукописи, какія могъ отыскать въ библіотекѣ своей коллегіи и въ библіотекѣ кіево-печерской лавры, тогда еще богатой рукописными сокровищами, истребленными впослѣдствіи пожаромъ 1719 года. Кромѣ того онъ доставалъ изъ частныхъ рукъ писаные экземпляры талмуда и читалъ ихъ съ жадностію. Всѣ его знанія въ области еврейства пріобрѣтены были въ какіе нибудь два года. Но послѣдствіемъ всѣхъ занятій еврействомъ стало то, что Микола Сохно все болѣе и болѣе становился врагомъ іудейства. Онъ нашелъ въ іудейскихъ талмудическихъ книгахъ явныя свидѣтельства тому, что іудеи всѣ вообще ненавидятъ христіанъ и самъ будучи рьянымъ и сердечно преданнымъ религіи православнымъ, воспитывалъ въ себѣ убѣжденіе, что и христіанамъ, въ возмездіе, слѣдуетъ также оказывать ненависть къ іудеямъ. Онъ повсюду вопіялъ о вредѣ, какой приноситъ и церкви и обществу пребываніе іудеевъ въ христіанскомъ краѣ, о захватѣ ими въ свои руки то тѣхъ, то другихъ путей народнаго богатства, приводилъ примѣры разныхъ злодѣяній, совершавшихся въ различныхъ краяхъ іудеями надъ христіанами, но въ особенности громилъ онъ іудеевъ за существующій у нихъ тайный обрядъ умерщвлять похищенныхъ христіанскихъ дѣтей и источать изъ нихъ кровь. Этого, конечно, не находилъ Сохно ни въ какихъ іудейскихъ писаніяхъ, но за то прочелъ все, что было по этому поводу писано христіанами и при томъ не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ существованіи такого обряда, потому что всѣ въ это вѣрили и не мало находилось такихъ, которые могли утверждать это, какъ современники и свидѣтели бывшихъ по такому поводу процессовъ. Не было ничего такого, чѣмъ-бы можно было раздразнить іудея, какъ напомнивши ему объ этомъ таинственномъ страшномъ вопросѣ, который, при множествѣ историческихъ фактовъ, до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ. На это-то больное мѣсто налегалъ Сохно, зная, гдѣ чувствительнѣе почуютъ враги задаваемую имъ боль.

Объ этомъ Сохнѣ сообщилъ Шмулю отецъ Тимоѳей и сказалъ: „скоро, я надѣюсь, этотъ Микола Сохно быть можетъ будетъ у насъ. Панъ сотникъ нашъ „протегуетъ" его и каждый годъ, когда Сохно ѣдетъ изъ Кіева домой въ Городню, либо изъ дома въ Кіевъ, то заѣзжаетъ до его милости, а то и самъ его милость отвозитъ его съ собою вмѣстѣ. Очень любитъ панъ сотникъ этого Сохна. Да и какъ не любить такого способнаго на всякое ученіе! Вотъ если онъ пріѣдетъ, я сведу тебя съ нимъ. Потолкуйте, поспорьте между собою; вы оба люди ученые. Только я напередъ говорю тебѣ: зѣло онъ васъ жидовъ не долюбливаетъ и бранитъ!"

„Значитъ, не совсѣмъ еще науку прошелъ, когда не долюбливаетъ да еще бранитъ", сказалъ Шмуль. „Недолюбливаетъ—за то Богъ ему судья. Чтожъ, онъ другой вѣры, чѣмъ мы, и потому не долюбливаетъ. А бранить не слѣдуетъ. Богъ одинъ порѣшитъ на томъ свѣтѣ, кто изъ насъ тутъ былъ правъ, а кто не правъ. Ты говоришь, онъ ученъ; а я такъ думаю: не очень онъ ученъ, когда такой нелѣпости вѣритъ, будто мы жиды дѣтей вашихъ крадемъ и рѣжемъ. Фуй, какой вздоръ! Я, батюшка, признаюсь тебѣ, не очень-то желаю толковать съ такимъ. Впрочемъ коли ему угодно, такъ и поговоримъ. Авось и онъ какъ узнаетъ поболѣе, перестанетъ насъ бѣдныхъ злословить".

Вѣсть о Миколѣ Сохнѣ распространилась скоро между іудеями, проживавшими въ разныхъ мѣстечкахъ и селахъ черниговскаго полка.

Надобно знать, что Шмуль, если пользовался благосклоннымъ вниманіемъ такихъ христіанъ, какъ отецъ Тимоѳей и сотникъ Вендюхъ, то между своею братіею онъ признавался за свѣтило ума и благочестія. Его корчма была сборнымъ мѣстомъ для іудеевъ во всемъ околодкѣ. Это былъ родъ домашней синагоги, куда въ праздники съѣзжались іудеи, чтобы вмѣстѣ помолиться и послушать мудраго слова Шмуля, благочестиваго хасида въ полномъ смыслѣ. Съ этой цѣлью около двухъ лѣтъ тому назадъ, Шмуль пристроилъ къ своей корчмѣ отдѣльную избу, которая такъ и звалась у него: для гостей; она состояла изъ одной просторной комнаты и одной рядомъ съ нею меньшей, гдѣ у хозяина въ кивотѣ хранился свитокъ Торы, которому онъ приписывалъ чуть не баснословную древность, и кромѣ того на столѣ и на окнѣ лежало нѣсколько книгъ въ ста-

рыхъ переплетахъ, печатныхъ и рукописныхъ. Въ этой-же комнатѣ находились и богослужебныя одежды, которыя каждый іудей надѣваетъ на себя, приступая къ моленію. Былъ іудейскій праздникъ новаго года. Онъ уже оканчивался; наступилъ послѣдній праздничный день, трубный день, веселый день въ связанной религіозными правилами и обрядами іудейской жизни. У Шмуля въ эти дни перебывали чуть не всѣ іудеи, жившіе въ окрестности и бывшіе большею частію корчмарями. Но къ трубному дню осчастливилъ и обрадовалъ Шмуля и всю его іудейскую братію дорогой посѣтитель, почтенный гость. То былъ Соломонъ Захарьевичъ Грековичоръ, цадикъ изъ Львова, раббинъ, пользовавшійся репутаціею святой жизни и необычайной мудрости. Уваженіе къ нему израильтянъ доходило до поклоненія. Что скажетъ Шлема великій, какъ звали его въ просторѣчіи,—то правда, все равно какъ-бы то въ Торѣ написано! Возникнетъ-ли гдѣ въ кагалѣ затруднительный вопросъ,—посылаютъ къ львовскому цадику и ждутъ его рѣшенія. Семейные и родственные споры и всякія недоразумѣнія, по мѣрѣ ихъ важности, посылались на судъ Соломону Захарьевичу и спорившія стороны покорялись безъапелляціонно его приговору. Угрожала-ли гдѣ іудейскому обществу какая-нибудь бѣда, посылали къ цадику и вѣрили, что его молитва, какъ праведнаго мужа, отвратитъ опасности. Даже случалось, что когда гдѣ-нибудь тяжело заболѣетъ израильтянинъ, посылаютъ къ львовскому цадику просьбу помолиться о болящемъ и вѣрятъ, что молитва его можетъ поднять человѣка съ одра болѣзни. Но цадикъ, для всѣхъ милостивый и внимательный, являлся иногда и грознымъ карателемъ. Цадикъ налагалъ страшный херимъ на непокорныхъ, и горе тому израильтянину, котораго постигнетъ клятва мудраго Соломона. Никто его въ домъ не принимаетъ, никто съ нимъ бесѣдъ не ведетъ, при встрѣчѣ съ нимъ израильтяне отъ него отворачиваются; тутъ бѣдный іудей — хоть христіанство принимай, или спѣши испросить прощеніе и снятіе съ себя клятвы. Произносилъ иногда цадикъ херимъ и надъ христіаниномъ, за крайнюю злобу къ іудейскому племени. Тогда израильтяне отъ него отвращались, чинили ему во всѣхъ его дѣлахъ препятствія и даже тайную бѣду,—такого осужденнаго врага израиля не только дозволительно, но даже одобрительно всячески обманывать въ торговлѣ, дать ему вредное снадобье, если онъ, заболѣвши, позоветъ врача

изъ іудеевъ, оклеветать его и подвести подъ гоненіе отъ властей, даже поджечь его жилище, а не то даже убить его тайно — все оправдывалось тѣмъ, что этого „гоя" постигаетъ достойная кара за вражду къ израилю. Примѣръ Юдиѳи изъ ветхозавѣтной исторіи служилъ какъ-бы образцомъ, какъ доблестно употреблять всякаго рода притворство и обманъ для нанесенія вреда врагу. Впрочемъ къ такому ужасному проклятію надъ христіаниномъ можно было прибѣгать уже только въ исключительныхъ случаяхъ. Израильтяне были благоразумны; они понимали, что—разъ живутъ они посреди иноплеменниковъ, собственная выгода побуждаетъ ихъ хранить дружелюбіе съ иноплеменниками, какъ-бы они въ душѣ ихъ ни презирали и ненавидѣли; въ особенности съ тѣми изъ иноплеменниковъ, которые въ своемъ краѣ пользовались знатностію происхожденія и могли по своему положенію оказывать израильтянамъ пользу своимъ покровительствомъ, живущіе въ краѣ іудеи обращались всегда почтительно и униженно, готовы были при случаѣ сносить отъ нихъ презрительное обхожденіе; на такихъ никакой цадикъ не наложилъ-бы херима. Израильтяне только тогда не останавливались передъ наложеніемъ херима на иноплеменника, когда навѣрное знали, что этотъ иноплеменникъ уже не на столько силенъ, чтобъ нужно было спускать ему многое.

Цадикъ Соломонъ-бенъ-Захарія проводитъ много времени въ разъѣздахъ между своею братіею. Волынь, Подоль и Украйна были ему также хорошо знакомы, какъ собственный львовскій край. Въ описываемое время цадикъ ѣздилъ въ лѣвобережной Украйнѣ и къ трубному дню прибылъ къ достопочтенному Шмулю. Тогда у послѣдняго были гости, которые тотчасъ разъѣхавшись, дали знать о пріѣздѣ цадика другимъ изъ своихъ единовѣрцевъ и на другой день дворъ Шмуля наполнился іудеями. Ихъ набралось тогда человѣкъ до сорока обоего пола. Всѣ старались воспользоваться случаемъ и принять благословеніе цадика и услышать отъ него мудрыя наставленія.

Былъ вечеръ предъ солнечнымъ закатомъ. Цадикъ Соломонъ-бенъ-Захарія, мужчина лѣтъ пятидесяти съ лишкомъ, съ большою русою бородою, гдѣ пробивалась кое-гдѣ сѣдина, съ высокимъ лбомъ, большими и на выкатѣ глазами, въ ермолкѣ, изъ подъ которой на обѣихъ сторонахъ лица спадали пряди русыхъ волосъ,

такъ называемые пейсы, былъ одѣтъ въ суконный кафтанъ; фигура его представляла довольно толстую корпуленцію. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, нарочно для него вынесенномъ на дворъ. Вокругъ него въ въ различныхъ положеніяхъ сидѣли іудеи и іудеянки какъ попало. Все это были гости Шмуля, но не стоившіе ему ничего, такъ какъ всякій пріѣзжалъ съ своимъ съѣстнымъ запасомъ, помѣщался въ своей-же повозкѣ, а за кормъ лошадямъ платилъ тому-же Шмулю, который всегда съ своего брата іудея бралъ гораздо дешевле, чѣмъ со всякаго иноплеменника. Всѣ слушали мудреца съ великимъ вниманіемъ.

Цадикъ говорилъ о Толюѣ въ томъ смыслѣ, какой даетъ это хульное наименованіе іудеями Господа нашего Іисуса Христа [1]) Толюй,—объяснялъ цадикъ,—былъ самый грѣшнѣйшій изъ рода человѣческаго, величайшій нарушитель мира и зложелатель израиля, нечестіе его дошло до того, что онъ сталъ называть самъ себя Богомъ и за это былъ осужденъ и казненъ позорною смертію. По своей смерти, за присвоеніе себѣ названія Сына Божія, онъ осужденъ на вѣчное мученіе, но при содѣйствіи діавола онъ дважды въ годъ является среди израиля и пытается искусить и соблазнить вѣрныхъ. Сила Вышняго преслѣдуетъ его и онъ запрятывается въ Библію между строкъ, и тутъ то предстоитъ опасность отъ него. Богъ за грѣхи наши попустилъ Толюю и его ближнимъ слугамъ властвовать надъ міромъ невѣрныхъ языкъ во вредъ сынамъ израиля, но царство его только временное и окончится съ пришествіемъ истиннаго Мессіи, тогда Толюй будетъ ввержевъ въ бездну и не станетъ болѣе тревожить вѣрныхъ, толковалъ цадикъ: „поклонники Толюя прокляты, и нѣтъ и не будетъ имъ пощады и спасенія, но теперь, пока они торжествуютъ и властвуютъ, надобно израилю бороться съ ними мудростію и хитростію. Вѣруемъ, что будетъ побѣда за нами, но и теперь мудрый провидитъ и предвкушаетъ начатки нашего торжества, и теперь мудрый уразумѣваетъ, что рука Бога отцевъ нашихъ не покидаетъ своего избраннаго народа, мы презираемы, мы попираемы и враги наши считаютъ насъ послѣдними изъ рода человѣческаго, а между тѣмъ мы въ свои руки захватываемъ богатства земныя и незамѣтно для враговъ нашихъ дѣлаемся сильнѣе ихъ, когда кажемся слабыми. Они считаютъ себя

[1]) *Толюй* съ еврейскаго значитъ повѣшенный, висѣльникъ.

нашими господами, а на дѣлѣ выходитъ, что мы становимся господами ихъ самихъ. Приглядитесь, какъ ведутъ себя нечестивцы, какъ у нихъ живется-можется! Одни изъ нихъ въ порабощеніи у другихъ, незнатные у знатныхъ, подлые у благородныхъ, а господа ихъ отдаютъ рабовъ своихъ нашимъ израильтянамъ подъ власть, и выходитъ, что когда глупый ихъ мужикъ работаетъ на своего пана, то половина всего, а иногда и большая часть достается—израильтянину. Какъ не возблагодарить Бога, такъ пекущагося о своемъ избранномъ народѣ, такъ устроившаго, что какъ ни вертятся „гои", а все-таки исполняется пророчество, реченное древле къ израилю: „ты богатство языкъ снѣси"! Иные изъ нашихъ говорятъ: „хорошо, можетъ быть, будетъ впередъ, когда Мессія прійдетъ, а теперь пока многіе изъ нашей братіи въ нищетѣ и скорби. Богъ не спасаетъ ихъ. Несмысленны и слѣпы тѣ, которые говорятъ такъ! Богъ свободной воли у человѣка не отнимаетъ, но милость свою избраннымъ своимъ посылаетъ. Богъ даетъ умъ человѣку: это милость, благодать! Ищи-же, человѣкъ, средствъ при свѣтѣ даннаго тебѣ ума!

Израилю дана отъ Бога особая благодать свыше: въ томъ она, что израиль умнѣе всѣхъ, а умъ — такое сокровище, которому равнаго нѣтъ и быть не можетъ! Умомъ и богатство пріобрѣтается, и сила и власть! Говорю вамъ: израиль умнѣе всѣхъ народовъ въ свѣтѣ. А потому хотя за грѣхи свои несетъ онъ наказаніе отъ Бога и находится въ униженіи и гоненіи отъ гоевъ, но Богъ не лишилъ его ума великаго и этотъ умъ ведетъ его къ тому пути, когда минутъ времена гнѣва Божія и настанутъ времена отрады; въ тотъ часъ узритъ онъ ясно высокую руку Божію и подниметъ своего отрока Господь Вседержитель и вознесетъ его превыше всѣхъ колѣнъ земныхъ и послужатъ ему всѣ языки и будетъ онъ господиномъ надъ ними. Такъ речено Господомъ и слово его неизмѣнно. Надежды гоевъ суетны. Уже и теперь отяжелѣло сердце ихъ, очами смотрятъ и не видятъ, ушами слушаютъ и не слышатъ. Воображаютъ, что властвуютъ надъ нами, а того не уразумѣютъ, какъ мы сами надъ ними власть забираемъ, и вѣрьте, братья, заберемъ совершенно. Въ гордости сердецъ своихъ возлагаютъ они упованіе на своего Толюя и посрамлены будутъ. Безуміе великое уповать на беззаконника, который принялъ казнь за свои преступленія; безуміе великое считать сыномъ Божіимъ казненнаго:

какъ не понять, что если-бъ его осудили на казнь напрасно, а онъ былъ-бы истиннымъ Мессіею, то Богъ-бы не допустилъ его до позорной смерти, но спасъ-бы его предъ глазами всѣхъ людей во свидѣтельство того, что онъ есть дѣйствительно тотъ избранникъ Божій, за кого выдавалъ себя? Коли себя не могъ спасти, то куда ему другихъ спасать[1])! Не явственна-ли тщета всѣхъ надеждъ и вѣрованій оныхъ гоевъ, когда между собой они вездѣ грызутся, какъ псы нечестивые? Таковы-ли мы, израиль, народъ Божій! Живемъ мы разсѣянно по разнымъ частямъ свѣта и въ жаркихъ и въ холодныхъ странахъ, а единство вѣры нашей чрезъ то не колеблется; израильтянинъ вездѣ узнаетъ своего единовѣрца и по братски обниметъ его. То ли у поклонниковъ Толюя? Изъ одной нечестивой вѣры родились десятки, сотни вѣръ, одна другой гнуснѣе, одна другой безумнѣе и между собой всѣ во враждѣ, а послѣдователи ихъ не только не считаютъ другъ друга за единовѣрцевъ, но одни другихъ рѣзать, топить, жечь на огнѣ готовы. Цари ихъ между собой во враждѣ и ведутъ другъ противъ друга убійственныя войны, высылаютъ тьмы темъ подвластнаго народа на убой, какъ скотъ, и гибнутъ безумцы по волѣ владыкъ своихъ достойно за свое зловѣріе. Если-же ихъ цари постановляютъ между собою мирные и дружественные договоры, то для того, чтобъ ихъ вѣроломно нарушать. Они всѣ коварны, въ государствахъ ихъ нѣтъ правосудія, хищеніе и неправда посреди жилищъ ихъ. Таковы поклонники Толюя, нечестивѣйшіе изъ всѣхъ гоевъ, враги Божіи, которымъ всѣмъ будетъ мука вѣчная, огонь неугасаемый въ отмщеніе за злобу, которую они всѣ одинаково питаютъ къ намъ, израилю, миролюбивому, смиренному народу Божію. О израиль, израиль! Много, по словамъ псалмопѣвца, на хребтѣ твоемъ орали иноплеменники, много испыталъ ты бѣдъ и горестей, святыню земли твоей разрушили, сыны твои и дщери разведены въ неволю, сѣмя Авраама, Исаака и Іакова, которому Богъ даровалъ столько обѣтованій, уже въ теченіи многихъ вѣковъ подвергается униженію и попиранію. Но мужайся, израиль! Все это произошло за тѣмъ, чтобъ возвеличить тебя и наградить за вѣру и терпѣніе. О братія! молю васъ! Пребывайте въ исполненіи закона Божія, не отступайте отъ самомалѣйшихъ его правилъ и Богъ вознаградитъ васъ. Знайте, что каждое

[1]) Буквальное повтореніе говореннаго іудеями-распинателями Іисуса Христа.

преступленіе, совершенное сыномъ израиля, отдаляетъ отъ всѣхъ насъ день нашего общаго спасенія, а каждый добродѣтельный поступокъ нашего единовѣрца приближаетъ и сокращаетъ тягость ожиданія. Наипаче, братья, устраняйтесь отъ нечестивыхъ гоевъ, поклонниковъ Толюя. Не говорю, чтобъ намъ съ ними не имѣть никакихъ дѣлъ. Это невозможно, потому что мы живемъ въ странѣ ихъ, по неволѣ должны вести съ ними сношенія по торговлѣ и прочее, только не надобно дружить съ ними, ѣсть и пить съ ними, не надобно оказывать имъ услуги и благодѣянія, напротивъ ненавидѣть ихъ, какъ враговъ и сопротивниковъ Божіихъ. Изъ всѣхъ неправыхъ вѣръ нѣтъ нечестивѣе вѣры поклонниковъ Толюя. У другихъ гоевъ были боги сребренные, золотые, каменные, деревянные,.. всѣ эти боги—ничто, мечта, но тѣ назвали себѣ богомъ сына погибельнаго, отъ грѣха рожденнаго, всѣми пороками оскверненнаго! Поэтому они прямые сопротивники истиннаго Бога, а кто дружитъ съ вѣдомымъ врагомъ Божіимъ, тотъ самъ ему уподобляется. За то насъ Богъ наказываетъ, что иные изъ насъ, слабодушные, съ почитателями Толюя въ дружбу входятъ“.

Онъ умолкъ на время. Всѣ сидѣли въ размышленіи, наконецъ одинъ израильтянинъ нарушилъ молчаніе и, поглядывая на небо, спросилъ:

Равви! Что это за звѣзда съ хвостомъ явилась? Вотъ уже третій вечеръ свѣтитъ, и все становится крупнѣе и ярче. Ужъ не пророчитъ-ли она чего?

Цадикъ сталъ внимательно смотрѣть на небо. Дѣйствительно на востокѣ показывалась комета. Ея бѣлесоватый, недвижный блескъ, отличавшійся отъ блеска прочихъ свѣтилъ небесныхъ, уже нѣсколько дней тревожилъ населеніе и крещеное и некрещеное. Безпокоило всѣхъ предвѣстіе чего-то неизвѣстнаго, во всякомъ случаѣ скорѣе недобраго, чѣмъ добраго. Въ то время шла сѣверная война. Между козаками старшинами возникали толки: какъ-бы шведскій король, расправлявшійся тогда въ Польшѣ, не вздумалъ съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ повернуть въ Украйну и перенести туда театръ войны съ московскимъ царемъ; козаки простые боялись, что царь станетъ требовать бо́льшую, чѣмъ прежде, козацкую силу въ свое войско, а козакамъ до крайности былъ противенъ всякій походъ за предѣлы своей земли; посполъство стра-

шилось учащенія проходовъ москалей черезъ ихъ села, а такіе гости въ тѣ времена были для народа несноснѣе татаръ. Іудеи втихомолку побаивались: не предвѣщаетъ-ли эта хвостатая звѣзда въ лѣвобережной Украйнѣ повторенія такой-же паліивщины, о которой вѣсти сильно напугали ихъ въ предшествовавшемъ году.

Соломонъ Захарьевичъ долго молча смотрѣлъ на комету и во что-то вдумывался. Лице его между тѣмъ принимало все болѣе и болѣе грустное выраженіе. Наконецъ онъ сказалъ:

„Ну, я вамъ, братья, долженъ противъ желанія сообщить непріятность. Звѣзда эта не предвѣщаетъ намъ добра. Это та звѣзда, что когда-то на страхъ израилю являлась передъ тѣмъ давнимъ временемъ, какъ нашихъ предковъ убивали въ нѣмецкой землѣ: эта-же звѣзда являлась у насъ передъ тѣмъ страшнымъ годомъ, какъ нечестивый Хмельницкій поднялъ бунтъ противъ Польши и козаки стали истреблять дѣтей израиля. Ужасное то было время. Я помню его, бывши еще маленькимъ хлопцемъ. Тогда погибли мой дѣдъ, бабушка и двое дядей съ семьями, а мои родители съ двумя дѣтками, въ числѣ которыхъ былъ я, чуть спаслись отъ гибели, убѣжавши за Вислу. О, ужасное было время! Сколько нашихъ единовѣрцевъ обоего пола и всякаго возраста лежало трупами по полямъ, рощамъ, горамъ и болотамъ. Многіе, какъ мы, бѣжали, спасая душу свою, но не могли спастись и погибали отъ козаковъ, которые гнались за ними, а уйти бѣднымъ было трудно, потому что гонители были быстры, какъ орлы небесные. Сколько синагогъ было осквернено и разорено! Выволакивали свитки Торы и положивши на нихъ несчастныхъ израильтянъ, рѣзали и терзали, потѣшаясь криками и воплями страдальцевъ. Сколько рѣкъ и прудовъ закиданы были трупами нашихъ единовѣрцевъ, такъ что даже вода выступала изъ береговъ! Опасно, братья мои, опасно, не повторилось-бы надъ нами что-нибудь подобное и нынѣ. Прошлый годъ на правой сторонѣ Днѣпра, въ Подоліи и Волыни, много пострадало нашихъ отъ безбожныхъ хлоповъ. Поляки усмирили и казнили много мятежниковъ, но нашихъ, погибшихъ тамъ, не воскресимъ. Ихъ воскреситъ только всемогущій Богъ и вселитъ въ лоно Авраама въ послѣдній день. Опасно, чтобъ и здѣсь не нашлось злодѣевъ, которые-бы не затѣяли произвести подобнаго на этой сторонѣ Днѣпра. Они нечестивые повсюду рыскаютъ, какъ

львы, и ищутъ растерзать смиреннаго безоружнаго израильтянина. Я не скажу навѣрное, чтобъ эта звѣзда могла предвѣщать намъ такое бѣдствіе: можетъ быть она предвѣщаетъ другое, не менѣе страшное — моровую язву, которая, какъ слышно, уже появляется въ Запорожьѣ. Но что дѣлать! Надобно терпѣть, молиться и страшиться... Наложимъ на себя строгій постъ, станемъ молиться, чтобъ Господь отвратилъ отъ насъ свой гнѣвъ. Пусть посылаетъ болѣзни и междоусобныя брани на гоевъ нечестивыхъ, покланяющихся проклятому Толюю, но пусть пощадитъ вѣрныхъ рабовъ своихъ"!

За воротами послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа. Домашніе Шмуля бросились отворять ворота, такъ какъ у него была корчма, заѣздной дворъ, открытый въѣздъ для путешественниковъ. На дворъ въѣхала бричка. Въ ней сидѣло двое господъ: одинъ пожилой лѣтъ сорока съ лишкомъ, другой молодой, у котораго едва пробивались борода и усы. На облучкѣ сидѣлъ и правилъ парою дюжихъ лошадей плечистый козакъ въ поярковой шляпѣ. Господа соскочили съ брички.

Первый изъ пріѣхавшихъ былъ дѣвицкій сотникъ Вендюхъ. Въ чертахъ лица его было замѣтно какое-то смѣшеніе проницательности съ простодушіемъ; волосы на головѣ темнорусые съ просѣдью были острижены въ кружокъ и покрывались черною суконною шапкою съ четырьмя рожками по угламъ. Одѣтъ онъ былъ въ темно-малиновый кунтушъ, подпоясанный блестящимъ проволочнымъ поясомъ съ саблею въ красиво унизанныхъ бляхами кожаныхъ ножнахъ. Это былъ мужчина статный, мускулистый. Товарищъ его былъ не кто иной, какъ тотъ Микола Сохно, о которомъ было говорено выше. Одѣтъ онъ былъ въ простой черный кунтушъ, сдѣланный на подобіе одежды монастырскаго послушника, въ какихъ обыкновенно въ то время ходили кіевскіе студенты коллегіи; подпоясанъ былъ онъ простымъ кожанымъ пояскомъ съ серебренною застежкою напереди. Свѣжесть молодости, цвѣтущее здоровье, ничѣмъ не порченое, выражались во всѣхъ чертахъ лица его, въ движеніяхъ и поступи. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ красивъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но въ немъ съ перваго раза было что-то такое, что, увидя его, всякій невольно остановится и подумаетъ: этотъ хлопецъ—Богъ его знаетъ, что оно такое, только не

такое, какъ всѣ люди. Его голубые глаза свѣтились тѣмъ невыразимымъ блескомъ таланта, который сразу отмѣчаетъ особенно даровитыхъ людей. Мы уже говорили, что онъ, находясь въ кіевской коллегіи, сталъ заниматься еврействомъ и увлекался, какъ увидимъ, себѣ на гибель, страстію обличать и громить іудеевъ. Это было, мы думаемъ, временное направленіе, которое могло измѣниться, когда-бы ненасытная жажда любознательности могла обратиться къ чему-нибудь иному; но въ тѣ времена даровитая натура, получая воспитаніе въ Кіевѣ, скорѣе всего погружалась въ область религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ, съ которыми, при пылкости нрава, не трудно было впасть въ односторонній, нетрезвый фанатизмъ.

„О, у васъ какое-то большое собраніе сегодня!“ сказалъ Вендюхъ, окидывая взоромъ сидѣвшихъ и стоящихъ около цадика іудеевъ.

„Это, вельможный пане, у насъ сегодня большой праздничный день. *Трубки* называется; конецъ праздниковъ новаго года, отвѣчалъ Шмуль. Сегодня у насъ веселый день, на трубахъ играемъ“!

„Что-жъ отъиграли уже?“ спрашивалъ Вендюхъ.

„Одинъ разъ поиграли, потомъ помолчимъ, поговоримъ промежъ собою, потомъ опять заиграемъ. Кстати къ намъ сегодня почтенный гость пріѣхалъ—рабинъ изъ Львова, Соломонъ Захарьевичъ“, говорилъ Шмуль и съ почтеніемъ показалъ сотнику на цадика, который, съ своей стороны, почтительно поклонился новому гостю.

„И конечно“, отозвался Сохно, „они поиграютъ себѣ на трубахъ, потомъ поругаютъ Господа нашего Іисуса Христа, пожелаютъ всякаго худа вѣрующимъ въ Господа Христа, и, быть можетъ, тутъ-же составятъ какіе-нибудь умыслы дѣлать имъ вредъ. Это у нихъ, по ихъ жидовскому закону, такъ вездѣ дѣлается въ праздничныхъ собраніяхъ. Тутъ-то у нихъ составляются умыслы—гдѣ-бъ имъ христіанское дитя украсть и кровь изъ него выцѣдить“!

Шмуйло закрылъ себѣ уши въ знакъ негодованія. Другіе іудеи свирѣпо глядѣли на Сохна.

Сохно продолжалъ:

„Что, не бойсь, скажете, что у васъ нѣтъ такого обряда? Вы вѣдь всѣхъ насъ въ томъ увѣряете, и обзываете насъ, злодѣи, кровопійцы“!

„За что такъ!“ произнесъ одинъ изъ іудеевъ: — „вельможный панъ сотникъ! не прикажите этому господину, его милости говорить такое про бѣдныхъ жидковъ. Это намъ всѣмъ оскорбленіе. Это закону противно. Мы, бѣдные жидки, имѣемъ грамоты отъ многихъ найяснѣйшихъ королей польскихъ, что-бъ никто не смѣлъ намъ задавать такой нелѣпицы. Мало этого, святѣйшіе отцы папы римскіе выдавали намъ свои высокія буллы о томъ-же, чтобъ насъ въ этомъ не обвиняли. И папы и короли не вѣрили вымысламъ глупой черни, которая взводила на бѣдныхъ жидковъ такія клеветы. Они были умнѣе глупой черни. Ваша милость не смѣете повторять этого“. Послѣднія слова были обращены къ Сохну.

„Не дразните этого дурака“, сказалъ іудеямъ цадикъ. „Съ нимъ иначе слѣдуетъ говорить“!

Эти слова были произнесены по-еврейски. Къ удивленію Соломона Захарьевича, Сохно съ своей стороны далъ ему отвѣтъ по-еврейски и притомъ колкаго свойства.

„Въ первый разъ слышу единаго изъ сущихъ въ назорейскомъ законѣ такъ хорошо знающаго еврейскую рѣчь“, сказалъ ему цадикъ по-еврейски. „Жалѣю, что она употребляется на хулу израилю. Тебя, молодаго человѣка, Богъ надѣлилъ большими дарованіями, только по молодости лѣтъ ты еще не дошелъ до мудрости, иначе, ты-бы совсѣмъ не такъ относился къ израильтянамъ и не повторялъ нелѣпыхъ басень“.

Эти слова перевелъ Сохно Вендюху и потомъ заговорилъ уже по-малорусски, переплетая рѣчь свою еврейскими выраженіями. „Вотъ они всегда хотятъ намъ замылить глаза, чтобъ мы не видали мерзостей, что они съ нами вытворяютъ. Они всѣ увѣряютъ, будто все на нихъ выдумали. Но у насъ есть тьма уликъ и свидѣтельствъ... И самъ этотъ старый жидюга вѣрно пріѣхалъ сюда научать свой бѣсовскій кагалъ, какъ отыскивать дѣтей христіанскихъ и мучить ихъ, и кровь изъ нихъ выпускать“.

„Какъ-же?“ говорилъ цадикъ, хохоча во все горло. „Отступникъ рабинъ Серафимовичъ напечаталъ въ своей книжкѣ, какъ онъ самъ дѣтей мучилъ. Ухъ, какъ страшно! Есть у жидовъ такая бочка, что въ серединѣ вся набита острыми гвоздями, положатъ туда мальчика и качаютъ бочку, пока мальчикъ не изойдетъ кровью. Вѣдь такъ у васъ въ книгахъ вашихъ пишется“?

„Не наши то писали, а вашъ-же рабинъ, что самъ такъ дѣлалъ, и принявши св. крещеніе, оповѣстилъ міру о вашихъ тайныхъ злодѣйствахъ", сказалъ Сохно. „Впрочемъ у васъ, злодѣевъ, не одинъ такой способъ; есть еще и другіе".

„А вѣдь ты, легковѣрный молодой человѣкъ, вѣрно и не подозрѣваешь, что никакого рабина Серафимовича такого на свѣтѣ не было и книги онъ такой не писалъ и не печаталъ, а выдумали св. отцы іезуиты, которые въ Польской Коронѣ не мало смуты учинили и много ложнаго измыслили не только на израильтянъ, но и на своихъ назореевъ. Развѣ не эти іезуиты насильно обращали въ унію благочестивыхъ вашихъ, не они развѣ произвели разладъ между поляками и русинами и довели край до страшныхъ козацкихъ бунтовъ? И теперь хотѣли-бы они отъ великой своей злобы и васъ благочестивыхъ и насъ израильтянъ въ ложкѣ воды утопить. Вотъ они и написали много такого, чтобъ поляковъ противъ васъ, а васъ противъ поляковъ раздразнить и про насъ всякія гнусныя клеветы вымыслили, чтобъ вы насъ ненавидѣли. А вы поддаетесь ихъ ловушкамъ и вѣрите ихъ выдумкамъ".

„Красно вы поете, плуты"!—говорилъ Сохно. „А развѣ все только отъ іезуитовъ началось? Еще на свѣтѣ не было закона іезуитскаго, а уже вашихъ жидовъ въ разныхъ краяхъ во всей вселенной уличали, что вы дѣтей христіанскихъ крадете и кровь ихъ употребляете. Еще при цезарѣ Гоноріи въ сирійской странѣ жиды, укравши христіанское дитя, распяли его на крестѣ и замучили. Такіе случаи потомъ повторялись въ разныхъ странахъ въ теченіи многихъ вѣковъ и осталось о томъ множество историческихъ свидѣтельствъ. Вотъ Одорикъ Райнальдусъ свидѣтельствуетъ, что лѣтъ будетъ пятьсотъ, въ испанскомъ королевствѣ жиды замучили христіанскаго ребенка, пригвоздивши его къ стѣнѣ и кровь изъ него булавками выпускали, а въ аглицкой землѣ въ г. Линкольнѣ жиды такого-же христіанскаго мальчика прибили ко кресту, а на голову ему терновый вѣнокъ наложили и копіемъ его прокалывали, изображая на немъ такія муки, какія ихъ предки творили Господу нашему. Богъ объявилъ это злое дѣло міру; сколько разъ ни погребали жиды замученнаго ребенка, земля извергала его тѣло, наконецъ жиды бросили его въ колодезь, а тутъ мать ребенка нашла его и злодѣяніе было открыто; за это однако жида привязали къ

хвостамъ лошадей и растерзали, а затѣмъ еще казнили смертію девяносто жидовъ за соучастіе. Что-же? Это все, какъ ты говоришь, іезуиты вымыслили? Но, повторяю, тогда іезуитовъ и на свѣтѣ не было. Въ италіанской землѣ, въ городѣ Тридентѣ, у бѣдныхъ христіанскихъ родителей жиды украли ребенка и до смерти замучили въ своей божницѣ, выпуская изъ него кровь двумя иглами въ широкую мису. И тогда еще не было іезуитскаго закона. Такихъ примѣровъ чрезвычайно много происходило въ Швейцаріи и всѣ швейцарскія хроники переполнены извѣстіями этого рода. Тоже происходило въ странахъ венгерской, нѣмецкой и польской, да и близко къ намъ въ странѣ волынской, въ селѣ Возникахъ, въ 1598 г. жиды замучили ребенка и бросили тѣло его между хворостомъ и камышемъ, гдѣ оно было найдено, и тогда, какъ свидѣтельствуетъ историкъ Александръ Гвагнини, трое жидовъ, по именамъ Ааронъ, Марко и Исаакъ, были приговорены люблинскимъ трибуналомъ къ смертной казни. Мало-ли тебѣ этихъ свидѣтельствъ изъ разныхъ временъ и разныхъ странъ! Если хочешь, я ихъ тебѣ откопаю еще втрое столько. Но это все такіе случаи, когда ваши жидовскія злодѣянія становились извѣстными послѣ ихъ совершенія. А сколько такихъ, которыя такъ и не открылись и не могли войти въ историческія описанія! Ваши жиды, по своему тайному закону, обязаны каждый годъ гдѣ-нибудь по очереди замучить христіанское дитя, такъ чтобы мученіе надъ нимъ имѣло подобіе со страданіями Господа нашего Іисуса Христа. Сами жиды сознались въ томъ и показали это подъ пытками въ Тирнавѣ, венгерскомъ городѣ".

„Все, что ты говорилъ",—сказалъ цадикъ, „есть вздоръ, и никогда того не бывало. Вольно тебѣ теперь ссылаться на такія свидѣтельства, что за шесть сотъ да за восемь сотъ лѣтъ. Тѣхъ, что могли видѣть и слышать это, давно нѣтъ на свѣтѣ. А что писано кѣмъ-то, такъ что-жъ, бумага все терпитъ! Что ты говоришь: такой-то, другой историкъ такъ написалъ, такъ развѣ ты навѣрное знаешь, что тотъ, кто это историку сообщилъ, говорилъ правду. Говоришь ты, будто жиды наши сами сознавались подъ пытками... Э, да вѣдь подъ пыткой мало-ли чего кто не наговоритъ! Иной, какъ только ему покажутъ орудія, тотчасъ всякій разсудокъ потеряетъ и понесетъ чепуху, самъ на себя станетъ наговаривать, лишь-бы

его не терзали, а скорѣе-бы ужъ вершили. А что, какъ поставятъ на острые гвозди, или начнутъ по спинѣ разожженнымъ желѣзомъ водить"!

Тутъ одинъ іудей сказалъ: „наговоришь на себя не только такое, чего никогда не дѣлалъ, а даже и такое, чего во снѣ не видалъ"!

„Какъ"!—возразилъ Сохно, „во всѣхъ славныхъ европейскихъ государствахъ издавна въ обычаѣ допрашивать преступниковъ подъ пыткою и по ихъ пыточнымъ рѣчамъ дѣла вершать. Еслибъ подъ пытками говорили на себя все только неправду, великіе короли и князья, что поумнѣе насъ, отмѣнили-бы пытку. А то вотъ нѣтъ-же: во всемъ мірѣ ее употребляютъ и по пыточнымъ рѣчамъ правды дознаются".

„А ты самъ", сказалъ цадикъ,—читалъ пыточныя рѣчи тѣхъ жидовъ, что сознавались? Ты ихъ не читалъ самъ, а знаешь о нихъ тоже изъ своихъ историковъ, а тѣ тоже не вѣрно передавали, потому что сами не были близки къ дѣлу, а отъ другихъ слыхали. Коли-бъ тѣ пыточныя рѣчи были на лицо, то можетъ быть оказалось-бы, что жидъ не совсѣмъ такъ говорилъ, какъ историкъ по слухамъ записалъ!"

„Ты, проклятый жидъ, нашимъ книгамъ не вѣришь и ни во что ихъ не ставишь"!—сказалъ Сохно.—„Оно и понятно: коли-бъ ты нашимъ книгамъ вѣрилъ, то нашелъ-бы въ нихъ вѣрныя доказательства, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ истинный Мессія и ты-бъ увѣровалъ въ него. А вотъ какъ ты нашихъ книгъ знать не хочешь, такъ какъ-же я тебя обличу въ вашихъ жидовскихъ злодѣйствахъ, когда о нихъ писано въ нашихъ книгахъ? Да и въ вашихъ книгахъ есть про это, только въ тайныхъ"...

„Въ нашихъ книгахъ!" воскликнулъ цадикъ:—„въ какихъ-же это нашихъ книгахъ? Нашъ талмудъ печатанъ и всякій кто понимаетъ, можетъ читать его. Тамъ не найдешь ничего похожаго".

„Знаемъ, знаемъ! это мы слыхали!" Съ живостію прервалъ его Сохно. „Не все напечатано, что у васъ есть въ талмудѣ. Многое еще сберегается у васъ на письмѣ, подъ великимъ секретомъ, а такое дѣло, какъ пролитіе христіанской крови, вы и письму то повѣрять опасаетесь. Впрочемъ и въ вашемъ талмудѣ постановляется не всякія пакости чинить христіанамъ, которыхъ вы наравнѣ со всякими невѣрными именуете гоями.

„Такъ ты, козаче", сказалъ цадикъ, „думаешь, что все, гдѣ пишется про гоевъ, разумѣется и про васъ! Гоями называли невѣрныхъ идолопоклонниковъ, какіе безпокоили израильтянъ въ древнія времена, а васъ гоями никогда не называли, а называли назореями; и васъ и караимовъ и магометанъ мы всегда считали вѣрующими въ одного съ нами Бога, хотя по волѣ Божіей они и порознились съ нами. Я покажу въ талмудѣ мѣста, гдѣ самъ увидишь, что васъ такъ не зовутъ—гоями.

„Покажешь-то ты, покажешь!" сказалъ Сохно,—„только мѣста эти у васъ подмалеваныя, чтобъ намъ глаза отводить, чтобъ мы вашихъ плутней не видали. Въ вашемъ проклятомъ талмудѣ писаны хульныя рѣчи противъ Господа нашего Іисуса Христа. Выдумали, что Онъ рожденъ отъ зазорной женщины, что настоящимъ отцомъ его былъ какой-то римскій воинъ Пантеръ, пресвятую Дѣву Богоматерь вы проклятымъ языкомъ своимъ дерзаете называть негоднымъ именемъ *Соно*, про Господа нашего выдумали, что Онъ творилъ чудеса не силою Божіею, а чрезъ волхвованіе, которому научился во время пребыванія въ Египтѣ, святыхъ апостоловъ называете лжецами. Учители ваши заповѣдали вамъ злобу противъ христіанина, считаемаго вами гоемъ, идолопоклонникомъ. Когда, говорятъ они вамъ, встрѣтишь божницу христіанскую, плюнь и скажи: мерзкая изъ мерзкихъ, нечистѣйшая изъ нечистѣйшихъ, будь проклята! Когда проходишь мимо христіанскаго кладбища, произнеся проклятіе, скажи: отвержена родительница ваша, конецъ христіанскій—червь и тлѣніе! Вашъ рабинъ Моисей въ книгѣ Мадда написалъ: если увидишь исповѣдующаго Іисуса Назорея близко смерти, не спасай его, а убей, и когда онъ впадетъ въ колодезь, ты камнемъ прикрой его и если увидишь вблизи лѣстницу, прими ее прочь; пусть погибаетъ! Если вы, жиды, не убиваете насъ часто, такъ это потому, что вамъ выгоды нѣтъ отъ нашей гибели, а за лучшее считаете насъ обманывать и высасывать. Этому научаетъ васъ вашъ мерзкій талмудъ и намъ слѣдуетъ истреблять ваши богопротивныя книги".

„Не знаю! ничего такого не слыхалъ, не читалъ и не знаю!" говорилъ цадикъ, отмахиваясь руками, словно отъ мухъ.

„Вы въ своихъ книгахъ пишете, будто мы кровь съ вашихъ дѣтей точимъ и употребляемъ. А у насъ по закону строго запрещается всякое употребленіе крови, хотя-бы животнаго. Да и для

чего-бы то намъ нужна ваша кровь? Вы въ своихъ книгахъ сами не можете указать, зачѣмъ нужна жидамъ ваша кровь, и разныя причины выдумываете.

„Это оттого", сказалъ Сохно, „что вы скрываете отъ насъ свою злодѣйскую тайну. Хоть васъ рѣжь, раскаленнымъ желѣзомъ жги,—вы правды не откроете! Одинъ жидъ, принявши христіанство, повѣдалъ, что тайну эту у васъ знаютъ только немногіе рабины и цадики, простые-же іудеи не знаютъ настоящаго, иные-же вовсе не увѣрены, что есть такая тайна, что сообщаетъ Іовъ Френцель. Вотъ отъ этого-то и разныя толкованія пошли о томъ, для чего нужна вамъ кровь. А что ты говоришь, что по вашему закону употребленіе всякой крови запрещается, такъ ваши цадики толкуютъ такъ: еще до Моисея Богу угодны были человѣческія жертвы. Доказательство—что Богъ приказалъ Авраму заклать сына своего Исаака. Хотя за послушаніе Богъ и помиловалъ Авраама и вмѣсто сына указалъ ему принесть въ жертву барана, но этого барана надобно понимать иносказательно. Вотъ этого-то барана и находятъ ваши жиды въ христіанскомъ ребенкѣ. Если-бъ Богу непріятна была кровь человѣческая, такъ онъ-бы не повелѣвалъ Аврааму заколоть Исаака—толкуютъ ваши цадики. Что и послѣ Моисея у васъ, жидовъ, были человѣческія жертвы, показываетъ примѣръ судьи Іеоая, который обѣщалъ въ жертву Богу принести того, кого перваго встрѣтитъ, возвращаясь съ побѣдою, и встрѣтивши дочь свою, вышедшую къ нему на встрѣчу, принесъ ее въ жертву Богу. Псалмопѣвецъ не даромъ-же укоряетъ израильтянъ, что они приносили сыновей своихъ и дочерей въ жертву бѣсамъ, проливали кровь невинную сыновей и дочерей своихъ и осквернилась земля кровью". (Пс. 105).

Цадикъ прервалъ его. „Это",—сказалъ онъ,—„говорилось къ тѣмъ, которые тогда отступили отъ истиннаго Бога".

„Ты, жидъ, не заговаривай-то зубы", сказалъ Сохно. „Я тебѣ вотъ что припомню. У васъ постоянно приносились жертвы, рѣзали козловъ, тельцовъ, воловъ—и воображали, что этого Богъ требуетъ, а боговдохновенные глаголы что возвѣщали? Исаія пророкъ говоритъ: что мнѣ множества жертвъ вашихъ? Исполненъ есмь крови, тельцовъ и юнцовъ вашихъ ненавидитъ душа моя. А псалмопѣвецъ, что говоритъ? - не приму тельца изъ дома твоего, ни козловъ изъ дворовъ

твоихъ... Развѣ я ѣмъ мясо или пью кровь козловъ? Мои всѣ звѣри въ лѣсу и скотъ на тысячи горахъ... Принеси въ жертву Богу хвалу и призови меня, я избавлю тебя, а ты прославишь меня". Видишь, въ священномъ писаніи Ветхаго Завѣта, которое вы считаете за главное основаніе своей вѣры, прямо говорится, что Богу вовсе не угодны кровавыя жертвы, а ваши предки, зная это, все таки приносили ихъ по обычаю. Точно также и теперь: хоть вы намъ говорите, что законъ вамъ запрещаетъ употребленіе крови, а мы вамъ говоримъ, что если-бы и такъ было, а законъ вашъ воспрещалъ-бы вамъ кровь, вы все таки, по тайному обычаю предковъ, крадете христіанскихъ дѣтей и кровь ихъ невинную проливаете".

„Да на что намъ эта кровь? Скажите по крайней мѣрѣ, чтобъ мы знали", произнесъ цадикъ.

„Вы", сказалъ Сохно, „намазываете ее на полотно и разсылаете своей братіи по разнымъ мѣстамъ, такимъ, которые вѣдаютъ эту вашу тайну. Ее употребляютъ, когда пекутъ мацы, и черезъ это, какъ вы кровь христіанскую отвѣдываете, такъ и во всѣхъ дѣлахъ съ нами крещеными успѣхъ имѣете себѣ, въ свою жидовскую корысть, а намъ христіанамъ въ ущербъ; все это черезъ то ваше кровавое волхвованіе проклятое, вы у насъ и умъ отнимаете и глаза намъ отводите, такъ что мы хоть не хотимъ того, а вамъ поддаемся и ничего противъ васъ не подѣлаемъ. Вы всѣ жиды къ тому идете, чтобъ наше достояніе, которое мы пріобрѣтаемъ своими тяжелыми трудами, доставалось не намъ, а переходило къ вамъ въ руки, чтобъ мы, христіане, рады-не-рады, а дѣлались въ концѣ концовъ отъ васъ зависимыми, становились-бы, сами не дознаваясь отъ чего, у васъ жидовъ въ неволѣ. Этого всего вы достигаете черезъ оное кровавое волхвованіе и надѣетесь еще гораздо большаго достигнуть. Оттого-то вы такъ дорожите этимъ волхвованіемъ и сохраняете его въ непроницаемой тайнѣ. Вы, проклятые, на то на свѣтѣ живете, чтобъ съ насъ кровь и сокъ высасывать. Вы отъ честной работы убѣгаете, однимъ шахеръ-махерствомъ пробавляетесь, умѣете пользоваться нашими грѣхами и неразуміемъ, потому что мы просты и довѣрчивы и противъ васъ слабы. И что-же вы за то съ насъ и выдѣлываете?! Вонъ польскіе паны вамъ, жидамъ, маетки въ аренды отдавали, и вы эти маетки опустошали, а бѣдныхъ панскихъ подданныхъ какъ истомили и измучили. Сей-

часъ видно, какая маетность побывала у васъ въ жидовской власти. У насъ въ гетманщинѣ, слава Богу, васъ не было съ тѣхъ поръ, какъ при блаженной памяти гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ васъ перебили и прогнали тѣхъ, что успѣли уйти отъ козацкаго оружія. А вотъ теперь вы опять къ намъ заползаете и гнѣзда свои заводите, проклятые клопы! Намъ слѣдуетъ не допускать вамъ распложаться и размножаться, надобно ваши домы разорять, вашу всю рухлядь порубать, побить, попортить, ваши синагоги развалить до фундамента, всѣ ваши богомерзкія книги и писанія пожечь и всѣхъ васъ съ семьями вашими прогнать вонъ изъ нашего края, чтобъ и духа вашего поганаго жидовскаго не оставалось. Благоразумны были тѣ власти, что васъ кровопійцъ въ подвластный себѣ край не пускали. Такъ всегда поступали цари московскіе, и вы до сихъ поръ въ Московщину не смѣете вашего носа проклятаго сунуть. А мы вотъ хоть и живемъ подъ московскою властію, да свои права и вольности имѣемъ. Пользуясь этимъ, вы и проползаете къ намъ. Если мы не одумаемся, да не искоренимъ васъ, то изъ этого разростется для всего нашего края великое зло"!

Цадикъ пожималъ плечами и разводилъ руками. „Что на все это отвѣчать"?—произнесъ онъ наконецъ. „Вы злобствуете на бѣдныхъ жидковъ ни-за-что, клевещете на насъ, взводите на насъ небылицы! Намъ остается искать прибѣжища и помощи у Бога отцевъ нашихъ! Во всемъ Его воля, и надъ нами, да и надъ вами"!

„Панъ вельможный сотникъ"!—отозвался одинъ изъ жидовъ, „твоя милость есть тутъ власть. Не позволяй этому господину такъ порочить и безчестить наше племя. Вѣдь мы живемъ въ краѣ, гдѣ долженъ соблюдаться порядокъ и никто не смѣетъ безъ всякаго повода оскорблять другихъ".

Вендюхъ отвѣчалъ:

„Я не дозволю никому дѣломъ васъ оскорблять, а что онъ языкомъ говоритъ, я не могу его взять за горло и языкъ у него вытянуть. Вы, жиды, не какіе-нибудь правящія лица, что про васъ никто не смѣй дерзкаго слова произнести. Онъ такъ думаетъ про васъ, такъ и говоритъ, и вы противъ него говорили. Тутъ мое дѣло сторона. Повторяю, если-бъ кто васъ сталъ оскорблять дѣломъ, я-бы не похвалилъ этого и не дозволилъ".

„Дѣломъ нельзя, а словомъ можно! Но отъ слова не такъ-то далеко и до дѣла. Все такъ бываетъ: начинается словомъ, а кончается дѣломъ",—сказалъ одинъ іудей.

Лошади поѣли. Вендюхъ привѣтливо простился съ хозяиномъ и разомъ съ своимъ спутникомъ сѣлъ въ запряженную бричку. Козакъ, сидѣвшій на козлахъ, сдѣлалъ взмахъ бичемъ. Лошади тронулись.

И. Н. Костомаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ

(по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ).

Въ 1775 году, во время разоренія запорожской Сѣчи драгунами Текелія, былъ одинъ трагическій моментъ, едва отмѣченный исторіей, но не забытый и подробно переданный намъ украинскими народными пѣснями,—моментъ, когда свободолюбные січовики въ отчаяніи просили своего „батька—Кошового“:

„Позволь, батьку—отамане.
Намъ на баштi стати:
Москаль стане лагорями,
А мы курінями,
Москаль стане зъ палашами,
А мы зъ кулаками,
Нехай буде наша слава
Поміжъ козаками“!

—*„Не позволю миле братьтя!“*, отвѣчалъ томившійся потомъ въ застѣнкахъ соловецкаго монастыря Калнишевскій.

—„Не позволю, миле—братьтя,
Вамъ на баштi стати:
Однакове христіянство—
Грішно выгубляти“!

И часть козаковъ, какъ извѣстно, покорилась волѣ своего батька—отамана, продиктованной ему тѣмъ безсознательнымъ народно-политическимъ чутьемъ, которое выражаетъ такъ часто въ примитивной, но удобопонятной формѣ самыя сложныя идѐи общественности. Другая-же часть—меньшинство сказала отáману:

„Оставайся-жъ, панъ-отаманъ,
Въ Січі зъ писарями“!..

(Зап. отъ Тараса Корніенка и др. въ с. Тульчѣ).

понадѣялись на то, „что добре буде запорожцамъ и підъ туркомъ жити“, „посідали на лодочки, та й за Дунай махнули“! Оставшаяся большая часть запорожскихъ козаковъ составила собою, какъ извѣстно, черноморское козачье войско, другая-же, сравнительно гораздо меньшая часть успѣла уйти внизъ по Днѣпру въ предѣлы турецкой имперіи и получила позволеніе отъ турецкаго правительства поселиться на устьяхъ Дуная. Этотъ послѣдній фактъ отмѣченъ въ исторіи и составляетъ предметъ многихъ историческихъ пѣсенъ украинскаго народа. Но затѣмъ вся дальнѣйшая судьба этой запорожской эмиграціи остается неизвѣстной вплоть до 1828 года, когда Кошевой атаманъ задунайской Сѣчи Осипъ Гладкій перешелъ во время войны съ Турціей на сторону Россіи и съ частью своихъ запорожцевъ вернулся обратно въ свое прежнее отечество и положилъ основаніе недолго впрочемъ существовавшему азовскому козачьему войску. Всѣ историческія свѣдѣнія о задунайской Сѣчи ограничиваются, сколько намъ извѣстно, только нѣсколькими указаніями на то, что она постоянно служила пріютомъ бѣжавшихъ отъ крѣпостнаго права и рекрутчины украинскихъ крестьянъ и что русское правительство нѣсколько разъ обращалось къ задунайскимъ запорожцамъ съ предложеніями вернуться обратно въ Россію. Что-же касается организаціи, внутренняго быта и исторической жизни задунайскаго украинскаго козачества въ теченіи послѣдней четверти прошлаго и первой четверти нынѣшняго столѣтій, то на все это мы не находимъ почти рѣшительно никакихъ указаній во всей извѣстной намъ исторической литературѣ. Между тѣмъ исторія запорожцевъ за Дунаемъ въ теченіи этого, все-таки довольно значительнаго періода времени не можетъ не быть для насъ интересною; съ одной стороны потому, что задунайская Сѣчь представила собой уцѣлѣвшій почти до нашего времени обломокъ извѣстной народной организаціи, существовавшій вполнѣ самостоятельно и сохранившій до конца свой оригинальный общественный складъ и наконецъ оставившій послѣ себя замѣтный слѣдъ въ видѣ современнаго украинскаго населенія Добруджи и дунайской Дельты—

и съ другой стороны потому, что мы не можемъ оставить безъ вниманія судьбу этой украинской эмиграціи, рѣшившейся бравировать всѣ тѣ національныя и общественныя неудобства, какія возникали для нея съ переселеніемъ въ Турцію, опасенія которыхъ заставили отступить Калнишевскаго передъ смѣлымъ предложеніемъ послѣднихъ днѣпровскихъ січовиковъ.

Великорусское старообрядческое и раскольничье населеніе Добруджи все-таки привлекало къ себѣ вниманіе или правительственныхъ агентовъ, въ родѣ Надеждина, или хоть такихъ, болѣе случайныхъ и очень одностороннихъ, посѣтителей этой страны, какимъ былъ напр. извѣстный Кельсіевъ; но и это вниманіе касалось главнымъ образомъ не столько бытовой жизни и народной организаціи добруджскихъ старовѣровъ, сколько ихъ религіозныхъ воззрѣній и церковнаго устройства, украинское-же населеніе этой страны какъ будто-бы даже вовсе не было ими замѣчено. Единственнымъ посѣтителемъ Добруджи, оставившимъ намъ хоть какія-нибудь замѣтки о задунайской Сѣчи, оказывается бывшій генералъ турецкой службы Садыкъ-Паша (Михаилъ Чайковскій), извѣстный въ литературѣ какъ одинъ изъ писателей польско-украинской школы, и въ политикѣ, какъ авантюристъ, сдѣлавшій между прочимъ неудачную попытку организаціи остатковъ добруджскихъ некрасовцевъ и русняковъ въ иррегулярное турецкое войско, названное имъ „козаками оттоманскими“. Но крайне смутныя и отрывочныя свѣдѣнія этого писателя, изложенныя въ его агитаціонной книгѣ „*Kozaczyzna w Turcyi*“, [1]) до такой степени спутаны и тенденціозно обработаны, что рѣшительно не могутъ имѣть никакого значенія, безъ самой тщательной провѣрки каждаго заключающагося въ нихъ факта. Чайковскій говоритъ, что при немъ, въ 1845 г., въ Добруджѣ было двое старыхъ запорожцевъ: въ Кучукъ-Сейменахъ надъ Дунаемъ возлѣ Гирсовы—Семенъ Безверхій, послѣдній атаманъ платнірівськаго куріня, и въ Кара-Орманѣ—Степанъ Заремба, по прозвищу карагарманець, последній осавула задунайской Сѣчи (?). Первый изъ нихъ съ Василіемъ Сѣдлецкимъ, куреннымъ атаманомъ поповичівського куріня,

---

[1]) *Kozaczyzna w Turcyi*, dzieło w 3-ch częściach, przecz X. K. O. Paryż 1857. Инкогнито автора существуетъ только на заглавномъ листкѣ, далѣе-же все изложеніе прямо ведется отъ имени Ч—аго.

будто-бы предводительствовалъ тѣми козаками, которые были отправлены въ 1828 г. въ Силистрію. Кромѣ того Чайковскій говоритъ еще о своемъ знакомствѣ съ запорожцемъ Завильскимъ, около Дунавца, и Василіемъ Смыкомъ, бывшимъ Кошевымъ въ Каликѣ. На основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему этими лицами, а также служившимъ подъ его начальствомъ козакомъ Иваномъ Щербиною, сыномъ Василя Щербины, будто-бы перенесшаго Сѣчь въ Дунавецъ, Чайковскій дѣлаетъ краткій историческій очеркъ задунайской Сѣчи. Но такъ какъ этотъ очеркъ, къ сожалѣнію, и начинается съ самыхъ явныхъ натяжекъ, въ родѣ желанія во что-бы ни стало вывести происхожденіе задунайской Сѣчи отъ Мазепы и его свиты, и въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи заключаетъ такія явныя несообразности, какъ разсказъ о какой-то шубѣ, бывшей, по его словамъ, знакомъ достоинства Кошоваго, которую кошовые носили зашитой на себѣ и никогда не снимали, боясь потерять свое званіе вмѣстѣ съ шубой и т. п., такъ какъ, наконецъ, весь этотъ очеркъ Чайковскаго проникнутъ явной тенденціей доказать важное участіе въ судьбахъ Сѣчи польскаго элемента, который, нужно замѣтить, очень усердно отождествляется у него съ запорожскимъ и составляетъ, въ виду возстановленія польскаго королевства, исходный пунктъ всей оттоманской козачизны, то очевидно самъ по себѣ онъ не даетъ никакого и приблизительнаго даже понятія ни о внутренней жизни задунайской Сѣчи, ни даже объ ея хронологической исторіи. Затѣмъ нѣсколько небольшихъ замѣтокъ, касающихся запорожцевъ за Дунаемъ, помѣщенныхъ въ нашихъ историческихъ журналахъ, да не особенно подробныхъ біографическихъ статей о послѣднемъ Кошевомъ О. Гладкомъ, также не представляютъ собой сколько нибудь обстоятельнаго матеріала для исторіи задунайской Сѣчи, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они заключаютъ въ себѣ множество самыхъ крупныхъ неточностей, не исключая даже и такой статьи, какъ біографія Гладкаго, написанная его роднымъ сыномъ для „Русской Старины“ (Февр. 1881 г.).

Въ виду такого, почти полнаго отсутствія литературныхъ данныхъ относительно задунайской Сѣчи, автору этой статьи, очутившемуся случайно въ Добруджѣ и познакомившемуся съ украинскимъ ея населеніемъ, не оставалось ничего больше, какъ обратиться къ мѣстной народной литературѣ, къ разсказамъ и воспоминаніямъ

стариковъ, и т. п. Что касается украинскихъ народныхъ пѣсень, сохранившихся, кстати сказать, въ Добруджѣ едва-ли не лучше, чѣмъ въ Украйнѣ, то, судя по тому, что было нами собрано (около 70 однихъ историческихъ, представляющихъ болѣе или менѣе неизвѣстные до сихъ поръ варіанты), слѣдуетъ думать, что за исключеніемъ времени переселенія за Дунай и нѣкоторыхъ обстоятельствъ послѣ этого переселенія, но во всякомъ случаѣ не дольше начала нынѣшняго столѣтія, пѣсенное народное творчество почти совершенно угасло среди добруджскаго украинскаго населенія, не захвативши событій, составляющихъ исторію задунайской Сѣчи. По крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ, собранныхъ мною, нѣтъ рѣшительно *ни одной*, которая-бы относилась хоть къ главнѣйшимъ изъ этихъ событій. Нѣкоторыя пѣсни, болѣе лирическаго содержанія, выражаютъ тоску по родинѣ, нежеланіе умирать „на чужині", желаніе и надежду перевести за Дунай свою семью и т. п.—и только. Что касается за тѣмъ устныхъ преданій и разсказовъ, то въ этомъ отношеніи поиски оказались болѣе счастливыми: почти отъ каждаго старика удавалось услышать то или другое, болѣе или менѣе интересное, болѣе или менѣе характеризующее жизнь бывшаго задунайскаго Запорожья. Но истинной находкой въ этомъ отношеніи оказался стодвадцатилѣтній старецъ, самъ бывшій запорожецъ, Ананій Ивановичъ Коломиецъ.

Въ самомъ уголкѣ, образуемомъ впаденіемъ георгіевскаго гирла Дуная въ Чорное море, вдоль лѣваго берега этого гирла, пріютилась за обрубленными по малороссійски вербами—малороссійская-же рыбачья деревня *Катирлезъ*. Вотъ въ этой-то деревенькѣ, обозначенной далеко не на каждой картѣ, но игравшей и до сихъ поръ играющей еще очень важную роль въ качествѣ надежнаго пристанища для разнаго рода украинскихъ „забіглихъ душъ", пришлось мнѣ встрѣтиться съ Коломийцемъ, этимъ, сколько мнѣ извѣстно, единственнымъ уже живымъ представителемъ бывшей задунайской Сѣчи. Разсказы этого послѣдняго задунайскаго „січовика", по счастью сохранившаго еще удивительную для его лѣтъ память, записанные съ его словъ со всевозможною тщательностію и составятъ главный матеріалъ настоящей статья, такъ какъ воспоминанія стараго запорожца охватываютъ безъ малаго почти все время существованія задуйнайской Сѣчи и даютъ возможность составить себѣ

более или менее определенное понятіе о соціальной жизни этой козацкой общины. Вслѣдствіе этого, а также и потому, что личность самого Коломийця представляетъ сама по себѣ чрезвычайно много интереснаго, служа живой иллюстраціей эпохи, намъ кажется вполнѣ умѣстнымъ познакомить сначала читателя съ этимъ самимъ главнымъ и, такъ сказать, живымъ источникомъ настоящей статьи.

Слыша давно уже о Коломийцѣ, какъ о человѣкѣ, который могъ-бы сообщить мнѣ найболѣе свѣдѣній о дунайскихъ запорожцахъ, я нарочно отправился въ Катирлезъ съ цѣлью познакомиться со старикомъ. Благодаря любезности знакомыхъ рыбалокъ Григорія и Якима Александровичей, давшихъ мнѣ у себя пріютъ, Коломиецъ, почти черезъ часъ послѣ моего пріѣзда былъ уже у насъ въ хатѣ. Степенно войдя, медленно снявши шапку и не обращая вниманія на привѣтствія, онъ нѣсколько разъ перекрестился по направленію къ иконамъ и затѣмъ только отвѣтилъ на наши привѣтствія. Сильно сгорбленный, съ небольшимъ уже количествомъ волосъ на сѣдой головѣ и на пожелтѣвшей уже клинообразной бородѣ, онъ все таки носилъ на себѣ ясные слѣды прежней мужественной красоты и богатырскаго сложенія. Необыкновенно спокойный тонъ, неизмѣнная старчески-добродушная улыбка и словоохотливость, съ небольшой подчасъ примѣсью обычнаго малороссійскаго юмора, столь свойственнаго нашимъ „дідамъ“, съ разу-же облегчили начало нашихъ разговоровъ. Вспомнивъ двухъ-трехъ общихъ знакомыхъ, тоже стариковъ изъ Тульчи, ихъ разсказы о старинѣ и пр., я съ разу навелъ старика на біографическія воспоминанія и т. д... Не замедлила явиться разумѣется и „чарочка“:

— „Вина не пью, спасибі вамъ!... Вже годъ десять не пью,— мені одъ ёго у грудяхъ якось важко... а отъ ракй (водки) выпью!.. Вона мене тільки й на світі держить!“..., прибавилъ онъ съ добродушной усмѣшкой.

Скоро потомъ, въ очень деликатной формѣ, онъ освѣдомился у меня о цѣли моихъ разспросовъ и при этомъ прибавилъ:

— „Тутъ, бачите, приїздили одни... роспитувались... вони думають, що я знаю, де запорожськи скарби позакопувані... Ге!... якъ-бы я знавъ!... хиба-бъ я самъ не догадався выкопати, а то отъ бачите!..., указалъ и онъ на свою сильно поношенную, почти нищенскую одежду, состоявшую изъ сѣраго полотнянаго „чекміня“, на-

дѣтаго сверхъ такого-же синяго, полотняныхъ шароваръ и „сиричуватихъ постолівъ“, родъ башмаковъ, изъ невыдѣланной свиной кожи, шерстью наружу.

Я объяснилъ старику, почему для меня важны его разсказы;—это его повидимому заинтересовало. Онъ сообщилъ мнѣ, что самъ видѣлъ книги, въ которыхъ говорилось о старинномъ днѣпровскомъ Запорожьѣ, и хотя самъ грамоты никогда не зналъ, но слышалъ, какъ читали другіе... Вообще мое любопытство по отношенію къ Запорожью очевидно было понято и принято съ замѣтнымъ удовольствіемъ... Старикъ очень охотно принялся уже было за продолженіе прерваннаго эпизода изъ войны запорожцевъ съ некрасовцами, когда я опять остановилъ его просьбою позволить мнѣ записывать его разсказы.

— „Эге... то коли такъ, що вы оце й писати будете, то нехай я вже вамъ розкажу зъ самого початку, якъ ще воно зъ початку віка́ було!“...

Само собой разумѣется, что я поспѣшилъ попросить его объ этомъ и старецъ, принявши какъ будто-бы нѣсколько болѣе торжественный тонъ, началъ:

— „Бувъ, бачте, князь Юрикъ... Духоборці, значить були, чи якъ вамъ сказать... нашого Бога не знали, а ихъ, народу того 13 сортівъ було, а Юрикъ отой бувъ найдужчий... а іздили вони у Киівъ... Та може вы сами це знаєте, се-жъ у книзі пишеться, вы-жъ люди письменні!.. Ну, то ото-жъ іздили вони у Киівъ, а Киівъ благочестивий бувъ тоді, а вони насміхалися, що тамъ и книги и типографвіи, и ото усе зъ того Юрика уставало. А у Киіві воно отъ якъ повелось: Глібъ и Борисъ—князи тамъ були, то вони просили погрецькихъ царівъ за граматнихъ людей,—отъ греческьи царі й послали до ихъ двохъ пресвитерівъ—Кирилія и Мехтодія, а тиі вже усе и устроіли по настоящому—и книги и печаті и типографвіи, а Юрикъ у те времъя не приіздивъ у Киівъ, то й не знавъ... А якъ вони вже ото поробили, тиі пресвитери, та выйшли собі звідти, то Мехтодій пішовъ у римську сторону, а Кирилій пішовъ у святугору. Отоді-жъ невірний князь Юрикъ, якъ довідавсь про се, то зібравъ своя 13-ть князівъ та й ставъ говорити: „яке право иміли греческьи цари присилати пресвитерівъ у нашу землю?! а соберемъ мы силу свою усю и підемъ воювать и Царяградъ візьмемо!“ А у

Цареградi старi люде вже знали се дiло, що йде такий-то князь невiрний и хоче Цареградъ узять,—то пiшли вони у церкву, у Лахерню (тамъ церква така есть—Лахерня) и стали передъ иконою, передъ Матiръю Божою и кажуть, що йде сила, невiрна Литва и хоче насъ звоювать... А Матiрь Божа у те время чудотворна була (то була явленна, а то чудотворна зробилась,—стала говорить зъ ими), то вона имъ каже: „вiзьмить вы мою ризу и станьте коло моря, бо вони йдуть флотомъ своимъ (тодi парусивъ не було, такъ гребли собi, який тамъ и флотъ бувъ!..), умочить мою ризу у море, та й тiкайте, якъ можете сами, бо збунтуеться у морi вода: те що зверху було, те буде на сподi, а те, що на сподi було, стане зверху и пожре ихъ усiхъ и потопить!" А князь Юрикъ узнавъ, що буде тая казнь на ихъ, що вытопить ихъ усiхъ до ноги—щобъ одна нога не осталась, то самъ не пiшовъ, а вернувсь назадъ и була зъ нимъ часть воинивъ и пiшовъ вiнъ у Браньськи лiса́, у гору на Днiпрi, у свою землю. Отъ тамъ вiнъ осiвъ и присягнувсь нiмцеви: „мы тобi будемо служить, не хочемъ и жалуваньня, тiльки дай намъ бумагу—бунчукъ, а мы сами себе будемо годувать (звiстно розбiйники!), а якъ хто воювати буде, дамо тобi помочи"... Вони й одъ поляка мали таку бумагу—одъ короля польського...

По сконченнi вiка̀ польського короля, розбито Польщу на чотыри части и зроблено чотыри гетьманы на усю Польщу. То отi польськи гетьманы набiрали козакiвъ-охотникiвъ, жалуваньня имъ давали, и служили вони ко̀ло тихъ гетьманiвъ... А у пiсля довiдались вони про Юрика, що вiнъ на Днiпрi козакувавъ, та й почали до ёго втiкати, а вiнъ и радъ—приймавъ ихъ—годъ, два, три—вони туди й повтiкали одъ панiвъ, выйшли усi туды!... Оттамъ вони й жили у Чу̀тi... Чута—се лiсъ! Се у вершинi Днiпра... то усе лiса такиi були: Чорний Лiсъ и Великий-Лугъ и Байракъ и Чута... Чу̀та—дубина: нема нiякого лiсу, тiльки сама дубина... Оттамъ и Сiча була, тамъ вона зачипалася... Тодiще Кива мало й було,—Кивъ называвсь *Берести*, а вже потiмъ назвавсь Кивъ черезъ двохъ чоловiкъ—одинъ *Кiй* бувъ, а другий *Йовъ*... А козаки тиi, якъ ще у Чутi були, не звались ще Сiчъ, а звались Козары... Тамъ Да̀ньске озеро есть—нема на ёму ни комышу, ничого—а воно глыбоке—то недалеко одъ ихъ було... Ото-жъ за тую Чу̀ту й пiсня есть, якъ вони тамъ жили:

„У славній Січі, у Чуті,
Тамъ козаки проживали,
Изъ польскоі обласки
Вони собі добичъ мали:
А дерли вони панівъ,
Дерли вони ляхівъ,
А де-жидъ багатый,
До й того не минали“... и т. д.[1]).

Отъ вони чи годъ, чи два, чи три пожили тамъ, та й стали церкву робить. А Юрикъ бувъ идолопоклонецъ:—„на що, каже, тая церква вамъ, то козаки й втекли тоді... на шарахванські подá втекли... оці степи, що теперъ катеринославська, херсонська губернія—то вони звались шарахванські подá. Оттуди козаки й пішли: чотыри годы робили лодки—мостились усе, щобъ пороги перейти, а якъ вийшли, то лодки на собі несли, обносили пороги сухопутьтю. Оттоді вже й назвались вони запорожці... Вони Петрови служили, й Катерині служили... А коли князь Потемкинъ бувъ при Катерині (польскі паны й руські паны усе могли при Потемкині), отъ Потемкинъ и сказавъ, щобъ козаківъ повернути у москали, у салдаты... И що то тревоги було тоді! Калнишъ Грицько тоді Кошовымъ бувъ—а вінъ бувъ швець, то ото й казали: „якъ паномъ швець, то й Січі кінець!“... А після турецькоі війны запорожцямъ Катерина дарувала земли надъ Дністромъ, у Слободзеі—пониже Тирасполя... Вони тамъ и осіли. Кошовый Антонъ Головатый бувъ, то вінъ ото й вывівъ ихъ зъ Басарабіи знову підъ Херсонъ, а тамъ и далі вже... И про се пісня е, отъ нехай може пригадаю:

„Ой, тысяча-сімсотъ да девъяносто якъ и первого года,
Прийшовъ указъ одъ нашои цариці—зъ Петербурга города:
Ой щобъ панъ Чепіга, та панъ Головатый изібравъ усіхъ запорожцівъ,
А й зібравши усіхъ запорожцівъ, та йшовъ на кубаньски степи жити!“ и т. д.

Я не прерывалъ этого разсказа, нѣсколько поразившаго меня сначала своей очевидной книжностью, и считаю себя въ правѣ познакомить съ нимъ читателя, думая, что этотъ отрывокъ нельзя не

[1]) Пѣсня эта въ числѣ прочихъ сообщена нами въ ред. «Кіев. Стар.».

считать весьма характернымъ, дающимъ намъ понятіе не только объ уровнѣ историческихъ свѣдѣній средняго *неграмотнаго* дунайскаго запорожца, какимъ былъ Ананій, но отчасти и о томъ, какимъ путемъ сложились у него эти свѣдѣнія и представленія. Какой-то случайно попавшійся курсъ русской исторіи или книга по исторіи Украйны, отрывки изъ житій святыхъ, наконецъ народная пѣсня и устное преданіе старыхъ запорожцевъ,—все это, будучи прослушано съ очевиднымъ интересомъ и усвоено сообразно со вкусомъ и умственными потребностями слушателя, охотнѣе всего останавливающимися на военныхъ и религіозныхъ сюжетахъ, все это и составило матеріалъ тѣхъ историческихъ представленій, какія мы видимъ въ только что приведенномъ отрывкѣ. Само собою разумѣется, что это рядъ фактовъ или лучше сказать отдѣльныхъ картинъ, сдѣлавшихъ въ свое время впечатлѣніе на слушателя, рядъ хотя и страшно перепутанный хронологически, заставляющій Рюрика жить въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, отождествляющій его „разбойничью" дружину то съ духоборцами (по вѣрѣ), то съ „невірною Литвою" (признаться, нельзя было при этомъ не вспомнить Н. И. Костомарова), то наконецъ съ козачествомъ, но все таки представляющій собой нѣчто цѣльное и въ сущности очень осмысленное. Самый подборъ фактовъ въ этомъ отрывкѣ, происходившій, какъ мы говоримъ, сообразно вкусамъ и умственнымъ требованіямъ неграмотнаго человѣка, чрезвычайно интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ фигурируетъ именно то, что особенно занимало человѣка: племенная организація и федерація славянъ, св. мученики Борисъ и Глѣбъ, вмѣсто св. Владиміра, Кириллъ и Меѳодій, Кіевъ, какъ первый центръ не только христіанства, но и грамотности и вообще культуры, неуваженіе варяга-Юрика къ этой культурѣ и походъ его на греческихъ царей за водвореніе ея въ подвластномъ ему Кіевѣ, Литва, Польша, крѣпостное право и борьба съ панами, полное отсутствіе всякаго упоминанія о гетманствѣ и о Малороссіи, какъ объ извѣстной политической единицѣ, и напротивъ отождествленіе всей политической жизни Украйны съ судьбой Запорожья, точь въ точь какъ и въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ, которыя не пропускаютъ ни одного событія, непосредственно-близкаго народнымъ интересамъ, и совершенно игнорируютъ такіе крупные, повидимому, факты, какъ уничтоженіе гетманщины и т. п.

Къ этой характеристикѣ Коломийца, которая дается только что приведеннымъ нами началомъ его разсказовъ, прибавится еще довольно многое въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи. Теперь пока мы познакомимся съ его біографіей. Ананій Ивановичъ родился въ с. Велика-Ніщапа, недалеко отъ Балты, „теперь мабуть камінецькой губерніи, а була винницька“. Года своего рожденія онъ точно не указываетъ, но говоритъ, что во время раздѣла Польши, который онъ очень хорошо помнитъ, вслѣдствіе переполоха произведеннаго на его родинѣ замѣною уніатскихъ священниковъ православными, ему было около 7-ми лѣтъ или 10-ти лѣтъ *). На этомъ основаніи онъ считалъ себѣ во время нашего перваго свиданія съ нимъ, т. е. въ ноябрѣ 1881 г., 119 лѣтъ. Впослѣдствіи, когда свободное населеніе Украйны раздарено было вмѣстѣ съ землей разнымъ лицамъ, находившимся „въ случаѣ“, Коломиецъ попалъ въ число крѣпостныхъ крестьянъ извѣстнаго Салтыкова: „Катерина подарувала земли й народъ увесь господамъ... Князь Салтыковъ заступивъ оти края... и я бувъ зъ салтыковскихъ людей“,—эпически повѣствуетъ онъ объ этомъ обстоятельствѣ. „Оттоді-жъ почали й людей у москали брать, разсказываетъ онъ далѣе, зъ 500 чоловікъ одного салдата брали попереду, а у після вже й 2-хъ, и 3-хъ и 4-хъ зъ пятисотъ душъ, а тамъ якъ стали вже добре брати, то вже не питали, чи є души, чи нема,—абы тулубъ якъ бувъ“!... Эту судьбу пришлось испытать и Коломійцу. За два года до смерти Екатерины II-й, т. е. въ 1794 г., онъ взятъ былъ въ военную службу. Сначала онъ былъ опредѣленъ въ рекрутскую партію, а потомъ въ „вятскій церемонный полкъ“, затѣмъ былъ переведенъ въ выборгскій гренадерскій полкъ и наконецъ въ первую армію. Въ теченіи этого времени онъ уже успѣлъ быть произведеннымъ въ унтеръ-офицеры, прослуживъ въ этомъ званіи два года, и наконецъ въ 1802-мъ году „втікъ“. „Чутка пішла, говоритъ онъ, що наши за Дунаемъ, у Туреччині, що тамъ добре, та й дядько у мене тамъ бувъ... Отъ я собі думаю: „дай мені Господи тільки туды“!... Съ мѣста стоянки, находившейся около Одессы, Коломиецъ вмѣстѣ

*) Тутъ, какъ видно, Коломійцу измѣнила его память. Вмѣсто послѣдняго раздѣла Польши, надо разумѣть Коліивщину 1768 г., когда также шла усиленная замѣна уніатскихъ священниковъ православными.—Ред.

съ 15 товмрищами пробрался къ берегу Днѣстра, тамъ добрые люди перевезли ихъ на турецкую сторону и наконецъ, послѣ разныхъ приключеній, онъ попалъ въ рыболовный заводъ въ Мологу, къ какому-то турку, который вѣроятно воспользовался ихъ положеніемъ, какъ военныхъ дезертировъ, и продержалъ ихъ у себя въ теченіи цѣлыхъ 5-ти лѣтъ. Въ 1807 году „приіхавъ Турчинъ та й каже: „прийде московъ... не можна цімъ людямъ тутъ бути", далъ имъ денегъ и они отправились въ Измаилъ, дошли до Табаки, „а у Табакахъ 14-го февраля москаль перейшовъ, та усе за нами: вінъ не дожене, а мы не втечемъ"!... Наконецъ они ушли въ Молдавію, гдѣ и „бурлаковали" до 1811 года, когда въ придунайскихъ княжествахъ происходила провѣрка населенія смѣшанными коммисіями изъ депутатовъ русскаго, турецкаго и румынскаго правительствъ. При этой провѣркѣ они объявили себя турецкими подданными, чего оказалось достаточнымъ, чтобы получить отъ турецкихъ коммиссаровъ „бешлягівъ" по „стопарнику" (50 сант.) и съ напутствіемъ: „запорожанъ—козакъ—гайда"! быть отправленнымъ въ Сеймены, село пониже Силистріи, по ту сторону Дуная, гдѣ находился въ то время запорожскій Кошъ. Такимъ образомъ, послѣ девятилѣтнихъ скитаній и бурлачества, Коломийцу удалось наконецъ попасть на Сѣчь. Еще по дорогѣ туда какой-то козакъ Иванъ посовѣтовалъ ему записаться въ платнирівській курень: „йди брате у курінь платнирівськийкурінь добрый—зъ насъ и паны, зъ насъ и отаманы"!... „А тамъ тоді за отамана бувъ Малюта, то той мене й принявъ... то такъ я й зробивсь запорожцемъ", разсказываетъ онъ. Съ этого времени, т. е. съ 1811 года, Коломиецъ становится уже очевидцемъ и участникомъ запорожской жизни за Дунаемъ и поэтому воспоминанія его пріобрѣтаютъ полный интересъ. Вмѣстѣ съ прочими запорожцами онъ участвовалъ въ походахъ противъ некрасовцевъ, въ переселеніи изъ Сейменъ на устья Дуная, сначала въ Катирлезъ, а потомъ на постоянное мѣсто Коша на Дунавецъ. Въ дальнѣйшихъ военныхъ экспедиціяхъ запорожцевъ Коломиецъ не участвовалъ, за исключеніемъ одного случая, да и то не имѣвшаго чисто-военнаго характера, когда отрядъ запорожцевъ былъ вытребованъ въ Константинополь для земляныхъ работъ по устройству каузовъ. „На Серба не ходивъ—наймавъ за себе козака", что, какъ увидимъ далѣе, съ грѣхомъ пополамъ

практиковалось на Сѣчи далеко не рѣдко, особенно людьми располагавшими извѣстными средствами. Судя по разсказамъ Коломийца, онъ принадлежалъ къ числу именно такихъ, болѣе привилегированныхъ членовъ казацкой общины: „у Дунавці було парів (денегъ) у мене трошки, а тутъ ще дядько бувъ—у ёго карманы були (заводы), то я тутъ у Катирлезі більше й терся... Одинъ заводъ сплативъ ёму, а другий оставсь після ёго смерти". Затѣмъ въ 1821 году Коломиецъ вернулся въ Россію. О причинахъ своего возвращенія онъ самъ говоритъ, что „черезъ те й пішовъ, що греческий розмиръ починавсь: якъ-би не пішовъ, то хто ёго зна, за яку віру й голову-бъ прийшлось нести"!.. Возвращеніе Коломийца въ Россію было фактомъ не единичнымъ, какъ увидимъ далѣе, это было цѣлое движеніе, во главѣ котораго стоялъ одинъ аѳонскій архимандритъ Филаретъ, ставившій главнымъ мотивомъ этого движенія непристойность христіанамъ сражаться вмѣстѣ съ магометанами противъ христіанъ. Разумѣется, кромѣ этого, такъ сказать, высшаго побужденія, на рѣшеніе Коломийца оставить Сѣчь легко могло вліять и просто нежеланіе участвовать въ походѣ, при несогласіи товариства на замѣну личной службы наймомъ, какъ это онъ сдѣлалъ въ походѣ противъ Сербіи. Въ Россіи онъ жилъ на Ганськихъ степяхъ, возлѣ Одессы и тамъ-же, имѣя уже около 60-ти лѣтъ, женился. Надоѣла-ли потомъ привыкшему къ бурлацкой жизни сѣчевику монотонная семейная обстановка, или просто взяла верхъ привычка къ свободнымъ дунайскимъ плавнямъ, но въ 1828 г. онъ склоняется на приглашеніе козака Губы, эмиссара бывшаго Кошевого Гладкого, и отправляется опять за Дунай, куда въ то время вернулся и Гладкій и собиралъ опять козаковъ на прежнія мѣста, такъ какъ назначеніе козаковъ, передавшихся вмѣстѣ съ Гладкимъ Россіи, не было еще рѣшено въ виду неизвѣстности, кому еще будутъ принадлежать устья Дуная. Съ Гладкимъ однако Коломиецъ не сошелся и послѣ полуторагодичныхъ препирательствъ не послѣдовалъ за нимъ подъ Азовъ, а остался за Дунаемъ, на этотъ разъ уже навсегда. „Тутъ ерикъ бувъ у мене на Горгові, говоритъ онъ объ этомъ періодѣ своей жизни, живъ собі, рыбаливъ, капканами охотничівъ, ...живъ собі... Діти повмірали, усе перемерло—отъ оставсь, якъ бачите!.. що було, то дітямъ та зятямъ пороздававъ... а самъ оттакъ-о!"...

Но какъ ни слабы повидимому связи старика съ его родиной, столѣтняя, полная приключеній жизнь все таки не изгладила у него глубокой привязанности къ родной сторонѣ. „Отъ бачите, Х—ъ К—чъ“, говорилъ онъ мнѣ, разсказавши свою біографію, „мою нужду й горе й літа мої... сто девятнадцять годъ лічу вже... а отъ повірите, якъ-бы можна було, заразъ-бы пішовъ туди, у Россію, на восточну сторону!!. Вы думаете, не найшовъ-бы дороги? э.. э..!!..

Раза два или три я посѣтилъ Коломийца въ его жилищѣ. Въ Катирлезѣ онъ жилъ у своей пріемной дочери, въ маленькой избенкѣ, очень бѣдной и не пригядной. Своего онъ ничего уже не имѣлъ, но это въ значительной степени замѣнялось общей симпатіей и уваженіемъ, какими онъ пользовался среди тамошняго населенія, никогда не забывавшаго по возможности угостить старика и съ большимъ интерессомъ слушавшаго его разсказы...

Въ сентябрѣ настоящаго года, благодаря любезному содѣйствію редакціи „Кіевской Старины“, я имѣлъ возможность еще разъ увидѣться съ Коломийцемъ. Но это уже было печальное свиданіе, сдѣлавшее на меня крайне тяжелое впечатлѣніе. Простудившись прошлой зимой, Ананій Ивановичъ заболѣлъ, лишился глаза и рѣшилъ переѣхать на жительство въ с. Нижній-Дунавецъ, въ 2-хъ 3-хъ верстахъ отъ Верхняго-Дунавца, мѣсто бывшей Сѣчи. Пріѣхавши въ Н. Дунавецъ, мы съ моимъ спутникомъ по путешествію разыскали хату его „годованця“ Тимоша Коломійченка и нашли старца во дворѣ, сидящимъ на землѣ, прислонившись спиною къ какой-то бревенчатой клѣткѣ, въ которой заперты были свиньи. Бѣдный старикъ былъ уже на половину слѣпъ (одинъ глазъ совсѣмъ вытекъ), съ отнятыми параличемъ ногами, нижняя челюсть отвисла, лицо приняло совсѣмъ уже безсмысленное выраженіе—словомъ, какъ говорится, на краю могилы. Несмотря на это, старикъ не только узналъ меня, но видимо обрадовавшись моему пріѣзду, даже припомнилъ самъ мое имя и отчество... Но говорить съ нимъ было уже трудно... „Не чує сіромський дідъ... ничого не чує!“—объяснялъ намъ едва поднявшійся отъ земли его названный внукъ... Старикъ чрезвычайно быстро утомлялся, начиналъ повторяться, путать событія и т. д... Не помогала уже и „чарочка“... Тѣмъ не менѣе мы все таки, сколько было возможно, бесѣдовали и результатомъ этихъ бесѣдъ были тѣ, во многомъ очень интересныя допол-

ненія къ прежнимъ воспоминаніямъ Коломийца, которыя читатель найдетъ напечатанными здѣсь-же. Исполнить-же желаніе уважаемаго редактора „Кіевской Старины“, относительно снятія съ Коломийця фотографическаго портрета, оказалось не только крайне труднымъ, за невозможностью привезти старика въ ближайшій городъ, но и безполезнымъ, такъ какъ сдѣланный мною въ прошломъ году набросокъ карандашемъ дастъ гораздо болѣе понятія о внѣшности последняго задунайскаго сѣчевика, чѣмъ всякая фотографія, которая могла-бы быть снята въ теперешнемъ его положеніи [1])...

Какъ видно изъ сдѣланнаго нами біографическаго очерка, Коломиецъ не игралъ никакой особенно значительной роли въ своей запорожской средѣ и не принималъ никакого, сколько нибудь выдающагося участія въ событіяхъ, составляющихъ исторію задунайской Сѣчи. Благодаря этому, личный элементъ почти совершенно отсутствуетъ въ его воспоминаніяхъ, что придаетъ его разсказамъ чрезвычайно симпатичный оттѣнокъ какого-то эпическаго, почти лѣтописнаго безстрастія и разумѣется много располагаетъ вѣрить въ ихъ полную правдивость. Очень много значило конечно вполнѣ сознательное отношеніе Коломийца къ цѣли записыванія его разсказовъ:—„пишіть, пишіть, Х—ъ К—чъ! не разъ повторялъ онъ мнѣ въ Катирлезѣ. Воно правда... отъ уже молодь оця... нічого вже не знають, якъ що було... а якъ у книзі буде, до й черезъ сто, черезъ двісті годъ хто схоче, той и прочита... хто у цёму силу зна“... Коломиецъ, какъ убѣдится читатель далѣе, далеко не идеализируетъ запорожскую жизнь, по крайней мѣрѣ—за Дунаемъ, напротивъ его отношеніе къ ней скорѣе можно назвать пессимистическимъ... Всѣ эти качества дѣлаютъ разсказы Коломийца матеріаломъ чрезвычайно цѣннымъ, независимо даже отъ того, что они представляютъ собою единственныя пока, сколько нибудь обстоятельныя свѣдѣнія о данномъ предметѣ.

I.

Въ приведенномъ нами выше началѣ своихъ воспоминаній, Коломиецъ оканчиваетъ свой разсказъ упоминаніемъ о томъ, что запорожцы сначала получили землю на Буджакѣ и затѣмъ подъ предводительствомъ Головатого были отправлены за Кубань, для

[1]) Портретъ этотъ будетъ приложенъ къ одной изъ слѣд. книжекъ.—Ред.

чего и выступили изъ Слободзеи подъ Херсонъ. „Оттамъ підъ Херсономъ“, продолжаетъ онъ свой разсказъ далѣе, „уже й разділение ихъ було. На трое вони розбились: одни прийшли сюди до турчина, друга частина до Малтиза пішла, на Малтизькі острова... Малта—знаете?!, ну а треті то вже підъ Москалемъ остались—тихъ погнали на Кубань, у чорноморці повернули“... Ушедшіе-же „підъ Турка“ запорожцы отправились моремъ въ Аккерманъ, находившійся тогда еще въ турецкихъ предѣлахъ.

Такимъ образомъ разсказываетъ Коломиецъ о раздѣленіи запорожцевъ, предшествовавшемъ выселенію части ихъ „підъ Турка“. Въ этомъ разсказѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что время отдѣленія и эмиграціи части запорожцевъ за Дунай отодвинуто на цѣлыхъ 16-ть лѣтъ, сравнительно съ указаніями Скальковскаго, и связано не съ фактомъ разоренія Новой Сѣчи, а съ фактомъ переселенія запорожцевъ на Кубань. Кромѣ того въ этомъ разсказѣ фигурируетъ обстоятельство, на которое нѣтъ ни малѣйшаго указанія ни у Скальковскаго, ни гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ—выселеніе части запорожцевъ на островъ Мальту. Если мы сопоставимъ это мѣсто изъ разсказа Коломийца съ прямымъ заявленіемъ Скальковскаго о томъ, что во время разоренія Сѣчи тысячъ около пяти козаковъ успѣло уйти на човнахъ внизъ по Днѣпру въ предѣлы турецкаго владычества и тамъ испросить себѣ позволеніе поселиться за Дунаемъ, а также обратимъ вниманіе на то, что, по разсказу Коломийца, въ Аккерманъ изъ подъ Херсона „ихъ малая часть прийшла—може чоловіка двісті, триста—тільки 10 дубівъ и було!..“, то приходится прійти къ заключенію, что кромѣ хронологической путаницы въ разсказѣ Коломийца объ этомъ, заключается еще и смѣшеніе событій. По всей вѣроятности Коломиецъ смѣшиваетъ слышанный имъ гдѣ нибудь разсказъ о можетъ быть дѣйствительно бывшемъ отдѣленіи части черноморцевъ во время передвиженія ихъ изъ Слободзеи на Кубань съ большимъ выселеніемъ, имѣвшимъ мѣсто послѣ разоренія Сѣчи и сопровождавшимся формальнымъ договоромъ запорожцевъ съ турецкимъ правительствомъ объ условіяхъ ихъ поселенія на устьяхъ Дуная. Несомнѣнно, что передвиженіе запорожцевъ за Дунай произошло не сразу, а совершалось въ теченіи многихъ лѣтъ болѣе или менѣе большими партіями, выселеніе одной изъ которыхъ извѣстное Коломийцу и

могло подать поводъ къ смѣшенію этого эпизода съ первымъ передвиженіемъ „підъ Турка“. На предполагаемое нами смѣшеніе указываетъ и та пѣсня о выходѣ запорожцевъ за Дунай, которую, по словамъ Коломийца, співали запорожці, якъ втікали:

Ой чого, чого запорожци
Тай смутни, невеселі стали?
Ой що обступили превражі драгуни
Та й усіма сторонами...
Эй оступили превражи драгуні
Усі степи та й усі плавні,
Ишли наши запорожци
Не зъ добра, а зъ печали.
Ой якъ утікали, то усе забірали
И изъ церковъ иконы,
Тільки покидали золотую збрую
Та вороні кони...
Ой пустилися наши запорожци
Черезъ море дубами,
Ой якъ оглянуться до Старои Сѣчи,
Умиваються слізами.
Ой изходились да у кінець Дунаю
Та до купы лиманы,
Бо тамъ нашихъ запорожцівъ
Сорокъ тысячъ проживали...

(Зап. отъ А. Коломійца въ Катирлезѣ).

Пѣсня эта очевидно относится къ выходу запорожцевъ послѣ разоренія Сѣчи, окруженной драгунами Текелія, на которую оглядывались, „умиваючись слёзами“, уходившіе запорожцы. Упоминаемое въ этой пѣснѣ оставленіе запорожцами своихъ коней и оружія и взятіе ими съ собой только иконы мы находимъ также и въ разсказѣ Коломийца. Онъ говоритъ, что запорожцы уходя взяли изъ сѣчевой церкви только одну икону Покрова, бывшую, какъ извѣстно, престольнымъ образомъ Сѣчи... Кромѣ того, по разсказу Коломийца, уходившіе взяли съ собой и запорожскія грамоты: „беріть, говорили остававшіеся, вы йдете у чужу землю, вамъ треба буде, и оддали имъ, и бунчуки оддали, и права таі запорожськи, що вони заслужили“.

Икону впрочемъ запорожцы на лодки не взяли, а ее положили въ „бисаги" и понесли съ собою тѣ 40 человѣкъ, которые отправились въ Аккерманъ пѣшкомъ. „Дуже важко було, разсказываетъ Коломиецъ, діды сварились: бачъ, бісивъ сыну, чи ты памьятаешъ, якъ ты бисаги зъ иконою на дорогу кинувъ?! важко було икону нести!" За то другая пѣсня, записанная въ Тульчѣ отъ Сидора Теліги, говоритъ прямо о выходѣ за Дунай *послѣ* перевода запорожцевъ съ Днѣстра на Кубань и мотивируетъ этотъ выходъ именно отнятіемъ у запорожцевъ земель, данныхъ имъ въ Бессарабіи и раздачею этихъ земель помѣщикамъ:

Ой Боже-жъ нашъ милостивый.
Ой Боже милостивый,
Що породились мы
Въ світі нещастливи.

* * *

Ой хотіли-жъ мы
А земли заслужити,
Абы у волности
Хочъ віку дожити.

* * *

Ой служили-жъ мы
На земли, на мори,
Теперъ зосталися
И боси и голи.

* * *

Дарували-жъ намъ землю
Одъ Днiстра до Бону,
А границею
По бендерську дорогу.

* * *

Дарували, дарували
Та й назадъ одібрали,
А нашую землю
На вражихъ панивъ роздали.

* * *

Дарували, дарували
Та й назадъ одібрали.

А насъ козаченьківъ
На Кубань-річку заслали.

* * *

А мы-жъ козаченьки
Тамъ не схотіли жити.
Посідали на лодочки
Та за Дунай махнули.

Кромѣ этой, мы имѣемъ еще нѣсколько пѣсенъ подобнаго-же содержанія. Въ одной изъ нихъ, варіантѣ только что приведенной, говорится, что козаковъ „въ уланы забрали", въ другой (плохой варіантъ которой былъ напечатанъ въ іюньской книгѣ „Кіевской Старины") земли между Днѣстромъ и Бугомъ даетъ уже „турецькний царь", но тѣмъ не менѣе вслѣдствіе невозможности жить на этихъ земляхъ „за проклятыми панами", запорожцы все таки рѣшаются уходить за Дунай. Изъ всего этого мы имѣемъ основаніе думать, что дѣйствительно выселеній за Дунай было нѣсколько и одно изъ нихъ, происходившее послѣ выхода на Кубань, было пріурочено Коломийцемъ къ главному переселенію послѣ разоренія Сѣчи, такъ точно какъ пріурочивается очень часто имя Харька (Захарія Чепіги) къ пѣснямъ „про руйнованьня Січи", какъ имена и событія разоренія Новой Сѣчи пріурочиваются къ пѣснямъ о разореніи Старой и т. п. Что касается затѣмъ переселенія части запорожцевъ на островъ Мальту, то это обстоятельство остается для насъ неяснымъ, такъ какъ намъ рѣшительно неизвѣстно никакого указанія на что нибудь подобное въ исторической литературѣ, за исключеніемъ развѣ сообщенія одного изъ спеціалистовъ по исторіи Украйны, которому мы писали объ этомъ, что ему приходилось встрѣчать гдѣ-то упоминаніе о запорожцахъ на Мальтѣ, но онъ, не сдѣлавши во время замѣтки, не можетъ припомнить, гдѣ именно. Что это обстоятельство не есть просто измышленіе или случайная ошибка Коломийца, происходящая отъ какого-нибудь смѣшенія собственныхъ именъ, или чего нибудь въ этомъ родѣ, а нѣчто имѣющее свое основаніе въ прошломъ, за это ручается фактъ существованія слѣдующей пѣсни, записанной нами отъ того-же Коломийца, съ поясненіемъ, что „цю пісню то-жъ запорожці співали, якъ втікали до турчина:

„Ой повійте вітри та усе низовi
Та на наши лодки та усе дубовиі,
А на наши реи та усе кедровиі,
На наши паруса—та усе шовковиі!..
Эй зажурився сивый соколочокъ:
Эй бідна наша, наша головочко.
А що не у купі наши браты сіми.
Наши браты сіми та й пісні запіли—
Одинъ у москаля, другий у турчина,
Третій у Малтиза служить за одежу.
И той гірко плаче за польскую межу:
„Ой ты москаль, ой еретенный сыну,
Запропастивъ Польшу—ще й нашу Вкраину!“

Эта пѣсня во всякомъ случаѣ показываетъ намъ, что извѣстіе Коломийца о выходѣ части запорожцевъ на островъ Мальту (можетъ быть изъ этой-же пѣсни имъ и почерпнутое) должно имѣть какое-то реальное основаніе. Мы тѣмъ болѣе расположены думать такимъ образомъ, что, какъ увидимъ далѣе, на ряду съ этимъ въ разсказѣ Коломийца есть еще одно, достаточно неожиданное, но вполнѣ вѣрное указаніе на аналогичный и до сихъ поръ очень мало извѣстный фактъ, а именно на пребываніе запорожцевъ въ Банатѣ. Но возвратимся пока къ дальнѣйшему ходу событій по разсказу Коломийца.

Въ Аккерманѣ запорожцы пробыли недѣлю. Немедленно-же по прибытіи они отправили въ Константинополь депутацію изъ 40 человѣкъ, „по чоловіку одъ куріня“, просить разрѣшенія поселиться на устьяхъ Дуная. Интересно, что, по мнѣнію Коломийца, посылкою этого количества депутатовъ запорожцы хотѣли заявить турецкому правительству о переселеніи на берега Дуная чуть-ли не всего войска запорожскаго въ полномъ его составѣ, т. е. по тысячѣ человѣкъ въ куренѣ. „А ихъ, кажу вамъ, не було стільки, говоритъ Коломиецъ, унісля бувало може й більше—а тоді не було!“ Трудно разумѣется сказать, дѣйствительно-ли запорожцы хотѣли просто обмануть турокъ на счетъ своей численности, какъ они это дѣлали неоднократно потомъ съ цѣлью полученія большаго количества провіанта и жалованья, или-же они хотѣли заявить только о предполагаемомъ количествѣ своего войска въ будущемъ, но очень вѣ-

роятно то, что турецкое правительство помимо вопроса о численности запорожцевъ, кажется, не очень торопилось принимать ихъ „подъ свою высокую руку“, относясь къ нимъ, какъ къ элементу не особенно постоянному и притомъ очень связанному съ своей родиной и съ сосѣдней Москвой единствомъ религіи. Указаніе на это мы находимъ въ одной пѣснѣ, записанной нами также у Коломийца. Мы рѣшаемся привести эту пѣсню также цѣликомъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ не только замѣчательно серьезное и подробное изложеніе событій, но и объясненіе этихъ событій съ точки зрѣнія самого сложившаго эту пѣсню народа.

Ой москалю, ой москалю,
Ой що такъ худо робишъ?
А що наше славне Запорожьжя
Усе у конець переводишъ:
Ой не жалуйте запорожци
Вы на московськи генералы,
А жалуйте запорожци
Да на свои вражи паны.
Бо вони паны-пребісови-сыны,
А уже вони поробили,
Що усі степи, усі плавні
Москалеви урушили!...
А теперъ наши запорожци
У великому жалю—
Що не знали кому поклониться
Да которому царю!...
Поклонилися-бъ мы восточному,
Так той насъ не приймае—
Ходимъ служити мы до турчина:
Турчинъ насъ добре знае!
„Ты турецький царю, ты турецький царю,
Змилуйся надъ нами,
Прийми насъ у свою землю курінями!“
—„Ой радъ-же-жъ я, запорожци,
Вашу волю вчинити,
Коли-жъ все будете, славни запорожци,
Мені зміну робити!“

„Мы не будемъ—мы турецький царь,
Тобі зміны робити,
Бо насъ присягає усіхъ сорокъ тысячь
Тобі вірно служити!"...

(Зап. отъ А. Коломийца въ Катирлезѣ).

Приводя эту пѣсню, мы впрочемъ считаемъ необходимымъ замѣтить, что она очень легко можетъ относиться и не къ описываемому нами времени, но къ разоренію Старой Сѣчи въ 1709 г. и тогдашнему выходу запорожцевъ въ турецкіе предѣлы. Поводомъ къ этому сомнѣнію служитъ для насъ то, что по словамъ пѣсни „восточный", т. е. московскій царь, запорожцевъ не принимаетъ, чего нельзя было сказать послѣ разоренія Новой Сѣчи, но очень возможно было послѣ уничтоженія Старой[1]). Но съ другой стороны соціальное положеніе Украйны и войска запорожскаго, указываемое пѣсней, гораздо больше подходитъ ко времени послѣднихъ дней Запорожья. Какъ-бы то ни было, но переговоры съ турецкимъ правительствомъ все-таки увѣнчались успѣхомъ, депутаты отъ лица своихъ товарищей принесли султану присягу и по возвращеніи ихъ въ Аккерманъ, говоритъ Коломиецъ, запорожцы тронулись въ путь.

Но оказывается, по разсказу Коломийца, что запорожцы отправились вовсе не въ турецкія владѣнія, на устья Дуная, а поднялись по Дунаю вверхъ и, заключивши договоръ съ „німецькимъ царемъ", т. е. съ австрійскимъ императоромъ, поселились въ „німещині". „Коло Сербіи, разсказываетъ Коломиецъ, есть, оттамъ десь, городъ *Панчулова* (Pančova), то отамъ вони й осіли. Тамъ такъ—по одинъ бікъ Сербія, а черезъ Дунай, по другий бікъ—німещина!" Какъ фактъ переселенія запорожцевъ въ австрійскія владѣнія, такъ и мѣсто ихъ пребыванія тамъ указываются разсказомъ Коломийца почти совершенно вѣрно, разница съ истиной только хронологическая, зависящая отъ смѣшенія выхода запорожцевъ въ Турцію послѣ перевода ихъ на Кубань съ выходомъ въ 1775 году. Дѣйствительно мы имѣемъ извѣстія, что въ 1785 г. запорожцы вышедшіе въ Турцію обратились черезъ начальника австрійскаго гарнизона въ Яссахъ кап. Будеуса къ австрійскому правительству съ просьбою

---

[1]) Соловьевъ. XVI, 37.

объ отведенiи имъ земли для жительства на австрiйской границѣ. Предложенiе это было принято и запорожцы по указанному имъ маршруту черезъ Трансильванiю и Венгрiю переселились на отведенныя имъ мѣста въ Банатѣ, на берегахъ Тиссы и въ бачскомъ комитатѣ, около города Zenta. На основанiи договора заключеннаго съ австрiйскимъ правительствомъ запорожцы получали землю на вѣчныя времена, за что обязаны были нести службу въ случаѣ войны. При этомъ запорожцы сохраняли самостоятельность своего внутренняго управленiя, съ правомъ самимъ выбирать Кошеваго и куренныхъ атамановъ, распредѣлять между собою отведенныя имъ земли, судиться собственнымъ судомъ и по своимъ войсковымъ обычаямъ. Нацiональныя особенности запорожцевъ также были вполнѣ признаны австрiйскимъ правительствомъ, начиная съ одежды и кончая вооруженiемъ. Всѣхъ переселенцевъ по современнымъ извѣстiямъ австрiйскихъ газетъ и отдѣльной брошюры, написанной австрiйскимъ офицеромъ Гендльовичемъ, оказалось около 8,000 чел. и первое основанное ими центральное поселенiе получило названiе Сѣчи (Setscha)[1]. Дальнѣйшая судьба переселившихся въ Банатъ запорожцевъ на основанiи историческихъ источниковъ остается неизвѣстною. О предположенiяхъ, въ родѣ сдѣланнаго Головацкимъ, что запорожцы постепенно вымерли вслѣдствiе своей безбрачной жизни, нечего и упоминать. Нельзя согласиться также и съ предположенiемъ уважаемаго автора цитируемой нами замѣтки въ „Кiев. Стар.", что потомство запорожцевъ сохранилось въ Банатѣ и до сихъ поръ, въ видѣ украинскаго населенiя села Керештуры въ бачскомъ комитатѣ. Мы удивляемся, какъ г. В. А., принимая этихъ банатскихъ русиновъ за потомковъ запорожцевъ, не обратилъ вниманiя на то, что въ той-же самой статьѣ, на которую онъ ссылается[2]), прямо указывается на происхожденiе этихъ русиновъ: „тѣ русины воеводиньськи уже передъ стома роками выйшли зъ горъ карпатскихъ и поселились на урожайной низинѣ коло Керестуре... и не покинули анѣ свого родного языка, анѣ письма, анѣ вѣры своеи". Они дѣйствительно не покинули ни своей вѣры, ни своего языка,

[1]) «Кiевская Старина», iюнь, 1882 г., 519—552.

[2]) «Письмо зъ Просвѣты», I сѣчня, 1879 г., ч. I, стр. 4.

такъ какъ, судя по ихъ письму, напечатанному въ бывшемъ органѣ „Просвіты“, оказывается, что они говорятъ языкомъ карпаторусскимъ, но ничуть не тѣмъ „чистымъ малорусскимъ языкомъ“, на которомъ безъ сомнѣнія говорили запорожцы и который приписывается банатскимъ русинамъ авторомъ замѣтки въ „Кіев. Стар.“, не могущимъ не знать, какъ рѣзко отличаются эти нарѣчія украинскаго языка другъ отъ друга. Допуская разумѣется возможность того, что нѣкоторое количество запорожцевъ и могло остаться въ Банатѣ, смѣшавшись потомъ съ переселившимися туда карпато-руссами, мы находимъ болѣе естественнымъ предположить, что, согласно съ разсказомъ Коломийца, запорожцы вышли изъ Баната и переселились въ Сеймены. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Сеймены дѣйствительно находятся на пути изъ Баната въ Добруджу, куда, какъ мы увидимъ далѣе, запорожцы не могли переселиться съ разу. Нѣтъ разумѣется никакихъ основаній принимать на вѣру ту легендарную причину, по которой запорожцы принуждены были удалиться изъ Баната, т. е. убійство какимъ-то Янчо „племенниці німецького короля“, но самый фактъ переселенія въ Сеймены по нашему мнѣнію совершенно правдоподобенъ, такъ какъ пребываніе запорожцевъ въ Сейменахъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Во всякомъ случаѣ фактъ пребыванія запорожцевъ въ Банатѣ и дальнѣйшаго передвиженія ихъ въ Сеймены по нашему мнѣнію можно считать установленнымъ. Но спрашивается, гдѣ-же были вышедшіе послѣ разоренія Сѣчи запорожцы до времени ихъ переселенія въ Банатъ, т. е. до 1788 г.? Обыкновенно принято думать, что запорожцы, уйдя изъ Россіи, тогда-же поселились на устьяхъ Дуная и именно на островѣ Понтисъ-Лети, находящемся между Сулинскимъ и Килійскимъ гирлами, при чемъ указывается даже урочище Гедрилле-Богозы, на берегу Дуная, гдѣ будто-бы было мѣстопребываніе задунайской Сѣчи [1]). Это какъ будто-бы подтверждается до нѣкоторой степени и замѣткой г. Левченка [2]), въ которо-

[1]) Матер. для геогр. и статист. Рос., собр. офиц. ген. шт. Бессарабская область. составл. кап. Защукомъ, 1862 г., стр. 529, со ссылкой на Хронологич. обозр. исторіи новор. края, II, 116.

[2]) «Кіевск. Стар.», май 344—345.

рой онъ, со словъ знакомаго ему офицера, бывшаго на Лети во время послѣдней войны, указываетъ на селенія Лети, Сатановъ, Перевозъ и проч., какъ на мѣстожительство запорожцевъ, давшихъ будто-бы свое имя цѣлому острову. Но ни въ воспоминаніяхъ Коломийца, ни въ нашихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ по этому поводу, мы не находимъ никакого подтвержденія этому мнѣнію. Намъ лично не пришлось посѣтить эти указываемыя г. Левченкомъ слободы, но, бывая въ Сулинѣ (верстахъ въ 10-ти отъ Лети) да и во всей Добруджѣ, мы встрѣчались не съ однимъ десяткомъ лицъ или живущихъ на островѣ Лети въ вышеупомянутыхъ слободахъ, или прежде жившихъ тамъ и очень близко знающихъ эти мѣста, и ни отъ одного изъ этихъ лицъ мы не слышали ни малѣйшаго указанія на то, чтобы тамъ жили запорожцы массою, въ видѣ болѣе или менѣе постояннаго населенія, и вообще *во всей дунайской Дельтѣ и Добруджѣ мы не нашли ни одного воспоминанія о пребываніи тамъ запорожской Сѣчи до перенесенія ея изъ Сейменъ въ Дунавецъ,* т. е. до 1812—23 г. Если нѣкоторые жители Лети и прочихъ селеній и выдавали себя бывшему тамъ офицеру за потомковъ запорожцевъ, то это могло быть очень естественно, такъ какъ вообще трудно найти въ этихъ мѣстностяхъ хоть одинъ уголокъ, куда-бы не заходили оставшіеся послѣ 1828 г. и разсѣявшіеся по всей дунайской Дельтѣ запорожцы и гдѣ-бы не встрѣчались болѣе или менѣе прямые ихъ потомки, а кромѣ того происхожденіе отъ запорожцевъ считается и до сихъ поръ на устьяхъ Дуная почетнымъ и очень часто приписывается себѣ позднѣйшими переселенцами заради нѣкотораго хвастовства. Такимъ образомъ существованіе запорожской Сѣчи на дунайской Дельтѣ до начала настоящаго столѣтія представляется намъ очень сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что, познакомившись съ географіей и условіями жизни въ низовьяхъ Дуная, трудно даже и допустить, чтобы въ этихъ мѣстахъ, особенно сто лѣтъ тому назадъ было возможно такое во всякомъ случаѣ многолюдное поселеніе, какъ Кошъ. На устьяхъ Дуная и въ настоящее время, за исключеніемъ Вилкова, Киліи, Сулины, Катирлеза, Кара-Ормана и Дунавца, всѣ остальныя населенныя мѣста представляютъ собою болѣе или менѣе только рыбачьи стоянки, перечисленныя-же нами мѣста или были заняты некрасовцами, или-же были неудобны для сколько нибудь крупнаго населенія; во

всякомъ случаѣ въ нихъ не сохранилось ни малѣйшаго слѣда воспоминаній о существованіи тамъ когда нибудь Сѣчи, тогда какъ вообще память о запорожцахъ еще очень жива во всей этой странѣ. Въ виду всего сказаннаго, намъ остается только предполагать, что въ теченіи десятилѣтняго періода, предшествовавшаго выходу запорожцевъ въ Банатъ, т. е. до 1785 г., правильной Сѣчи на устьяхъ Дуная вѣроятно не существовало вовсе, а запорожцы жили отдѣльными небольшими рыбальскими ватагами, разбросанными по всей дунайской Дельтѣ, преимущественно-же около бессарабскихъ лимановъ, Вилкова, Киліи, Лети и можетъ быть съ центромъ въ упомянутомъ выше Гедрилле-Богозы, нами нигдѣ на картахъ не разысканномъ. Свои предположенія о географическомъ расположеніи запорожскихъ ватагъ мы дѣлаемъ на основаніи того, что, по разсказамъ Коломийца, во время пребыванія запорожцевъ въ Сейменахъ, они выходили съ своими рыбальскими заводами именно въ эти мѣста и имѣли тамъ даже небольшіе рыбачьи поселки. Впослѣдствіи, въ виду трудности пребыванія на устьяхъ Дуная вмѣстѣ съ хорошо организованными и укрѣпившимися уже тамъ некрасовцами, разсѣянные запорожцы принуждены были соединиться для передвиженія въ Австрію. Часть-же запорожцевъ все таки оставалась еще на устьяхъ Дуная, такъ какъ мы имѣемъ указанія, что въ 1806-мъ году, по приглашенію генерала Михельсона, нѣкоторое количество запорожцевъ вернулось въ Россію и вошло въ составъ усть-дунайскихъ полковъ [1]). Что-же касается причины переселенія запорожцевъ въ Австрію, то тѣ войны съ некрасовцами, которыя предшествовали потомъ перенесенію Сѣчи на Дунавецъ и о которыхъ мы будемъ

---

[1]) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что употребляемое г. В. А. названіе запорожской Сѣчи за Дунаемъ — *Усть-Дунайскою* — совершенно неправильно и можетъ вести только къ недоразумѣніямъ. Задунайская Сѣчь такимъ образомъ никогда не именовалась, называли-же они себя просто запорожцами, а Сѣчь свою задунайскою. Эта терминологія употребляется и въ добруджскихъ историч. пѣсняхъ. Казенное-же названіе усть-дунайскихъ козаковъ было дано указомъ 20 февр. 1807 г. козачьему войску, составленному изъ всякаго рода бѣглецовъ: цыганъ, молдаванъ и сербовъ, а отчасти изъ остатковъ запорожцевъ, вернувшихся по приглашенію Михельсона, и существовавшему потомъ подъ именемъ *акманитскихъ* или по народному «*манишськихъ*» козаковъ (Мат. для геогр. и ст. Рос. Защукъ, Бессарабская обл., стр. 530).

говорить далѣе, достаточно объясняютъ, по нашему мнѣнію, почему именно запорожцы не могли сначала удержаться въ дунайской Дельтѣ и должны были искать себѣ новаго мѣстопребыванія и „протекціи", которыя опять таки не оказались достаточно продолжительными и прочными.

Возвращаясь опять къ разсказу Коломийца, мы видимъ, что изгнанные изъ Баната запорожцы должны были обратиться опять къ Турціи и основать Кошъ въ Старыхъ-Сейменахъ, между Силистріей и Гирсовой. На этомъ мѣстѣ Сѣчь существовала, какъ мы увидимъ далѣе, до 1812 г., но исторія ея въ теченіи почти всего этого періода остается для насъ темною, начинаясь только съ разсказами Коломийца, который попалъ на Сѣчь, какъ мы знаемъ, въ 1811 г. Изъ этихъ разсказовъ мы знаемъ только, что въ Сейменахъ правильно устроенной, настоящей Сѣчи, въ смыслѣ военно-братскаго общежитія, не было и запорожцы повидимому смотрѣли на эту мѣстность, какъ на свою только временную стоянку. „У Сейменахъ запорожци не у въ одному місті жили—у Сейменахъ були, у Партокалахъ, по подъ Иглицею... Жили у землянкахъ, у бурдіяхъ... настоящоі Січи не було... не такъ, якъ тутъ (т. е. въ Дунавцѣ). Главнымъ занятіемъ запорожцевъ и въ Сейменахъ было рыболовство: они имѣли ерики, рыболовные заводы на Дунаѣ и Иглицѣ, а кромѣ того выходили заводами на устья Дуная и къ морю. Изъ событій, предшествовавшихъ появленію Коломийця на Сѣчи, мы имѣемъ въ разсказѣ его только свѣдѣнія о русско-турецкой войнѣ 1807—1809 годовъ и о томъ участіи, какое принимали въ этой войнѣ запорожцы въ качествѣ вассаловъ султана. По случаю этой войны запорожцы были пожалованы изъ Сейменъ въ крѣпость Рущукъ, куда и явились подъ предводительствомъ своего тогдашняго кошевого Самійла Калниболотского. Комендантомъ Рущука былъ тогда Омеръ-Паша, хорошо знавшій и любившій запорожцевъ. Омеръ, по выраженію Коломийца, „живъ зъ ими добре", и вѣроятно въ силу этихъ хорошихъ отношеній началъ съ того, что показалъ передъ Портою количество прибывшаго къ нему запорожскаго войска гораздо большимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, съ цѣлью доставить своимъ друзьямъ—запорожцамъ побольше жалованья и провіанта (таину), при чемъ по всей вѣроятности не забывалъ и себя. По этому случаю Коломиецъ разсказы-

ваетъ эпизодъ, которому конечно трудно было-бы повѣрить, если-бы мы не знали множество другихъ разсказовъ, не менѣе характерныхъ для турецкой администраціи. На Омера-пашу, по поводу показаннаго имъ количества запорожцевъ, былъ сдѣланъ доносъ и изъ Стамбула ожидались чиновники для разслѣдованія этого дѣла. Тогда Омеръ позвалъ къ себѣ Самійла Калнироболотскаго: „треба, каже, щобъ все більше було!“—„Зробимо, що й більше буде!“—отвѣчалъ на это Кошевой и дѣйствительно устроилъ это, употребивши, какъ разсказываетъ Коломиецъ, тотъ-же пріемъ, какой употребляютъ, показывая войско на театральныхъ сценахъ. Онъ воспользовался будто-бы тѣснотою Рущука, узостью его улицъ и недостаткомъ площадей и проведя передъ ревизорами нѣсколько разъ свое войско, снялъ всякія подозрѣнія съ добраго Омера, чему конечно способствовалъ должно быть и бакшишъ, о которомъ не забываетъ упомянуть въ своемъ разсказѣ и самъ Коломиецъ. Но затѣмъ, когда начались военныя дѣйствія, положеніе запорожцевъ сдѣлалось гораздо болѣе труднымъ. Возведя въ Рущукѣ батареи для обстрѣливанія противоположнаго берега, на которомъ укрѣпились русскіе, турки, судя по разсказу Коломийца, передающаго эти событія изъ третьихъ рукъ, предприняли вылазку за Дунай, чтобы выбить русскихъ изъ ихъ позицій и при этомъ назначили запорожцевъ въ первый огонь. Между тѣмъ начальство русскихъ войскъ, узнавши о присутствіи въ турецкой арміи запорожцевъ, вступило съ ними въ тайные переговоры, желая склонить ихъ на свою сторону. Очутившись въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и видя по положенію дѣлъ, что имъ грозитъ опасность всѣмъ погибнуть,—„що перебьють ихъ усіхъ такъ, що й ноги не останеться“, запорожцы избрали, по словамъ Коломийца нейтральный выходъ, условившись съ русскими стрѣлять холостыми зарядами, съ разсчетомъ вѣроятно въ свалкѣ уклониться отъ сраженія: „я-бъ такъ и не знавъ усёго діла, прибавляетъ старикъ, такъ бувъ тутъ козакъ одинъ—стебліивський курінний Трохимъ Перегудовъ, то він розказувавъ“. Неизвѣстно, насколько правды въ этомъ разсказѣ, но изъ дальнѣйшаго хода дѣла оказывается, что запорожцы остались съ турками въ прежнихъ отношеніяхъ, часть-же ихъ, около 200—300 человѣкъ, была взята русскими войсками въ плѣнъ и отправлена въ Сибирь (?), что врядъ-ли могло-бы случиться,

если-бы дѣйствительно состоялось переданное Коломийцу Перегудовымъ соглашеніе между русскими и запорожцами. Отправленные въ Сибирь козаки успѣли дойти только до курской губерніи и оттуда по заключеніи мира были возвращены въ качествѣ военноплѣнныхъ обратно. Проходя на возвратномъ пути черезъ Кіевъ, они пробыли тамъ двѣ недѣли и въ это время нашли тамъ старыхъ запорожцевъ, бѣжавшихъ въ Кіевъ еще послѣ разоренія Сѣчи. Двое изъ этихъ запорожцевъ Романъ Вівсяникъ и Данило Хуторный, узнавши отъ плѣнныхъ о судьбѣ своихъ товарищей въ Туреччинѣ, передали имъ „гостинця" для сѣчевой церкви три вещи: „ризу, хрестъ и евангелію"... Такимъ образомъ еще одинъ разъ завязались снонепосредственныя сношенія задунайской Сѣчи съ Украйной, сношенія, которыя, какъ мы увидимъ далѣе, всегда очень дѣятельно поддерживались.

Между тѣмъ уже послѣ окончательнаго замиренія въ 1811 году, въ Молдавіи и Валахіи начала производиться провѣрка населенія посредствомъ смѣшанныхъ коммисій, состоявшихъ изъ представителей турецкаго правительства—*башлыковъ*, румынскихъ *сердарей* и русскихъ *коммисаровъ*. „Прийдуть у селеніе, разсказываетъ объ этомъ Коломиецъ, потребують старосту, скликають народъ и питаються, хто який підданний?" Объявлявшимъ себя турецкими подданными выдавали проходной билетъ (кичкирь), „нашкрябае на коліні та й дасть!", говоритъ Коломиецъ, и по „юзлуку" или „сторнику" (тоді тиі парі (деньги) велики були—зъ кіньску підкову) и отправляли партіями человѣкъ по 60 по 80 на „Сербську пристань" противъ Силистріи, молдаванъ и валаховъ оставляли на своихъ мѣстахъ, а русскихъ отправляли въ ихъ отечество—„тамъ вже имъ розборка була, хто одъ пана втікъ, то до пана, кого куди слідувало." Очевидно, что провѣрка эта не могла производиться съ достаточной строгостью, такъ какъ мы видимъ, что она дала возможность многимъ „забіглимъ душамъ", въ томъ числѣ даже и такимъ военнымъ дезертирамъ, какъ Коломиецъ, очень благополучно сойти за турецкихъ подданныхъ и избавиться отъ невольнаго возвращенія на родину для водворенія къ панамъ. Для Сѣчи-же эта провѣрка оказалась даже очень полезною, увеличивши вѣроятно довольно значительно контингентъ ея силъ.

А силы эти были нужны, такъ какъ сейменскимъ запорожцамъ предстояла долгая и кровавая борьба для завоеванія себѣ мѣста на устьяхъ Дуная. Рыболовство и охота всегда были главными занятіями запорожцевъ на Днѣпрѣ и, строго говоря, служили основнымъ источникомъ ихъ существованія, такъ какъ военная добыча была подспорьемъ все таки случайнымъ и рискованнымъ, да и набѣги для полученія ея предпринимались не всей Сѣчью, а частнымъ образомъ, отрядами охотниковъ. Рыбальство-же было общимъ и постояннымъ занятіемъ: днѣпровскіе сѣчевики ежегодно дѣлили между собою лиманы и рыбныя ловли по куренямъ, ловили и солили рыбу, заготовляли звѣриныя шкуры и служили главными поставщиками всего этого на всю Украйну, такъ что, напримѣръ, послѣ разоренія Старой Сѣчи въ 1709 г., въ статьяхъ, поданныхъ гетманомъ Скоропадскимъ для утвержденія царю, поставленъ былъ пунктъ о разрѣшеніи торговыхъ сношеній съ удалившимися въ турецкіе предѣлы запорожцами, для покупки у нихъ рыбы и звѣриныхъ шкуръ. Изъ этого понятно, что очутившись за Дунаемъ, запорожцы должны были искать себѣ мѣстъ, гдѣ-бы они могли заниматься своимъ обычнымъ промысломъ, и поэтому устья Дуная не могли не быть для нихъ предметомъ постоянныхъ стремленій. Но устья эти, какъ мы знаемъ, были уже заняты и заняты народомъ далеко не безразличнымъ, а хорошо умѣвшимъ постоять за свои интересы—некрасовцами. Эти донскіе козаки-раскольники, выведенные Некрасовымъ еще „зъ древности“, какъ говоритъ Коломиецъ, застали дунайскую Дельту еще въ совершенно дикомъ состояніи—не орали и не сѣяли цѣлыхъ три года, ѣли „папору“ и какіе-то „водяные орѣхи“ и когда пришли запорожцы, они были еще полными хозяевами Дельты, въ значительной степени ими самими культивированной, гдѣ это разумѣется было возможно. Понятно, что при появленіи запорожцевъ они не только не обнаруживали ни малѣйшей охоты посторониться на занятыхъ ими удобныхъ мѣстахъ, но и съ большимъ неудовольствіемъ отнеслись къ первымъ попыткамъ запорожскаго рыболовства въ странѣ, въ которой они привыкли считать себя единственными хозяевами. Тѣмъ не менѣе запорожцы, живя въ Сейменахъ, все таки занимались рыболовствомъ на устьяхъ Дуная и каждое лѣто, по словамъ Коломийца, выходили въ Дельту 80-тью, а то и сотней заводовъ. держась впрочемъ, кажется, преимущественно

окрестностей килійскаго гирла. Понятно, что при этомъ не могло не происходить постоянныхъ столкновеній, постепенно усиливавшихъ взаимное раздраженіе и подготовлявшихъ почву для рѣшительной схватки, которая неизбѣжно должна была послѣдовать и для которой нуженъ былъ только толчекъ. Такой толчекъ не замедлилъ и случиться въ видѣ слѣдующаго, самого по себѣ не особенно важнаго происшествія, о которомъ мы предоставимъ разсказать самому Коломийцю:

.... Бувъ у липованъ[1]) такий не піпъ, а монахъ—безштанько (липованьски, бачте, ченци—то вони безъ штанівъ ходять у довгихъ сорочкахъ...), то оттутъ на сімъ таки (катирлезскомъ) Дунаи на гряді, на Качатині—Качатинъ зветься—тутъ дубъ бувъ высокий, а на дубі три одноги були; отъ вони у тихъ одногахъ дірки подовбали та й позапускали дерево кругомъ, тай зробили ёму гніздо—то вінъ и живъ у тому гнізді. А підъ дубомъ хату ёму поставили и келію зробили. А якъ вінъ умеръ, то тамъ таки, на гнізді тому, поклали ёго и покрыли ёго червонымъ сукномъ—щобъ мощи значить були. А козакъ бувъ *Притыка*, вінъ скрізь ходивъ по плавняхъ, охотничівъ—дикихъ свиней бивъ до що, не боявсь никого и знали ёго усі... То ото вінъ ходивъ тамъ та й побачивъ, що червоніе щось на дубі, излізъ, подививсь, що то той липованський святый (бо вінъ вже у ихъ за святого бувъ), скинувъ ёго зъ дуба, та зверху, выбачайте, ще й напаскудивъ, а сукно червоне узявъ та й пішовъ собі. Ну, ото-жъ липоване дозналися, та ёго й уптопорили! Баба була у ихъ волшебниця, Ковпачиха іі звали, то ото вона, та други липованськи бабы ёго й уптопорили... чи вони ёго заманили, чи якъ піймали,—якъ видно ёму вже срокъ выйшовъ, чи вони таки старши за ёго були волшебниці. Ото-жъ, піймавши, липоване узяли ёго, та повезли ёго у Приславъ—оттутъ коло сулинськихъ Чаталъ[2]), то тамъ на дошку розіпъяли та й пустили по воді!... То вже у Сулині греки піймали ёго—коло судна плававъ неживый вже, то покликали козакивъ, а ти вже ёго пізнали—що нашъ козакъ"...

---

[1]) Т. е. некрасовцевъ. Коломиецъ почти вездѣ называетъ некрасовцевъ липованами, тогда какъ это названіе присвоено главнымъ образомъ позднѣйшимъ великорусскимъ переселенцамъ, также раскольникамъ, хотя не только липованамъ (филиппонамъ), но и всѣхъ согласій.

[2]) Мѣсто раздѣленія Дуная на гирлы сулинское и св. Георгія (катирлезское).

Понятно, что звѣрски жестокое убійство Притыки не могло не взволновать все украинское козачество на Дунаѣ. Сначала впрочемъ дѣло пошло довольно мирнымъ путемъ, далеко не обѣщавшимъ такой кровавой развязки, какая произошла въ дѣйствительности. Объ убійствѣ Притыки дано было знать Кошевому, который поспѣшилъ пріѣхать по этому случаю изъ Сейменъ и потребовалъ удовлетворенія со стороны некрасовцевъ. Эти послѣдніе согласились выдать денежное вознагражденіе за убійство Притыки и даже дали обязательство въ этомъ Кошевому на бумагѣ. Но послѣ того, когда Кошовый отъ нихъ уѣхалъ, они спохватились и начали выражать сожалѣніе о томъ, что неосторожно выпустили запорожцевъ съ ихъ главнымъ предводителемъ, бывшихъ у нихъ совсѣмъ въ рукахъ. Это сдѣлалось извѣстнымъ Кошевому и онъ рѣшился дѣйствовать иначе. Такъ передаетъ это Коломиецъ, но по всей вѣроятности на рѣшимость Кошеваго не столько подѣйствовало открывшееся вѣроломство некрасовцевъ, сколько то возбужденіе, которое должно было господствовать между запорожцами, а очень можетъ быть и то, что Кошевый просто нашелъ удобнымъ воспользоваться сложившимся положеніемъ дѣлъ, какъ предлогомъ для давно уже задуманнаго вооруженнаго нападенія на некрасовцевъ и очистки себѣ мѣста на устьяхъ Дуная. Къ послѣднему предположенію насъ приводитъ то обстоятельство, что прежде, чѣмъ начинать какія-нибудь военныя дѣйствія, Кошевый, по разсказу Коломийца, счелъ нужнымъ обратиться къ тремъ пашамъ, управлявшимъ тогда Добруджей: тульчинскому—Абріямъ-пашѣ, сулимскому—Назиръ-пашѣ и бабадагскому—Гиба-пашѣ и говорилъ съ ними, какъ выходитъ по словамъ Коломийца, не столько объ отмщеніи или удовлетвореніи за смерть Притыки, сколько объ изгнаніи некрасовцевъ съ занятой ими территоріи. По разсказу Коломийца, паши отвѣтили Кошевому прямо: „що-жъ, маете силу—то бийте ихъ, выганяйте ихъ къ чорту та й годі!“, по варіанту-же этого разсказа, записанному нами въ Тульчѣ со словъ другаго старика, *Остапа Данчука*, паши выразили только сначала удивленіе къ враждѣ единовѣрцевъ, а затѣмъ полное равнодушіе къ ихъ спорамъ и дальнѣйшей участи, предоставляя имъ драться между собою, сколько угодно, но не становясь на сторону ни тѣхъ, ни другихъ. „Оттутъ де Січъ була, разсказываетъ Остапъ, тутъ були засіли липоване—отъ козаки ка-

жуть нашi, щобъ вiнъ позволивъ ихъ звiдти выбити, а турчинъ каже: „ода козакъ—ода козакъ (и то козакъ и то козакъ!)—та вони-жъ христiяне таки-жъ, якъ и вы?!—„Такъ що, що христiяне—христiяне да не таки!... Э, рѣшилъ турокъ—ода гяуръ-ода гяуръ... коли маете силу—бийтесь собi!“... Какъ-бы то ни было, но Самiйло Калниболотскiй, возвращаясь послѣ переговоровъ съ пашами въ Сеймены, несомнѣнно имѣлъ уже въ виду начать правильныя военныя дѣйствiя противъ некрасовцевъ и прiѣхавши сейчасъ-же объявилъ объ этомъ козакамъ. Изъ дальнѣйшихъ событiй мы увидимъ, что на устьяхъ Дуная, гдѣ было разсѣяно по заводамъ очень много запорожцевъ, имъ были сдѣланы уже распоряженiя въ этомъ смыслѣ. Немедленно-же по прибытiи Кошевого въ Сеймены, оттуда отправились внизъ двѣ партiи козаковъ: одна, состоявшая изъ восьмидесяти человѣкъ, отправилась по лѣвой сторонѣ Дуная, другая-же небольшая партiя, но заключавшая въ себѣ такихъ эпическихъ головорѣзовъ, какъ Коваликъ, Лалымъ, Кирюшка и Кирило Маковецькiй, пошла по правой сторонѣ Дуная, по слободамъ, „и де якi були слободы липованьскi, то заразъ усе й вырiзували“. Обѣ партiи сошлись въ Вилковѣ, деревнѣ лежащей на правомъ берегу Килiйскаго гирла при впаденiи его въ море. Тамъ уже собралось къ тому времени очень много запорожцевъ и во всѣхъ окружающихъ поселенiяхъ липоване были уже вырѣзаны. Соединивши свои силы, запорожцы сѣли въ лодки и моремъ отправились къ Портицѣ, мелководному проливу, соединяющему заливъ или лиманъ Разинъ съ моремъ. Стратегическiй планъ ихъ заключался очевидно въ томъ, чтобы, обойдя непрiятеля сзади, напасть на главныя некрасовскiя поселенiя Сарикiой, Журиловку и проч. находившiяся по берегамъ Разина, и въ случаѣ полнаго успѣха двинуться на главный некрасовскiй оплотъ—Дунавецъ. Однако, перетянувшись черезъ Портицу, запорожцы увидѣли, что некрасовцы приготовлялись къ оборонѣ и съ этой стороны и собрали довольно значительныя силы въ Кучукѣ, недалеко отъ Кюстенджи. Такъ какъ численный перевѣсъ оказался на сторонѣ некрасовцевъ, то запорожцы должны были изъ наступательнаго положенiя перейти въ оборонительное—сдѣлали наскоро окопы, нарубили „драчiвъ“, т. е. колючаго кустарника, обложили имъ свои окопы и укрѣпившись такимъ образомъ, отстрѣливались отъ липованъ, ожидая подкрѣпленiй, которыя должны были прiйти

къ нимъ тоже водою изъ Тульчи. Когда-же ожидаемые баркасы, съ подкрѣпленіями и даже съ отрядомъ турокъ, наконецъ, явились, тогда запорожцы начали уже полное истребленіе липованъ: „кого побили, кого повъязали та на тихъ баркасахъ и привезли у Сирікіой.“ Въ этомъ большомъ некрасовскомъ селеніи запорожцы уже не встрѣтили никакого сопротивленія и безпрепятственно расположились въ немъ, какъ у себя дома. Это объясняется, по нашему мнѣнію, какъ пораженіемъ, понесеннымъ некрасовцами у Портицы, такъ и тѣмъ, что некрасовцы, по всей вѣроятности, должны были сосредоточить всѣ оставшіяся у нихъ силы для защиты Дунавца, куда вѣроятно вслѣдствіе этого запорожцы на этотъ разъ и не рѣшились идти, предпочитая двинуться на Тульчу и оставляя такимъ образомъ главную свою цѣль, т. е. взятіе Дунавца, все таки недостигнутою. Во время пребыванія въ Сарикіойѣ съ запорожцами случилось маленькое произшествіе, чуть было не стоившее жизни двумъ героямъ этой войны, происшествіе, показывающее, до какой степени доходило тогда взаимное раздраженіе между запорожцами и некрасовцами: „Сидять вони (запорожцы), разсказываетъ Коломиецъ, а приходять липованки—тыі самыі волшебниці, що Притыку піймали, три ихъ, та й кажуть: „покажить намъ Лалима й Ковалика—вінъ наши діти поівъ!“ Лалимъ обізвавсь, а вона—баба одна—Ковпачиха отая, пистоль выхопила зъ запазухи, та зъ пистоля у груди Лалимови!... а турокъ изъ заду стоявъ, вынявъ ятаганъ та усімъ тромъ головы й поодрубувавъ...“ Дальнѣйшее движеніе запорожцевъ въ Тульчу было рядомъ болѣе или менѣе кровопролитныхъ стычекъ и наконецъ въ Тульчѣ все это закончилось трехдневной рѣзней, размѣры которой, по сохранившимся до сихъ поръ воспоминаніямъ, были дѣйствительно ужасны: „три дні різали, усіхъ липованъ, геть-чисто, до ноги вырізали... и ноги не осталось!...“ Жутко становилось, слушая старчески монотонное повѣствованіе Коломийца о всѣхъ этихъ ужасахъ, повѣствованіе спокойное и безстрастное, какъ древняя лѣтопись...

Память объ этой рѣзнѣ очень живо сохранилась и до сихъ поръ въ Тульчѣ, а у одного стараго начетчика въ Сарикіойѣ уцѣлѣло, говорятъ, даже описаніе всѣхъ перипетій этой страшной борьбы, но намъ, къ сожалѣнію, не только не удалось добыть это описаніе, но даже и удостовѣриться въ дѣйствительности его существованія.

Послѣ тульчинской рѣзни эта борьба между великорусскимъ и украинскимъ элементами, сошедшимися, но не помирившимися и на чужой почвѣ, какъ будто не много притихла, т. е. другими словами прекратилась только правильная война, а продолжались отдѣльныя нападенія другъ на друга небольшими отрядами. Чуть-ли не съ каждой грядой, съ каждымъ бугоркомъ въ болотахъ и плавняхъ Дельты связаны воспоминанія о стычкахъ запорожцевъ съ некрасовцами и о поголовныхъ истребленіяхъ цѣлыхъ отрядовъ то съ той, то съ другой стороны. Интересно то, что во многихъ изъ этихъ воспоминаній и легендъ играютъ очень важную роль женщины. Онѣ то заводятъ интрижки съ непріятельской стороной и выдаютъ своихъ, то напротивъ, жертвуя собой, завлекаютъ непріятеля въ засаду и такимъ образомъ доставляютъ своимъ возможность легкой побѣды. Одна легенда, очень впрочемъ мало правдоподобная, разсказываетъ, что запорожцамъ удалось какъ-то ночью овладѣть цѣлымъ турецкимъ судномъ и перерѣзавши экипажъ, утопить самое судно, а пушки затащить въ плавни и укрѣпить ими свои позиціи у одного изъ входовъ въ Дунай. Многія легенды имѣютъ чисто фантастическій характеръ, приписывая во всей этой борьбѣ большую роль волшебству, умѣнью заговаривать ружья и т. п. Въ отношеніи ожесточенности борьбы и для характеристики тогдашней жизни въ Дельтѣ интересны свѣдѣнія сообщаемыя Коломийцемъ о двухъ уже упоминавшихся нами герояхъ Коваликѣ и Лалымѣ. Послѣ прибытія запорожцевъ въ Тульчу и истребленія тамошнихъ некрасовцевъ, въ чемъ разумѣется оба они принимали самое дѣятельное участіе, они были потребованы въ Константинополь для представленія султану, „щобъ вінъ побачивъ, які вони запорожци", какъ разсказываетъ Коломиецъ, или можетъ быть просто на слѣдствіе по поводу происшедшей въ Добруджѣ рѣзни, какъ кажется намъ. Какъ-бы то ни было, а султанъ ихъ помиловалъ и сказалъ будто-бы, чтобы они отправлялись обратно на устья Дуная. „А Коваликъ и каже: не піду, эффенди-султанъ, я ще чоловікъ молодый!..."— „боявсь липованівъ!" прибавляетъ, разсказывая это Коломиецъ. По всей вѣроятности, и было таки чего бояться, такъ какъ Коваликъ дѣйствительно не вернулся уже потомъ на Дунай и поселился въ „Ядерному", т. е. въ Андріанополѣ, женился тамъ и жилъ спокойно, получая по 50 левъ въ мѣсяцъ отъ турецкаго правительства до са-

мой смерти, но очень можетъ быть, что Коваликъ остался въ Адріанополѣ не изъ страха передъ липованами, а просто по приказанію турецкаго правительства. Что-же касается Лалыма, то онъ благополучно вернулся на Дунай и поселился на небольшомъ островѣ Курбіи, на лиманѣ Разинѣ, окруживши себя впрочемъ на этомъ островѣ громаднѣйшей стаей собакъ. Объ этихъ собакахъ и до сихъ поръ ходятъ самые удивительнѣйшіе разсказы, благодаря которымъ имя Лалыма не скоро еще будетъ забыто въ Добруджѣ. „Тамъ (на Курбіи), разсказываетъ Коломиецъ, вінъ и собакъ отихъ завівъ, що липованъ рвали... Не було никого зъ имъ, тільки собаки... Собаки добрі мавъ!... Выйде було который собака на дорогу, почуе слідъ, що липованъ пішовъ, заразъ на другихъ собакъ бреше и вже бижять, шукають, поки не доженуть и не розірвуть.. Проходу нигде не було липованамъ за тими собаками и у плавні, заразъ найдуть!... а другои породы людей не займали, тільки липованъ!...“ А вотъ и другой варіантъ разсказа о лалымовскихъ собакахъ, слышанный нами отъ *Владиміра Чумака* въ Тульчѣ: „А що липованівъ отихъ, то ихъ не то, що наши били, а й собаки рвали... Тутъ запорожецъ бувъ, Лавимъ ёго, бачте, звали, а вінъ *Авимъ* бувъ (Авивъ), то потімъ вже перевернули на *Лавимъ*—турки ёго такъ звали усе... то у того Лавима були собаки... собакъ изъ 50 було... то такъ вінъ понавчавъ отихъ собакъ, що бігають було вони по плавняхъ, попадуть було де чоловіка, то якъ зачують, що люлькою не смердить—липована значить (а то якъ хто й не курить, то й такъ пізнають свого)—такъ заразъ на шматьтя й роздеруть и кістки порозносять... А своіхъ не займали, таки вже вивчені були... липована заразъ почують и розірвуть, проходу имъ не було у плавняхъ за тими лавимовими собаками“.

Между тѣмъ какъ происходили всѣ эти отдѣльныя стычки и преслѣдованіе другъ друга, некрасовцы оказались уже настолько ослабленными, что запорожцы рѣшились наконецъ передвинуться всѣмъ своимъ Кошемъ на устья Дуная. Въ концѣ 1812 года они вышли изъ Сеймень, но успѣли дойти только до Исакчи, гдѣ захватила ихъ зима, прекратившая очень рано сообщеніе по Дунаю и заставившая ихъ перезимовать въ этомъ городѣ. „Страшна зима була проты 13-го году“, говоритъ Коломиецъ, да если-бы она и не была особенно страшна, то внезапное замерзаніе Дуная и еще

болѣе внезапное начало ледохода, бывающее всегда далеко не въ одно и то-же время, очень легко могло прекратить всякое сообщеніе и заставить запорожцевъ остановиться. Ранней весной 1813 г. въ великій постъ, вслѣдъ за очисткой Дуная отъ льда, запорожцы двинулись далѣе и прибыли въ Катирлезъ, гдѣ и основали Кошъ. Но не смотря на то, что они очевидно рѣшились сдѣлать Катирлезъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ и начали даже постройку церкви, „по вікна вже її підняли“, ихъ все таки тянуло завладѣть Дунавцомъ, предметомъ ихъ постоянныхъ стремленій. Чтобы понять это желаніе, достаточно взглянуть на карту дунайской Дельты. Дѣло въ томъ, что Балканы, оканчиваясь своими отрогами въ Добруджѣ, даютъ отъ себя два послѣднихъ отпрыска, одинъ изъ которыхъ образуетъ порфировую скалу въ Тульчѣ, идущую за Дунай и служащую причиной отдѣленія отъ Дуная килійскаго гирла, другой-же, образуя собой небольшую цѣпь Бешъ-тепе, врѣзывается между Разинымъ и Дунаемъ почти въ самую средину Дельты и спускомъ отъ „пяти холмовъ“ Бешъ-Тепе къ Разину, соединяющимся съ возвышенностями, тянущимися вдоль западнаго берега этого лимана, представляетъ единственное достаточно высокое и сухое мѣсто на всемъ болотистомъ пространствѣ Дельты, покрытой сплошнымъ камышемъ и плавнями. Вотъ эта то возвышенность, образуемая Бешъ-Тепе, между Дунаемъ и сѣвернымъ берегомъ Разина, самую восточную, ближайшую къ Черному морю точку которой составляетъ собой Дунавецъ, и была тѣмъ, что такъ нужно было запорожцамъ, какъ людямъ занимавшимся и жившимъ почти исключительно рыболовствомъ, а потому принужденнымъ держаться возможно ближе къ морю, имѣя въ то же время извѣстное количество твердой земли для поселеній и хоть небольшаго земледѣльческаго и скотоводнаго хозяйства. Въ этомъ смыслѣ описываемая нами мѣстность представляетъ собой единственное возможное для обитанія мѣсто на всей Дельтѣ, проѣзжая по которой путешественникъ отъ самой Тульчи, т. е. на разстояніи около 50 километровъ, не видитъ вокругъ себя буквально ничего, кромѣ камышей и воды. Всѣ-же прочія населенныя мѣста—Иванча, Катирлезъ, Горгова и т. д., и даже сама Сулина, могутъ быть только развѣ рыбальскими стоянками или (какъ Катирлезъ и Сулина) мореходными пунктами, но никакъ не мѣстомъ поселенія для общины въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ.

Этимъ объясняется то, почему запорожцы выбрали для своего жительства именно южную, а не сѣверную, болѣе близкую къ ихъ родинѣ часть Дельты, почему они не могли помириться и такъ отчаянно боролись за этотъ кусочекъ земли съ некрасовцами, почему этотъ кусочекъ былъ занятъ этими послѣдними и былъ такъ дорогъ для нихъ. Это мѣсто было въ экономическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ для запорожцевъ тѣмъ-же, чѣмъ было оно когда-то для генуэзцевъ, развалины крѣпости которыхъ находятся въ $1^1/_2$—2-хъ верстахъ отъ мѣста бывшей Сѣчи. Развалины эти существуютъ и теперь въ видѣ полуразрушившейся цементной кладки на горѣ и очень хорошо сохранившагося квадрата окопа около озера Круглика. Очень можетъ быть, какъ мы увидимъ далѣе, что и самое мѣсто прежней Сѣчи было также въ свое время крѣпостью, если не генуэзской, то какого-нибудь другаго народа, такъ какъ окружающіе это мѣсто со стороны суши валы, по словамъ Коломийца, насыпаны не запорожцами, а некрасовцами, по нашему-же мнѣнію они должны быть гораздо древнѣе... По стратегическому значенію мѣсто Дунавца можно сравнить съ той скалой, которая находится у входа изъ Разина въ бабадагскій лиманъ и на которой и до сихъ поръ стоятъ тоже развалины древняго генуэзскаго замка—Иракліи, или, по липованскому, Раклѣи. Сообразивши все это, дѣлается вполнѣ понятнымъ и стремленіе запорожцевъ оттѣснить некрасовцевъ изъ Дунавца и со склона Бешъ-Тепе къ Бабадагу и предоставить имъ долину р. Славы и западные берега Разина, не имѣвшіе для запорожцевъ особенно важнаго значенія. Позднѣйшая, вполнѣ земледѣльческая украинская эмиграція не имѣла уже стремленія селиться въ этихъ мѣстахъ и концентрировалась въ гораздо болѣе удобной мѣстности къ юго-западу и отчасти къ сѣверо-востоку отъ Тульчи, для запорожцевъ-же вопросъ о Дунавцѣ былъ вопросомъ существованія вообще въ дельтѣ Дуная. „У Катырлезі не схотіли сидіти, объясняетъ Коломиецъ, бо тамъ лучче у Дунавці—степи есть, а тутъ (т. е. въ Катирлезѣ) отъ якъ бачите—тільки вода, та комишъ, та небо зверху та й годі!"... Правда и возлѣ Катирлеза наберется нѣсколько десятковъ десятинъ земли годной подъ посѣвовъ и для сѣнокосовъ, въ особенности-же выгодной по своей солонцоватости для разведенія скота (вслѣдствіе чего она и занята теперь исключительно скотопромышленническими *кишлами*

(нѣчто въ родѣ африканскихъ кроалей), но для запорожцевъ это количество земли было очень ничтожно, а Катирлезъ, въ которомъ нѣтъ и до сихъ поръ ни одного, кажется, деревца, за исключеніемъ вербъ надъ Дунаемъ, и улицы котораго во время бурь сплошь и рядомъ заливаются морской водой, могъ для нихъ быть исключительно только рыбальскимъ поселкомъ и морской гаванью.

Неудивительно поэтому, что основавшись въ Катирлезѣ, запорожцы тѣмъ не менѣе продолжали употреблять всѣ усилія овладѣть Дунавцомъ и что некрасовцы съ своей стороны дѣлали все, чтобы не дать его, и дѣйствительно не давали въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ еще послѣ перенесенія Коша въ Катирлезъ, не смотря на постоянныя ожесточенныя нападенія запорожцевъ. Неудивительно затѣмъ и то, что когда наконецъ Дунавецъ былъ уже взятъ, то взятіе это послужило съ одной стороны причиной для выселенія некрасовцевъ въ Малую-Азію—въ Майносъ, а съ другой, подало поводъ народной легендѣ дать этому факту и самой борьбѣ фантастическую окраску и примѣшать сюда всякаго рода волшебство съ обѣихъ сторонъ. „Дунавця черезъ те такъ довго не могли узять," разсказываетъ даже такой сравнительно развитый и все таки бывалый человѣкъ, какъ Коломнецъ, „що бувъ тамъ липованськѝй піпъ—волшебникъ. Ото-жъ запорожциниякъ не могли доступитись до ёго, до хаты, то найшли вони липованку на полі и кажуть: „иди, скажи попови, щобъ ишовъ чоловіка сповідать!" Тільки що вінъ выйшовъ, а вони до ёго, затягли у хату—хотіли різать, а ёго ни шабля, ни ножъ не бере... Оттоді вже Кирило Маковецькій догадавсь: „шукайте, каже, оттамъ у ёго якъ не ятаганъ, то шабля підъ головами!"... отъ найшли та тимъ вже ятаганомъ и зарізали... Оттоді-вже й Дунавець узяли... и перейшли туди, й сами перенеслись и церкву перевезли"... Почти въ томъ-же родѣ исторію разсказываетъ и Остапъ Данчукъ. Но легенда Данчука замѣчательна тѣмъ, что героемъ ея со стороны некрасовцевъ является ни больше, ни меньше, какъ Стенька Разинъ: „Оттуть-де Січъ була, засіли липоване..., а бувъ у нихъ чоловікъ одинъ Разимъ—одъ ёго й лиманъ назвавсь, а бувъ той Разимъ такий старый, що ажъ луска вже на ёму поросла; вінъ волшебникъ бувъ и нихто не мігъ ёго испразнить... Коли-жъ бувъ и запорожець такий, що собаками липованъ цькувавъ, то якъ закликали вже ёго, то вінъ вже того липо-

вана й убивъ... А якъ-же-жъ отой запорожець піймавъ ёго?!.. Ёго не можна було піймати, бо якъ підходить хто, або підплива човномъ, то вінъ здалека почуе й сховаеться... счезне—звісно волшебникъ. То отой запорожець и догадавсь таки: підійду я до ёго, каже, такъ—и не по воді, и не по сухому—однию ногою ставъ на човенъ, а другою по березі йшовъ... то такъ до ёго куріня й дойшовъ... а вінъ значить ниякъ не мігъ ёго спобігти, бо вінъ не то по воді, не то по сухому до ёго дойшовъ... То вже якъ дойшовъ, та піймавъ ёго, то обухомъ вбивъ... нічимъ, бачте, не можна було ёго більше вбить..., а обухомъ вбивъ"...

И такъ въ концѣ концовъ Дунавецъ былъ взятъ и запорожцы перенеслись туда всѣмъ Кошемъ, со всѣмъ своимъ войсковымъ имуществомъ и съ недостроенною въ Катирлезѣ церковью. Такимъ образомъ Сѣчь попала наконецъ на свое настоящее мѣсто и получила свою окончательную организацію.

(Продолженіе будетъ).

КАРТА

ЗАПОРОЖСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ ЗА ДУНАЕМЪ

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія, харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Продолженіе)*).

6) Судьба одной старозаимочной дачи.

Болѣе другихъ мѣстностей нынѣшней харьковской губерніи намъ извѣстна одна поземельная дача ахтырскаго уѣзда, г. Ахтырки, заключающая въ себѣ болѣе 20,000 десятинъ земли, по своему происхожденію и характеру исключительно старозаимочной. Въ этой дачѣ и въ настоящее время во владѣніи государственныхъ крестьянъ (бывшихъ войсковыхъ обывателей) ахтырскаго общества состоитъ болѣе 15,000 десятинъ старозаимочной земли, а остальная часть въ этой дачѣ принадлежитъ другимъ сословіямъ (духовенству, дворянамъ, купцамъ, мѣщанамъ и цеховымъ) и заключается въ огромномъ количествѣ иногда самыхъ мелкихъ черезполосныхъ участковъ. Поземельное владѣніе государственныхъ крестьянъ въ этой дачѣ и до сихъ поръ *личное*, съ переходомъ по наслѣдству къ дѣтямъ и роднымъ вообще. На исторической судьбѣ этой дачи можно послѣдовательно и довольно наглядно прослѣдить всю полную такъ называемыхъ „недоразумѣній“ и многообразныхъ административныхъ опытовъ судьбу народнаго землевладѣнія въ мѣстности слободскихъ полковъ. Сельско-хозяйственная организація этой дачи, какъ сохранилась она за нѣкоторыми исключеніями и до настоя-

---

*) См. ноябрь и декабрь «Кіевской Старины», 1882 г.

щаго времени, представляетъ приблизительно слѣдующій порядокъ: по всей видимости еще первые поселенцы принесли съ собой систему трехпольнаго хозяйства и поэтому раздѣлили всю дачу на три „руки“, или поля,—озимь, ярину и толоку (паръ), и каждый домохозяинъ (глава семьи, господарь) вѣроятно въ началѣ получилъ въ каждой „рукѣ“ особую нивку, грунтъ или державу, причемъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, позволительно предполагать, что первоначальное количество земли во всѣхъ трехъ „рукахъ“ у каждаго домохозяина было не менѣе 20—30 десятинъ. Толочное поле, какъ и всегда при трехпольной системѣ, ежегодно перемѣнное, служило ежегодно и выгоннымъ мѣстомъ для скота бывшихъ козаковъ, потомъ войсковыхъ обывателей и затѣмъ съ 30 годовъ—просто государственныхъ крестьянъ, какъ съ немногими измѣненіями служитъ оно для той-же цѣли и въ настоящее время. Весьма незначительная часть этой дачи, находящаяся на ея окраинѣ и называемая почему-то „государщиной“, считается теперь въ общемъ владѣніи крестьянъ, не входитъ ни въ одну изъ „рукъ“ и есть, можетъ быть, остатокъ прежней „вольницы“.

Мы не имѣемъ теперь никакихъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ возникла въ войсковыхъ старозаимочныхъ дачахъ трехпольная система, съ вѣроятнымъ первоначальнымъ надѣломъ каждаго домохозяина земельнымъ участкомъ въ каждой „рукѣ“, т. е. было-ли это первоначально рѣшеніе цѣлой *громады*, общества, или-же оно совершилось по иниціативѣ и распоряженію еще первыхъ мѣстныхъ полковыхъ властей. Изъ имѣвшихся у насъ подъ руками свѣдѣній и мѣстныхъ преданій мы знаемъ только, что уже съ незапамятныхъ временъ эта дача не дѣлилась между обывателями и установившійся первоначально личный наслѣдственный порядокъ поземельнаго владѣнія бывшихъ ахтырскихъ козаковъ не испытывалъ вновь общаго поземельнаго передѣла. Въ особенности примѣненъ этотъ порядокъ въ лѣсной части дачи, которой большіе или меньшіе участки составляли всегда личную собственность большинства населенія. Собственники такихъ участковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе хорошо помнили свои *лужки* и *гаи*, хотя границы ихъ для посторонняго глаза были трудно уловимы, ибо выражались предметами самой природы: отъ такого-то сухаго дуба по такой-то „бридокъ“, или такой-то „саги“ (залива мѣстной рѣчки Ворсклы)

до такой-то лѣсной дорожки. Совершенно индивидуальный характеръ поземельнаго владѣнія въ этой дачѣ въ общемъ сельско-хозяйственномъ ея устройствѣ не исключалъ, правда, и нѣкоторыхъ элементовъ ассоціаціи, которые можно усматривать отчасти въ самомъ первоначальномъ устройствѣ трехпольной системы, въ общемъ выгонѣ, который ежегодно переходилъ въ новое поле, гдѣ открывалась толока, въ общихъ издержкахъ на присмотръ скота и наконецъ даже въ суровомъ обычаѣ наказанія за кражу копенъ въ полѣ, въ которомъ народная расправа съ виновнымъ мало чѣмъ отличалась по своимъ послѣдствіямъ отъ смертной казни и которому мѣстное населеніе обязано тѣмъ, что и до послѣдняго времени копны въ полѣ, иногда за десятки верстъ отъ поселенія, могли стоять совершенно безопасно даже до Покрова. Такой-же характеръ носитъ и оранка толочнаго поля на озимый хлѣбъ, производившаяся болѣе или менѣе одновременно, дабы крестьяне, не имѣвшіе скота, или-же не нуждавшіеся почему-либо въ выгонѣ, не портили-бы раннимъ пахaніемъ своихъ нивъ въ толочной рукѣ пастбищнаго мѣста для остальнаго скота. За возможной одновременностію этой оранки толочнаго поля даже и въ послѣдніе годы довольно заботливо наблюдало волостное начальство. Трехручное хозяйственное устройство всей ахтырской дачи установилось такъ прочно, что даже лица другихъ сословій, владѣвшія въ ней черезполосными участками, иногда даже въ 30 и болѣе десятинъ въ одномъ кускѣ, должны были подчиняться и подчиняются и въ настоящее время этому порядку, такъ что если ихъ черезполосная пахатная земля лежитъ въ извѣстномъ году въ той „рукѣ", гдѣ у крестьянъ въ этомъ году ярина, то и у этихъ владѣльцевъ должна быть ярина, иначе почти физически было-бы невозможно преслѣдовать за потравы вообще, а въ годъ толоки въ той „рукѣ" въ особенности. Зависимость земельныхъ собственниковъ въ ахтырской дачѣ изъ лицъ не крестьянскаго сословія отъ общаго въ крестьянскомъ населеніи этой дачи хозяйственнаго порядка идетъ еще далѣе; она служитъ между прочимъ причиною того общаго здѣсь явленія, что собственная обработка земель такихъ лицъ посредствомъ наемнаго труда просто немыслима; въ ахтырской дачѣ издавна установилась и теперь практикуется ежегодная отдача такъ-называемыхъ господскихъ земель крестьянамъ за извѣстную часть урожая, такъ-назы-

ваемая въ Малороссіи „скіпщина", большею частію съ „пятерика", то есть изъ пяти копъ три крестьянину, а двѣ собственнику земли, а въ послѣднее время уже нерѣдко и съ половины. Самое существованіе въ ахтырской дачѣ черезполосицы и появленіе въ ней иносословныхъ собственниковъ, которые, какъ частыя мелкія пятна на бумагѣ, густо вкраплены въ общую массу крестьянскихъ земель, сохраняющееся нерѣдко въ памяти современниковъ, служитъ подтвержденіемъ какъ принадлежности этого обширнаго пространства земли одному недѣлимому населенію, въ которомъ каждый владѣлъ своею частью на правахъ личной собственности, такъ существовавшаго здѣсь изстари того хозяйственнаго порядка землевладѣнія, который, вытекая изъ общихъ условій и выгодъ пользованія землею, былъ потому необходимостію для всѣхъ собственниковъ, помимо ихъ сословнаго, впослѣдстіи установившагося различія. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что большинство теперешнихъ иносословныхъ собственниковъ въ ахтырской дачѣ или сами потомки бывшихъ козаковъ, или пріобрѣли ихъ земли хотя-бы изъ третьихъ и десятыхъ рукъ. По мѣрѣ расширенія прерогативъ государственной службы, многіе изъ козаковъ, благодаря именно этой службѣ, или-же торговлѣ разновременно выдѣлялись изъ общей народной массы, причемъ ихъ наслѣдственныя старозаимочныя земли, по спеціальнымъ законоположеніямъ для высшаго служилаго сословія, пріобрѣтали уже безспорный характеръ поземельной собственности, что, конечно, практически во многомъ зависѣло и отъ инаго общественнаго положенія и мѣстныхъ вліятельныхъ связей этихъ выходившихъ изъ массы лицъ. Какъ-бы ни было скромно имущественное богатство многихъ изъ этихъ иносословниковъ, но во всякомъ случаѣ это были уже паны, которые или прямо входили въ сферу чиновниковъ, или-же были весьма близки этой сферѣ, чувствовали себя въ ней своими людьми и потому права и преимущества свои въ своемъ поземельномъ владѣніи не всегда имѣли надобность отстаивать длинной дорогой закона, но болѣе кратчайшимъ путемъ личныхъ мѣстныхъ отношеній.

На сколько личное поземельное владѣніе крестьянъ, въ разсматриваемой мѣстности, фактически, почти на условіяхъ полной собственности, срослось со всѣмъ строемъ мѣстной жизни, съ народнымъ характеромъ и его исконными привычками, можно судить

уже потому, что самый хуторъ Малороссіи—эта, такъ сказать, преобладающая форма разселенія народа и самой его колонизаціи, тѣсно связанъ съ личнымъ поземельнымъ владѣніемъ. Отдѣльныя семейства различныхъ южно-русскихъ поселеній (городовъ, слободъ и селъ) не рѣдко выселялись изъ этихъ поселеній на ближайшіе къ нимъ собственные поземельные участки, грунты, и примѣромъ различныхъ хозяйственныхъ удобствъ (наприм. имѣть всю землю подъ рукой) давали поводъ другимъ селиться съ ними по сосѣдству, также на своихъ собственныхъ грунтахъ; такъ разростались и еще до сихъ поръ растутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ называемые города, въ сущности болѣе или менѣе обширныя земледѣльческія слободы и села Малороссіи, путемъ образованія цѣлыхъ группъ хуторовъ, мало по малу примыкающихъ, а потомъ и совершенно сливающихся съ тѣми старыми поселеніями, откуда они сами выселялись. Понятно, что при общинномъ характерѣ землевладѣнія хуторъ, какъ форма разселенія и роста первоначальныхъ осѣдлыхъ мѣстъ, по меньшей мѣрѣ неудобна, если не совсѣмъ невозможна. Опять таки мы не оцѣниваемъ ни положительныхъ, ни отрицательныхъ сторонъ такого положенія вещей, а указываемъ на нихъ только какъ на извѣстные факты.

Отъ этихъ общихъ свѣдѣній о порядкѣ землевладѣнія въ ахтырской дачѣ перейдемъ къ историческимъ даннымъ о ея происхожденіи. Уже въ началѣ настоящей статьи мы видѣли, что первоначальное населеніе г. Ахтырки „черкасами“ относится еще до времени присоединенія этой мѣстности къ московскому государству. У насъ подъ руками имѣется рукописная копія акта 7165 г. (1657 г.), мая 7 дня, даннаго отъ царя Алексѣя Михайловича въ Бѣлгородъ окольничему и воеводѣ князю Григорію Ромодановскому „по челобитью ахтырскихъ черкассъ Дмитрія Иванова съ товарищи“. „Ахтырскіе черкассы“ просили отмежевать ихъ земли отъ сосѣднихъ уже бывшихъ въ то время поселеній; почему грамота и повелѣвала князю Ромодановскому послать изъ Бѣлгорода на ахтырское городище товарища своего Ивана Акинеова „и съ нимъ велѣть съѣхаться изъ городовъ воеводамъ и приказнымъ людямъ—съ Вольнаго, съ Олешина, и съ Колонтаева, и съ Ахтырскова, и черезъ рѣку Ворсклъ лѣсу отдѣлить къ рѣкѣ Ворсклу на 500 сажень, а вдоль на 5 верстъ и пашни, и сѣнныхъ покосовъ, и рыбныхъ ловель и всякихъ

угодій по муромской сакмѣ вверхъ по Ворсклу... на тысячу на триста человѣкъ, чтобъ имъ земли отдѣлить не скудно и ту землю и сѣнные покосы и всякое угодье отмежевать и на межахъ столбы поставить"... Межа земли ахтырскихъ черкасъ опредѣлена между прочимъ до рѣкъ Рабыни (Рябина) и Мерла [1]).

Кромѣ указанной грамоты и описи ахтырскаго полка 1726 г., изъ которой раньше сдѣлано нами довольно подробное извлеченіе данныхъ, имѣвшихъ хотя косвенное отношеніе къ поземельному вопросу, въ нашихъ рукахъ имѣется еще рукописная копія одного акта прошлаго вѣка; въ немъ не обозначенъ годъ его составленія, но видно, что онъ явился еще до времени генеральнаго межеванія земель теперешней харьковской губерніи. Актъ этотъ начинается слѣдующимъ содержаніемъ: „книга именная бѣлогородской губерніи, слободскаго ахтырскаго полку, сотенныхъ мѣстъ козачимъ подмощникамъ свидѣтельства отъ кавалеріи астраханскаго полку подполковника Шамшева, который до сочиненія именныхъ книгъ отправленъ въ полкъ, коликое число въ ономъ ахтырскомъ полку въ городѣхъ, селѣхъ и деревняхъ, живущихъ на жалованныхъ полковыхъ земляхъ малороссіянъ явилось и въ которомъ селѣ и деревняхъ состоитъ мужеска полу душъ, которые подмощники платятъ въ ахтырскую полковую канцелярію на довольствіе армейскихъ и одного

[1]) Когда впослѣдствіи по ахтырской земельной дачѣ возникъ судебный процессъ съ казной, то, по порученію харьк. каз. палаты, данному губ. землемѣру, относительно этого документа были наведены справки въ дѣлахъ губ. чертежной: по этимъ справкамъ, онъ названъ былъ «выписью изъ писцовой межевой книги XVII вѣка», а количество опредѣленной этимъ документомъ земли, по свидѣтельству этой-же справки, около 55,000 десятинъ. Такъ какъ въ этой выписи говорится объ отводѣ земли черкасамъ «на тысячу на триста человѣкъ... отдѣлить не скудно», и если принять, что эти 1300 человѣкъ были главы семействъ, то въ такомъ случаѣ среднимъ числомъ на каждую семью приходилось-бы свыше 42 десятинъ, что значительно превышало-бы возможность непосредственной обработки земли силами одной семьи; по этому позволительно предположить, что это челобитье атамана ахтырскихъ черкасъ съ товарищами имѣло въ виду опредѣленіе уже существовавшаго поземельнаго владѣнія гораздо большей массы малорусскаго населенія, или-же сами просители имѣли въ виду земельный запасъ для будущаго: можетъ быть часть этого обширнаго пространства составляла въ первое время такъ называемую въ Малороссіи «вольницу», т. е. запасныя земли общаго владѣнія всѣхъ классовъ населенія.

гарнизонныхъ полковъ на порціоны и раціоны въ годъ по 18 копѣекъ по ³/₄ съ души, значится ниже сего". Далѣе идетъ запись обывателей въ двухъ ахтырскихъ сотняхъ; подворно означены имена, отчества и фамиліи. Въ особой графѣ на первой страницѣ написано: „онаго ахтырскаго полку нижеписанное число 1778 душъ (т. е., нужно думать, въ двухъ сотняхъ), козачи подпомощники, живутъ на пашнѣ, на жалованной малороссійской землѣ своими дворами и платятъ подпомощничій окладъ въ ахтырской полковой канцеляріи". Итакъ земли, въ предѣлахъ которыхъ находилась впослѣдствіи и генерально обмежеванная ахтырская дача, оффиціально признавались „жалованной полковой малороссійской землей", а денежныя повинности жителей передъ правительствомъ ограничивались только 18³/₄ коп. съ души, причемъ самая земля, какъ нужно думать, не была обложена еще никакимъ налогомъ.

Изъ имѣющейся у насъ копіи межевой книги дачи г. Ахтырки видно, что она была генерально обмежевана и межевые документы на нее значатся отъ 17 сентября 1769 года. Въ этой межевой книгѣ „учинена межа дачѣ владѣнія живущихъ въ Ахтыркѣ войсковыхъ обыватей съ ея пашенными землями, сѣнными покосы, лѣсными и прочими угодьями отъ всѣхъ смежныхъ постороннихъ земель"... Изъ дальнѣйшаго содержанія этой-же межевой книги видно, что въ дачѣ войсковыхъ обывателей г. Ахтырки отдѣльно вымежованы земли и пустоши лицъ другихъ сословій, а земля войсковыхъ обывателей показана общей массой въ количествѣ 21,252 десятинъ, а собственно удобной 20,249 десятинъ. „На семъ числѣ, сказано въ концѣ книги, во время межеванія земли внутри окружной межи... живущихъ въ г. Ахтыркѣ войсковыхъ обывателей... по послѣдне поданнымъ къ ревизіи сказкамъ состоитъ положенныхъ въ подушный окладъ мужеска пола 4,986 душъ". И такъ генеральное межеваніе ахтырской, а слѣдовательно и другихъ старозаимочныхъ земель слободской территоріи, уже потому, что оно было только генеральное, не осуществило первоначальнаго благаго пожеланія Екатерины II: „дабы всякій свой удѣлъ, или замку зналъ". Къ старозаимочнымъ землямъ была примѣнена общая межевая инструкція 1766 г., въ которой вся 19 глава была посвящена именно однодворческимъ и другихъ служилыхъ людей помѣстнымъ землямъ, которыя въ это время были уже окончательно признаны ка-

зенными, а въ первомъ пунктѣ этой главы именно и сказано: всѣ состоявшіе за однодворцами и другими служилыми людьми земли „утверждать не каждому порознь, а вообще всему селенію, особо отъ другихъ". По этимъ причинамъ всѣ земли ахтырскихъ войсковыхъ обывателей были просто замежеваны одной окружной межой къ г. Ахтыркѣ. При такихъ отношеніяхъ закона къ личному поземельному владѣнію войсковыхъ обывателей, оно—это личное и наслѣдственное поземельное владѣніе большинства народной массы харьковской губерніи, можно сказать, уже не имѣло себѣ формальной защиты въ законахъ и оберегалось развѣ только обычаемъ, или различными случайными обстоятельствами.

Такое необезпеченное положеніе землевладѣнія въ классѣ бывшихъ войсковыхъ обывателей, переходившихъ теперь въ разрядъ крестьянъ, давало постоянный поводъ къ притязаніямъ другихъ классовъ, при взаимномъ столкновеніи ихъ интересовъ и земельныхъ правъ; отсюда сословный аграрный антагонизмъ между массой войсковыхъ обывателей г. Ахтырки съ одной стороны и купцами, цеховыми и мѣщанами того-же города съ другой. Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ о немъ подробнѣе, здѣсь-же замѣтимъ, что если этотъ антагонизмъ примѣчается не раньше конца прошлаго вѣка и не выражается на бумагѣ со стороны духовенства и дворянства, то отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы онъ не проявлялся и раньше сего въ той скрытой формѣ, въ какой сталъ обнаруживаться въ воззрѣніяхъ массы въ послѣднее время. Впрочемъ упомянутые нами выше межевые документы на ахтырскую дачу даютъ намъ по этому предмету нѣкоторые, хотя и скудные факты. Книга генеральнаго межеванія ахтырской дачи отъ 17 сентября 1769 г. упоминаетъ только два элемента населенія г. Ахтырки: это во 1-хъ сплошное населеніе войсковыхъ обывателей, которымъ въ дачѣ принадлежало около $^{5}/_{6}$ всего ея пространства и поземельное владѣніе которыхъ показано въ книгѣ общей цифрой, а на планѣ общей массой за всѣмъ ихъ обществомъ, и во 2-хъ нѣсколько десятковъ лицъ другихъ классовъ, владѣвшихъ на правѣ собственности мелкими, также генерально-обмежеванными пустошами въ нѣсколько десятинъ каждая, среднимъ числомъ 20—30 дес., кромѣ двухъ пустошей отъ 100 до 200 десятинъ. Землевладѣльцы послѣдней категоріи перечислены въ межевой книгѣ поименно: они видимо были люди исклю-

чительно почти мѣстные, но только выдѣлившіеся изъ массы войсковыхъ обывателей фортуной позднѣйшей канцелярской или военной службы, или лица духовнаго званія. Въ качествѣ земельныхъ собственниковъ тутъ названы: премьеръ-маіоры, подпрапорные, прапорщики, вахмистры, протопопы, священники, канцеляристы, копіисты, бывшіе сотники, бывшіе полковые судьи; было нѣсколько пустошей, показанныхъ за ахтырскимъ троицкимъ монастыремъ. Но ни въ книгѣ генеральнаго межеванія всей ахтырской дачи 1769 г., ни въ межевой книгѣ уѣзднаго города Ахтырки съ выгонной землею 1771 г., нигдѣ ни однимъ словомъ не упомянуты: купцы, мѣщане и цеховые, хотя трудно сомнѣваться въ томъ, что населеніе Ахтырки въ нѣсколько тысячъ человѣкъ не могло существовать безъ всякой торговли и городскихъ ремеслъ. Это обстоятельство даетъ поводъ думать, что за исключеніемъ самаго скромнаго процента населенія, выдѣлившагося изъ массы путемъ канцелярской, полковой или духовной службы, остальное населеніе ахтырскихъ войсковыхъ обывателей во время генеральнаго межеванія представляло еще однородное, безсословное общество.—Было еще незначительное количество одного разряда населенія, которое уже отмѣчено въ межевыхъ актахъ г. Ахтырки прошлаго вѣка: это „подданные черкасы“: въ межевой книгѣ 1769 г. ихъ указано всего лишь нѣсколько человѣкъ, живущихъ въ хуторахъ и отдѣльныхъ пустошахъ вышедшихъ въ чины частныхъ владѣльцевъ, а въ межевой книгѣ городской и выгонной земли (1771 г.) сказано, что въ чертѣ городской земли, въ размѣрѣ около 2,790 десятинъ, находится г. Ахтырка, въ коемъ войсковыхъ обывателей мужскаго пола числится 4,986 душъ, да „за разными помѣщики и владѣльцы подданныхъ черкассъ, живущихъ въ городѣ, 143, всего 5,129 душъ“.

Межа городской земли г. Ахтырки была опредѣлена ранѣе генеральнаго межеванія ахтырской дачи, т. е. до 1769 года, межевая книга на эту дачу составлена въ 1769 г., а на городскую землю, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, только въ 1771 году. Спустя нѣсколько лѣтъ вводилось въ Ахтыркѣ городовое положеніе Екатерины II, которымъ офиціально опредѣлены новые разряды населенія: купцы, мѣщане и цеховые. Вслѣдъ за этимъ замѣтны уже явные слѣды борьбы изъ-за вопросовъ землевладѣнія между земледѣльческой массой населенія съ одной стороны, купцами, мѣ-

щанами и цеховыми съ другой. Очень можетъ быть, что при самомъ введеніи городоваго положенія не обошлось безъ какихъ-либо новыхъ нежданныхъ пертурбацій въ существовавшемъ аграрномъ строѣ жизни, ибо возникновеніе регламентированнаго закономъ городскаго сословія, со стороны его писанныхъ правъ и обязанностей, врядъ-ли могло быть предметомъ яснаго сознанія въ глазахъ патріархальной земледѣльческой массы населенія; а впослѣдствіи этотъ антагонизмъ долженъ былъ идти прогрессивно, возбуждаемый и поддерживаемый нѣкоторыми позднѣйшими офиціальными мѣропріятіями, о которыхъ будетъ сказано ниже. Во всякомъ случаѣ только со времени введенія этого городоваго положенія почти безсословное населеніе войсковыхъ обывателей, большею частію земледѣльцевъ, должно было мало-по-малу выработаться въ низшее (сословіе), замкнутое и подчиненное уже своимъ особымъ спеціальнымъ вѣдомствамъ крестьянское сословіе. Можно предположить, что такимъ именно путемъ произошелъ разжалованный изъ обывателей позднѣйшій „мужикъ“ въ земледѣльческихъ городахъ харьковской губерніи. Такое раздѣленіе безсословнаго прежде населенія войсковыхъ обывателей на высшія и низшія городскія сословія въ земледѣльческихъ городахъ Слободской Украйны, въ связи съ болѣе общими и глубокими историческими причинами, соотвѣтственно принизило весь численно преобладавшій классъ войсковыхъ обывателей во всей губерніи, по селамъ и деревнямъ, на степень почти паріевъ позднѣйшей эпохи, съ весьма вѣрнымъ названіемъ „государственныхъ крестьянъ“, т. е. безотвѣтныхъ крѣпостныхъ людей государства. Въ этихъ превращеніяхъ рѣшающее вліяніе врядъ-ли принадлежало тѣмъ или другимъ преднамѣреннымъ дѣйствіямъ правительства; скорѣе здѣсь могла сказываться стихійная сила общаго порядка вещей въ обширномъ государствѣ, гдѣ между правящими и управляемыми элементами не могло уже быть ни взаимнаго пониманія, ни постоянно дѣйствующей органической связи: вольная и невольная нивелировка жизни, до степени повсемѣстно-однообразнаго механическаго порядка, могла вызываться простой необходимостью для бюрократическаго режима хотя какъ-нибудь оріентироваться въ дѣлѣ администраціи, вводя въ посильныя для себя упрощенныя и однообразныя формы необъятное разнообразіе и естественное непрерывное творчество соціальной жизни.

Какъ можно видѣть по дальнѣйшему ходу различныхъ аграрныхъ мѣропріятій мѣстной администраціи относительно старозаимочныхъ земель теперешней харьковской губерніи, взгляды такихъ осмотрительно дѣйствовавшихъ администраторовъ, какъ Чертковъ, не были, къ сожалѣнію, преобладающими, и повидимому скоро почти совсѣмъ исчезли изъ мѣстныхъ административныхъ традицій и практики. Мы не будемъ здѣсь объяснять причинъ такого явленія, ибо, по всей вѣроятности, онѣ довольно сложны; но врядъ-ли послѣднюю роль игралъ здѣсь пришлый характеръ административнаго персонала, который просто могъ не знать мѣстнаго аграрнаго устройства, а личный ихъ опытъ и общій ходъ аграрнаго законодательства въ примѣненіи къ народной массѣ имѣлъ дѣло только съ великорусскимъ поземельнымъ порядкомъ, общиннымъ характеромъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ ноябрѣ 1814 г. „войсковой голова" и повѣренные г. Ахтырки, т. е. общества тогдашнихъ войсковыхъ обывателей, жаловались слободско-украинской казенной палатѣ на сильное умаленіе земли войсковыхъ обывателей г. Ахтырки и непомѣрное обремененіе ихъ различными повинностями. Между прочимъ они объясняли, что хотя „по плану, выданному на г. Ахтырку" числится удобной земли около 15,000 десятинъ (мы округляемъ цифру), но въ числѣ этой земли около 5,000 десятинъ черезполосностей принадлежатъ чиновникамъ, „да купцамъ и мѣщанамъ, вышедшимъ въ сіе званіе изъ войсковыхъ поселянъ", и потому во владѣніи ихъ, жалобщиковъ, остаются не полныя десять тысячъ десятинъ, а какъ по послѣдней въ то время 6 ревизіи войсковыхъ обывателей г. Ахтырки числилось 4,520 платежныхъ, или ревизскихъ душъ, то слѣдовательно на каждую душу приходилось всего съ небольшимъ двѣ десятины. Просители прибавляли, что кромѣ общаго уменьшенія войсковой земли, вслѣдствіе выхода многихъ обывателей въ другія сословія, по ордеру бывшаго губернатора Теплова, „съ 1798 года поступило въ распоряженіе ахтырской городовой думы 60 десятинъ, сѣнокосной земли для доставленія отъ города пастбищныхъ мѣстъ квартировавшимъ въ Ахтыркѣ гусарскимъ полкамъ и „разнымъ воинскимъ командамъ"; но что уже около десяти лѣтъ никакихъ военныхъ постоевъ въ г. Ахтыркѣ не имѣлось, а дума все таки продолжаетъ владѣть сѣнокосной землей, бывшей собственностію ихъ обывателей, „нанимаетъ ее разнымъ

купцамъ и мѣщанамъ и арендную плату обращаетъ въ городской доходъ", въ случаяхъ-же прохожденія черезъ городъ „командъ", тѣ команды „всегда довольствуетъ обывательское общество (т. е. войсковые обыватели г. Ахтырки, по городовому положенію Екатерины, не вошедшіе даже въ составъ городскихъ классовъ) приготовляемымъ для себя сѣномъ и овсомъ, съ дворовъ и покупкою за деньги, почему они, обыватели, и пришли къ крайнему малоземелію, въ пропитаніи себя и платежѣ казенныхъ податей въ крайнее изнеможеніе, ибо во многихъ вовсе земли на хлѣбопашество не имѣется", а потому просятъ возвратить имъ землю, неправильно задерживаемую городскою думою еще со времени ордера губернатора Теплова. Изъ указа слободско-украинской казенной палаты по этой жалобѣ видно, кромѣ того, какъ неустойчивъ былъ характеръ и фактъ землевладѣнія въ частности, въ отдѣльныхъ мѣстахъ этой дачи: тутъ въ видѣ справки приведенъ, между прочимъ, такой эпизодъ. Слободско-украинская гражданская палата еще въ 1805 г. постановила свое опредѣленіе по ходатайству какого-то ахтырскаго обывателя Степана Слухая „съ товарищи", касательно предоставленія во владѣніе имъ „яко-бы жалованной ихъ предкамъ пушкарямъ, по выписи 7170 г. (1662 г.), въ ахтырскихъ дачахъ, въ разныхъ урочищахъ земли, находящейся въ завладѣніи у городничаго Мандрыкина и другихъ"... Въ справкахъ значится, что „по разсужденію воеводы маіора Львова изъ той жалованной пушкарской сѣнокосной земли третью часть положено содержать для искошенія на городское общественное обывательское облегченіе и надобности, употребляя искашиваемое сѣно въ продажу и во время проходящихъ полковъ и командъ съ вѣрною запискою, а оставшуюся за тѣмъ землю раздѣлить между пушкарями, какое распредѣленіе ахтырская провинціальная канцелярія въ 1779 г. рѣшеніемъ своимъ подтвердила". Гражданская палата, не отмѣняя онаго, присудила токмо находящуюся изъ числа оной земли у Мандрыки предоставить по прежнему обывательскому обществу, а имъ Слухаю съ товарищи въ просьбѣ отказала. Но прежде того рѣшенія въ 1798 г. бывшій губернаторъ Тепловъ, даннымъ ахтырской городской думѣ предложеніемъ, предписалъ: „упоминаемымъ сѣннымъ покосамъ, которые, какъ изъ рапорта ахтырскаго нижняго земскаго суда явствуетъ, состоятъ за городской чертой и въ вѣ-

домствѣ онаго суда, находиться въ вѣденіи той думы и получаемые съ нихъ доходы обращать въ городскую сумму, почему съ 1800 г. по 1814 г. показано въ счетахъ ахтырской городской думы собраннаго съ найма тѣхъ сѣнокосовъ дохода 771 р. 30 к.“

Уже одинъ этотъ въ сжатой справкѣ приведенный эпизодъ вызываетъ рядъ предположеній: Слухай съ товарищи ищутъ пожалованную ихъ предкамъ пушкарямъ землю въ свое личное или-же общее владѣніе; упоминаніе о пожалованныхъ землей какихъ-то ахтырскихъ пушкаряхъ предполагаетъ земельныя пожалованія не только въ пользу всего ахтырскаго козачьяго сословія, но и отдѣльныхъ его спеціальностей. Воеводское „разсужденіе“ постановило: треть этой земли назначить на „городское облегченіе“ относительно военныхъ повинностей, а остальныя $^2/_3$ земли раздѣлить между пушкарями. Гражданская палата, съ своей стороны, часть этой земли, бывшую во владѣніи частнаго лица, городничаго Мандрыки, присудила всему обывательскому обществу, а губернаторъ Тепловъ, не ожидая палатскаго рѣшенія, приказалъ всю эту спорную землю отдать во владѣніе ахтырской городской думы. Такимъ образомъ даже въ одномъ этомъ эпизодѣ мы видимъ цѣлую путаницу разнородныхъ претензій и распоряженій: со стороны частныхъ лицъ, отдѣльныхъ сословій и всего ахтырскаго общества. Отсутствіе прочныхъ, опредѣленныхъ правъ личныхъ и имущественныхъ, полная безконтрольность провинціальной администраціи, которая и сама врядъ-ли могла знать, что кому принадлежало вчера и что кому поэтому должно принадлежать сегодня, всѣ эти условія должны были порождать такой порядокъ вещей въ сферѣ мелкаго поземельнаго владѣнія, что, можетъ быть, даже насильственное, но быстрое введеніе общиннаго владѣнія было-бы еще наименьшимъ изъ золъ, сравнительно съ произволомъ частнаго и офиціальнаго характера, упраздняющимъ всякій прочный разсчетъ на завтрешній день.

---

7) Причины и начало уравнительнаго раздѣла старозаимочныхъ земель.

Замѣна прежняго, исконнаго порядка землевладѣнія въ Слобожанщинѣ инымъ, господствовавшимъ въ другой половинѣ Россіи порядкомъ наступила не вдругъ и произошла подъ непосредствен-

нымъ и неотразимымъ давленіемъ мѣстной и центральной администраціи, долго еще производившихъ свои эксперименты надъ перерождавшимся постепенно козачьимъ населеніемъ Слобожанщины, не справляясь съ его исторіею, вѣковымъ правомъ, привычками и всѣмъ строемъ мѣстной жизни, но лишь по собственному, не рѣдко весьма узкому пониманію нуждъ и пользъ государства. Въ высокой степени интересны и поучительны разсужденія по этому предмету мѣстныхъ и заѣзжихъ администраторовъ, повидимому проникнутыя заботами о благѣ населенія, а въ сущности не восходившія выше желанія отличиться по службѣ исправнымъ взысканіемъ казенныхъ податей и ради этого не церемонившихся съ историческими началами мѣстной жизни. Въ упомянутомъ нами выше дѣлѣ по жалобѣ „войсковаго головы съ товарищи" на умаленіе земли бывшихъ войсковыхъ обывателей и чрезмѣрное обремененіе ихъ казенными налогами, бывшая слободская казенная палата, въ которой производилось это дѣло, въ своемъ рѣшеніи основалась главнымъ образомъ на слѣдующемъ предложеніи тогдашняго харьковскаго вице-губернатора. Такого-то мѣсяца и числа „сего 1814 года, говорится въ указѣ палаты, здѣшній г. вице-губернаторъ и кавалеръ сей палатѣ предложилъ, что, разсматривая онъ получаемые отъ уѣздныхъ казначействъ вѣдомости о приходѣ и расходѣ денежной казны, а равно о недоимкахъ, усматриваетъ, что сіи послѣднія накопляются до знатнаго количества и взысканіе ихъ происходитъ медленно; посему вникая подробно въ причины умноженія оныхъ и трудности, съ каковою казенными поселянами вносятся слѣдующія казнѣ подати, онъ по внимательномъ изслѣдованіи всего относящагося до сего предмета, равномѣрно, какъ и по тщательномъ соображеніи положенія казенныхъ поселянъ находитъ, что главнѣйшею и почти, можно сказать, единственною причиною несостоятельности казенныхъ поселянъ къ заплатѣ податей и другихъ государственныхъ повинностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сопряженныхъ затрудненій въ сборѣ оныхъ и накопленія недоимокъ, есть то, что во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ, обмежеванныя къ онымъ земли и слѣдовательно вообще всѣмъ казеннымъ поселянамъ принадлежащія, раздѣлены между ними неуравнительно, такъ что нѣкоторые изъ поселянъ владѣютъ весьма знатнымъ количествомъ земель, далеко превосходящимъ ту пропорцію, которая-бы имъ по числу душъ въ ихъ семействахъ

слѣдовала, другіе-же напротивъ того владѣютъ только самымъ малѣйшимъ участкомъ, или и вовсе ничего не имѣютъ и число сихъ послѣднихъ гораздо превосходитъ первыхъ; неуравнительность-же сія произошла отъ того, что, не взирая на существующія съ давнихъ времепъ узаконенія, коими воспрещено казеннымъ поселянамъ продавать, закладывать, или какимъ-либо образомъ переводить свои участки земель въ постороннія руки, злоупотребленія сіи подъ разными предлогами всегда продолжались, да и нынѣ, не смотря на строгія подтвержденія о пресѣченіи оныхъ, продолжаются, отъ чего съ одной стороны тѣ, кои таковыми непозволительными средствами сбываютъ свои земли, не только повергаютъ сами себя въ бѣдность и несостояніе къ платежу казенныхъ податей, но потомковъ своихъ неповинно оставляютъ въ бѣдственномъ положеніи, а съ другой— заводятъ напрасныя дѣла, обременяющія правительство, почему онъ, г. вице-губернаторъ, и полагаетъ, что какъ для безнедоимочнаго взноса казенныхъ податей, такъ и для приведенія казенныхъ поселянъ въ состояніе пріобрѣтать потребные способы къ прокормленію себя и платежу государственныхъ повинностей, необходимо надлежитъ во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ всѣ имѣющіяся и обмежеванныя къ онымъ земли раздѣлить между поселянами уравнительно по числу душъ въ каждомъ семействѣ въ окладѣ состоящихъ, исключая только такихъ участковъ, на которые имѣются у кого-либо законные документы, съ тѣмъ, чтобы казенные поселяне, кромѣ предоставленнаго имъ въ межевой инструкціи права отдавать свои участки по-годно въ наймы, ни какъ не смѣли ни продавать оныхъ и ни закладывать, ниже какимъ-бы-то ни было образомъ переводить въ постороннія руки".—Въ настоящее время насъ, привыкшихъ къ инымъ порядкамъ, способно озадачить то обстоятельство, что вице-губернаторъ, хотя и кавалеръ, такъ легко справляется съ сложнымъ аграрнымъ и экономическимъ вопросами и однимъ, такъ-сказать, взмахомъ своего пера разрушаетъ вѣковой порядокъ жизни; но тогда ничто подобное не казалось страннымъ и палата, какъ видимъ, приняла предложеніе вице-губернатора къ исполненію. Правда, онъ оставляетъ еще значеніе за документами законными, но какіе документы могли быть у населенія, низведеннаго уже разными мѣропріятіями на степень „мужика" и какіе изъ имѣющихся документовъ, послѣ столькихъ перемѣнъ, могли быть признаны за-

конными"? Не менѣе интересны нѣкоторыя числовыя данныя, приведенныя въ томъ-же указѣ палаты и подтверждающія, хотя далеко не точно, то умаленіе земли, на которое жалуется „войсковой голова съ товарищи". Изъ этихъ данныхъ отмѣтимъ слѣдующія: 1) что по 5-й ревизіи ревизскихъ душъ войсковыхъ обывателей города Ахтырки числилось 4,582 души (больше чѣмъ по послѣдней 6-й ревизіи), а на каждую душу приходилось по свѣдѣніямъ палаты свыше $4^1/_2$ десятинъ; 2) что, по тѣмъ-же свѣдѣніямъ палаты, въ видѣ различныхъ вѣдомостей и отчетовъ, выходитъ, что „по 6-й ревизіи причитается на 4,520 душъ... безъ малаго по 5 десятинъ, но „изъ числа означенной земли, замѣчаетъ палата, сколько имѣется во владѣніи тамошнихъ купцовъ и мѣщанъ, вышедшихъ изъ обывательскаго званія, въ палатѣ свѣдѣнія точнаго нѣтъ".

Такъ объяснялъ „вице-губернаторъ и кавалеръ", а за нимъ и палата слободско-украинская причины „крайняго изнеможенія" ахтырскихъ обывателей. Намъ представляется это дѣло нѣсколько въ иномъ видѣ. На общество войсковыхъ обывателей г. Ахтырки возложена была не только подушная подать, но и различныя натуральныя повинности, источникомъ которыхъ могла быть для земледѣльческаго населенія только земля. По свѣдѣніямъ палаты, этой земли числилось свыше 20,000 десятинъ, въ дѣйствительности-же во владѣніи податнаго сословія не было уже и половины этого количества. При этомъ условіи „крайнее изнеможеніе обывателей", особенно въ виду другихъ добавочныхъ причинъ, становится совершенно понятно. Внутренняя раскладка всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей главнымъ образомъ подавляла бѣднѣйшую часть населенія; разъ установленный размѣръ этихъ повинностей падалъ не на одинъ и тотъ-же поземельный фондъ, въ чьихъ-бы рукахъ ни находилась земля, но только на классъ войсковыхъ обывателей, которыхъ законъ предполагалъ единственными землевладѣльцами, а мѣщане и цеховые, по закону, предполагались безземельными, хотя по обычному старозаимочному праву движеніе мелкаго поземельнаго владѣнія между этими сословіями происходило постоянно и въ рукахъ богатыхъ людей поземельное владѣніе могло накопляться даже въ относительно большихъ размѣрахъ. Мы не думаемъ ошибиться, если скажемъ, что главная причина этого недуга заключалась въ полномъ несоотвѣтствіи податной системы

съ порядкомъ личнаго землевладѣнія на правѣ полной собственности и вообще бытовымъ строемъ землевладѣнія. Податная система, предполагая общинное землевладѣніе, а слѣдовательно и неизмѣнный имущественный фондъ, для удобства счета и контроля, устанавливала разъ на многіе годы неизмѣнныя цифры подати и извѣстный объемъ натуральныхъ повинностей съ цѣлаго крестьянскаго или обывательскаго общества, а источникъ этой подати—мелкая обывательская (позже крестьянская) собственность—находилась въ постоянномъ движеніи изъ рукъ въ руки, переходя даже къ другимъ и высшимъ сословіямъ, что по характеру и механизму податной системы оставалось безъ всякаго наблюденія и контроля, или, лучше сказать, совсѣмъ игнорировалось. Поземельный фондъ крестьянъ постоянно измѣнялся и уменьшался вслѣдствіе перехода земли въ другія сословія, а размѣръ этого фонда на бумагѣ оставался одинъ и тотъ-же; а слѣдовательно оставалась одна и таже общая цифра душевой подати и натуральныхъ повинностей.

Никакія подобныя обстоятельства не входили, конечно, въ соображенія палаты. Стремясь выполнить данное ей вице-губернаторомъ и кавалеромъ предложеніе, она подтягиваетъ къ нему всевозможныя справки, подводитъ законы объ однодворцахъ, а также о 15-ти и 8-ми десятинномъ надѣлѣ землею и, наконецъ, приводитъ извлеченіе изъ указа сената по межевому департаменту отъ 12 іюля 1809 г., „по дѣлу объ отдачѣ земли ахтырскаго уѣзда (великорусской) деревни Печинъ однодворческому обществу", отрѣзанной въ казенное вѣдомство изъ владѣнія князя Кантеміра (около 1,000 десятинъ)... въ которомъ, между прочимъ, было предписано, чтобы казенная палата, до приведенія въ извѣстность всѣхъ земель, принадлежащихъ казеннымъ крестьянамъ, „старалась елико возможно, хотя частно, приступать къ надѣленію тѣхъ крестьянъ, кои крайне малоземельны, дабы они за земли, имъ въ надѣлъ слѣдуюція, не обременялись болѣе платежемъ оброчныхъ денегъ и не несли въ платежѣ слѣдующихъ съ нихъ повинностей отягощенія". Въ заключеніе всѣхъ своихъ справокъ и мотивовъ казенная палата, ссылаясь на предположенія въ высочайшихъ указахъ 1798 г. іюля 21 дня и 1800 г. декабря 17, приходитъ къ заключенію, что „къ надѣленію скудныхъ поселянъ землею надлежитъ всю слѣдуемую обывательскому обществу землю, дабы никто изъ нихъ въ оной не

нуждался, раздѣлить равномѣрно между тѣми обывателями по числу ревизскихъ душъ. Постановивъ, для увеличенія подлежащей раздѣлу земли, отобрать и отданную прежде ахтырской городской думѣ сѣнокосную землю, съ возложеніемъ на обывателей обязанности довольствовать полки и воинскія команды фуражемъ въ натурѣ, палата рѣшила всю землю, принадлежащую войсковымъ обывателямъ, раздѣлить между ними по числу душъ, „дабы всякъ изъ нихъ, обывателей, получивъ себѣ довлѣемый участокъ, могъ улучшать свое состояніе и быть исправнымъ къ платежу государственныхъ податей и общественныхъ повинностей", ахтырскому-же нижнему земскому суду предписала, „чтобы означенный раздѣлъ земли съ точностію, уравнительно и безобидно для каждаго произведенъ былъ", и въ тоже время отнеслась въ слободско-украинское губернское правленіе о немедленномъ отборѣ отъ ахтырской думы земли общества войсковыхъ обывателей, равно и объ откомандированіи „для того раздѣленія земли уѣзднаго землемѣра".

Такое стремленіе мѣстной администраціи къ равномѣрному раздѣлу земель въ дачахъ „казенныхъ обывателей", начавшееся еще съ 20 годовъ, имѣло особенно напряженный характеръ въ 30—40 годахъ текущаго столѣтія. Мы имѣемъ въ рукахъ три циркулярные приказа слободско-украинской казенной палаты—въ лебединскій уѣздъ межирицкому волостному правленію (въ 1829 и 1830 годахъ). По историко-статистическому описанію харьковской епархіи слобода Межиричъ въ 1765 г. была сотеннымъ мѣстечкомъ сумскаго полка, а съ этого времени до 1781 г. коммисарскимъ городкомъ. Основаніе этого поселенія малороссійскими козаками относится ко времени не позже 1642 г. Землевладѣніе здѣсь, какъ видно изъ бывшей полковой организація, было старозаимочное, т. е. участково-наслѣдственное и, конечно, неравномѣрное. Въ это время, какъ видно изъ приказа палаты, губернію обозрѣвалъ сенаторъ Горголій. Онъ былъ во многихъ волостяхъ, и всюду замѣчалъ „весьма неуравнительное казенными поселянами владѣніе принадлежащими имъ землями, такъ что одни имѣютъ оной весьма много, тогда какъ у другихъ вовсе таковой нѣтъ"; сенаторъ нашелъ также, что „допускается уступка нѣкоторыми казенными поселянами своихъ земель постороннимъ лицамъ, и на время даже неограниченное (тутъ перечислены неизбѣжныя свойства и признаки старозаимочнаго

владѣнія), и полагая, что все сіе имѣетъ величайшее вліяніе на накопленіе недоимки", строго предписалъ, чтобы палата, „по случаю наступающаго весенняго времени, поспѣшила предписать всѣмъ волостнымъ правленіямъ, чтобы произвели между собой уравненіе землями"... Палата немедленно вмѣнила въ обязанность городничихъ и земскихъ судовъ: „всѣмъ селеніямъ и городамъ изъ владѣемыхъ ими земель, по числу ревизскихъ душъ, по сколько на каждую уравнительно причитаться будетъ, сдѣлать раздѣленіе, кромѣ лѣсовъ и такихъ земель, на которыя имѣются у кого либо изъ поселянъ узаконенныя крѣпости"... Положеніе волостныхъ правленій подъ гнетомъ этихъ высоко авторитетныхъ требованій было, можно сказать, безвыходное: они естественно представляли на видъ начальству, что дѣлить земли безъ землемѣровъ не могутъ, но въ своемъ безсиліи исполнить требованіе начальства особенно упирали на то обстоятельство, что „въ каждой казенной дачѣ имѣются черезполосныя владѣнія". Палата требовала подѣлить между поселянами всю ту землю, которая находится въ безспорномъ ихъ владѣніи и непремѣнно уравнительно, по количеству въ каждомъ семействѣ ревизскихъ душъ; „а какъ отъ неуравнительнаго владѣнія полагается и самое накопленіе время отъ времени недоимки въ государственныхъ податяхъ", то палата постановила войти въ сношеніе съ губернаторомъ относительно предписанія городскимъ и земскимъ полиціямъ, чтобы онѣ, кромѣ настоянія на раздѣлѣ крестьянскихъ земель, понудили-бы и черезполосныхъ владѣльцевъ другихъ сословій „къ представленію въ узаконенный срокъ документовъ на владѣнія свои и окончили дѣла о новыхъ привладѣніяхъ и разныхъ притѣсненіяхъ казеннымъ обывателямъ". Такимъ образомъ въ дачахъ старозаимочнаго владѣнія не было уже покою не только казеннымъ обывателямъ, но и всѣмъ владѣльцамъ мелкихъ черезполосныхъ дачъ. Повторимъ опять, что всю эту пертурбацію можно объяснять только существовавшей системой податей съ ревизскихъ душъ, вслѣдствіе чего администрація естественно желала обезпечить, такъ сказать, платежный фондъ каждой души „довлѣемымъ участкомъ". При такомъ положеніи вещей состоятельные члены сельскихъ обществъ, которымъ жилось сравнительно легко, были поражены внезапнымъ отборомъ части ихъ земель, за то бѣдные, которымъ особенно чувствительна была

тяжесть ихъ положенія, должны были всячески стремиться къ равномѣрному передѣлу земель. Это стремленіе ихъ къ имущественному уравненію сельскихъ обществъ могло быть тѣмъ энергичнѣе, что его поддерживала и спѣшно шла ему на встрѣчу административно-фискальная политика. Такъ могла возникать и обостряться глухая борьба между имущими и неимущими классами, переходя изъ крестьянской среды и на другія сословія. Примѣненіе къ дѣлу распоряженія объ уравнительномъ распредѣленіи земель не замедлило вызвать и жалобы на неточное исполненіе онаго. Такая жалоба занесена была, какъ видимъ изъ втораго приказа слободско-украинской казенной палаты, отъ нѣсколькихъ обществъ ахтырскаго и зміевскаго уѣзда. Въ приказѣ дѣлается ссылка на ревизію губерніи, произведенную сенаторомъ Брозинымъ, бывшую какъ видно, также въ связи съ поземельнымъ вопросомъ въ губерніи. Въ третьемъ приказѣ выступаетъ снова сенаторъ Горголій. Его сенаторское око, обращенное „наипаче на благосостояніе казенныхъ поселянъ, въ отношеніи онаго усмотрѣло *важнѣйшій безпорядокъ*“ все въ томъ-же неуравнительномъ распредѣленіи земли по числу душъ, въ семействахъ состоящихъ, и количеству платимой каждымъ обывателемъ подати. „*Зло сіе*, разъяснялъ сенаторъ, проистекаетъ сколько отъ упорства въ раздѣлѣ земель со стороны волостныхъ начальниковъ, и послабленія... мѣстныхъ полицій, столько и отъ долговременнаго неокончанія уѣздными судами находящихся въ нихъ дѣлъ о спорныхъ и черезполосныхъ между казенными поселянами и разными частными владѣльцами земляхъ“... Какъ видно, жизнь крѣпко стояла за свои излюбленныя формы, извѣчныя, наслѣдственно имущественныя права, ей вторили и низшіе органы власти; но благопопечительное начальство давало этой жизни иной поворотъ, по своему высшему разумѣнію. Тамъ и здѣсь преслѣдуются, повидимому, благо населенія и польза государственная, но какъ не одинаково понимаются они одной и другой стороной! Казенная палата и въ этомъ приказѣ строго побуждаетъ всѣ подлежащія власти (исправниковъ, уѣздные суды и въ особенности волости) къ безотлагательному раздѣлу крестьянскихъ земель на ревизскія души, неизмѣнно поучая, что казенные поселяне „отъ неуравнительнаго владѣнія землей доведены до накопленія въ значительномъ количествѣ недоимокъ въ государственныхъ податяхъ“.

Подъ вліяніемъ такого общаго неотразимаго административнаго давленія, охотно поддерживаемаго бѣднѣйшею частію сельскаго населенія, въ 20—40 годахъ происходило, вѣроятно, повсемѣстное превращеніе въ бывшей Слобожанщинѣ участково-наслѣдственныхъ старозаимочныхъ дачъ въ дачи общиннаго владѣнія. Мы приведемъ здѣсь только не многіе извѣстные намъ факты.

Въ дачѣ бывшей войсковой слободы ахтырскаго полка Хухры совершенъ уравнительный раздѣлъ на души и возникло общинное владѣніе землей, по частнымъ свѣдѣніямъ, еще въ половинѣ 20 годовъ текущаго вѣка.—Въ бывшемъ сотенномъ мѣстечкѣ ахтырскаго полка Колонтаевѣ раздѣлъ земли на души совершился лѣтъ за 15—20 до выдачи владѣнныхъ записей, т. е., вѣроятно, уже въ 50 годахъ. Мѣстное преданіе помнитъ даже, что въ колонтаевскомъ обществѣ былъ какой-то мѣстный крестьянинъ, агитаторъ поземельнаго раздѣла—Собко, который яко-бы исхлопоталъ раздѣлъ земли (*ледачій* человѣкъ, по выраженію одного старожила). По сообщеннымъ намъ частнымъ свѣдѣніямъ въ Колонтаевѣ и его дачѣ было и крѣпостное владѣніе какъ крестьянъ, такъ и мѣщанъ, были и крѣпостныя усадьбы. Въ послѣднее время на душу въ колонтаевской дачѣ, по частнымъ свѣдѣніямъ, приходилось около $4^{1}/_{2}$ десятинъ.—Въ селѣ Жигайловкѣ раздѣлъ земли на души произошелъ лѣтъ 40 тому назадъ, еще до крымской войны, хотя населеніе помнитъ, что и лѣсъ и пахоть здѣсь были старозаимочнаго владѣнія. Здѣсь 1160 душъ имѣютъ 5,600 десятинъ. Со времени введенія общиннаго владѣнія было около трехъ передѣловъ земли; послѣдній передѣлъ былъ лѣтъ восемь тому назадъ.—Въ Боромлѣ участко-наслѣдственный старозаимочный порядокъ замѣненъ общиннымъ и земля уравнительно подѣлена на души еще около 30 лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ введеніемъ кадастра. Раздѣлъ былъ произведенъ насильно, по требованію ахтырскаго окружнаго начальника и безземельныхъ крестьянъ. Здѣсь также мѣстная память называетъ одного крестьянина, по фамиліи Хухря, который долго стоялъ за старый участковый порядокъ и вслѣдствіе этого едва самъ не пропалъ. За все это время было, по мѣстной памяти, всего два передѣла земли, ибо, говорятъ, боромлянское общество не любитъ передѣловъ. Поле какъ было, такъ и осталось въ трехъ рукахъ. Душевой надѣлъ въ Боромлѣ: въ одной рукѣ 1 десятина, въ другой рукѣ 2140 кв.

саж., въ третьей рукѣ 2000 кв. саж. Еще наканунѣ перваго передѣла старозаимочной земли около 1851 года, въ крестьянскомъ обществѣ уже ходили о немъ слухи, вслѣдстіе этого болѣе догадливые люди въ крестьянскомъ мірѣ заблаговременно постарались продать свои грунты или нивки, въ надеждѣ, что при передѣлѣ они опять получать землю на свой пай, что и случилось.—Въ слободахъ лебединскаго уѣзда Червленномъ Курганѣ и Азакѣ были также земли старозаимочнаго владѣнія. Здѣсь введено общинное владѣніе (уравнительный раздѣлъ на души) еще въ половинѣ 20 годовъ, и съ этихъ поръ передѣлы идутъ по ревизіямъ. Послѣдній передѣлъ былъ въ 1858 году. Въ слободѣ Олешнѣ (лебединскаго уѣзда) живутъ на смежныхъ земляхъ однодворцы и бывшіе войсковые обыватели: у однодворцевъ прежде была четвертная земля, а послѣ выдачи владѣнной записи (кажется, около 1872 г.) земля уже подѣлена на души. Бывшіе войсковые обыватели Олешни подѣлили свою старозаимочную землю на души послѣ кадастра: около 1853—54 г. лѣса старозаимочнаго и четвертнаго владѣнія береглись еще каждый своимъ хозяиномъ, „а какъ пошло подъ казну, то кто заѣдетъ—тотъ и рубитъ“, говорилъ одинъ олешанскій однодворецъ.—Въ дачѣ г. Харькова, какъ и во всей пересѣчанской дачѣ, тоже харьковскаго уѣзда, еще до сихъ поръ сохраняется старозаимочный порядокъ участково-наслѣдственнаго владѣнія.—Въ дачѣ Лебедина (бывшаго сотеннаго мѣстечка сумскаго полка) владѣніе было прежде старозаимочное, участково наслѣдственное, но въ 30 или 40-хъ годахъ подѣлено уравнительно на души. Сами крестьяне, побуждаемые на мѣстѣ своими безземельными членами, какъ умѣли, просто веревками раздѣлили дачу на души.

Нѣсколько свѣдѣній о позднѣйшемъ раздѣленіи старозаимочныхъ дачъ на души и возникновеніи такимъ путемъ общиннаго владѣнія, замѣнившаго начало личной собственности, мы надѣемся привести еще въ другомъ мѣстѣ.

А. Л. Шимановъ.

(Продолженіе будетъ),

#Ириней Фальковскій,

КОАДЪЮТОРЪ КІЕВСКІЙ.

Изъ земли взятъ, въ землю и пойдешь, іерархъ, и если время все уноситъ, то дѣла живутъ вѣчно.

(Изъ эпитафіи пр. Иринею).

Въ екатерининскомъ придѣлѣ главной церкви кіево-златоверхо-михайловскаго монастыря, на одной изъ арокъ, скромно ютится небольшая мѣдная дощечка съ незамысловатою эпитафіею: *„здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго епископа Иринея Фальковскаго, бывшаго викаріемъ кіевскимъ, потомъ епархіальнымъ смоленскимъ и снова, по желанію своему, возвратившагося въ эту обитель 1812 г.*[1]) *съ званіемъ коадъютора"*... и т. д. Едва-ли кто изъ посѣщающихъ михайловскую обитель останавливалъ свое вниманіе на этой маленькой дощечкѣ; а иной, быть можетъ, хотя и видѣлъ, но далекъ былъ отъ мысли, что скромная эпитафія говоритъ о человѣкѣ, которымъ вправѣ гордиться время, породившее его, школа, воспитавшая его, учрежденіе, считавшее его своимъ членомъ, общество, послужившее ареною дѣятельности его. Преосвященный Ириней обладалъ замѣчательною, по своему времени, эрудиціею. Это былъ самый многосторонній ученый между русскими пастырями церкви и вообще между русскими учеными конца XVIII и начала XIX вѣка. Какъ питомецъ, наставникъ и, наконецъ, начальникъ кіевской академіи, въ его время отживавшей свой достославный, почти двухсотлѣтній, старый

---

[1]) Дата эта, какъ увидимъ впослѣдствіи, не вѣрна.

порядокъ, преосв.Ириней является вѣрнѣйшимъ отраженіемъ и выраженіемъ ея тогдашняго отличительнаго научнаго направленія—эклектическаго. За скамьей ученической, на каѳедрѣ профессорской имъ все было изучаемо—отъ поэзіи и богословія съ философіею до сферической тригонометріи, астрономіи, механики, гидравлики, пиротехники, архитектуры, экономіи и разныхъ языковъ. Въ періодъ своего двадцатилѣтняго наставническаго служенія при академіи (1783—1804 г.), онъ читалъ лекціи почти во всѣхъ классахъ ея, начиная отъ *ариѳметическаго* и *грамматическаго* до самыхъ высшихъ курсовъ *философіи* и *богословіи*. Языки еврейскій и греческій зналъ самымъ точнымъ научнымъ образомъ; по-венгерски, нѣмецки и французски могъ свободно писать; латинскимъ-же языкомъ, разговорнымъ и литературнымъ, владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, что могъ на немъ объясняться и писать, какъ на родномъ русскомъ. Имѣя необыкновенно четкій и въ то-же время весьма красивый, близко подходящій къ печатному шрифту, почеркъ, любя уединеніе и трудъ и соблюдая во всемъ до мельчайшихъ подробностей точность [1]), преосвященныйИриней столько *собственноручно* написалъ своихъ сочиненій и переписалъ чужихъ, сколько иному, даже призванному, ученому за всю жизнь не удастся перечитать рукописнаго.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разнообразныхъ и обширныхъ ученыхъ занятій преосв. Иринея было необыкновенное разнообразіе и многочисленность его сочиненій, въ которыхъ онъ началъ пробовать силы свои еще съ *риторическаго* класса. И чего только онъ не сочинялъ, о чемъ только не писалъ! Писалъ и псальмы, и гимны, и элегіи на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; составлялъ стихиры съ тропарями и въ тоже время производилъ самыя сложныя алгебраическія и метеорологическія вычисленія; писалъ богословскіе трактаты и философскія разсужденія—на ряду съ замѣтками по хронологіи, медицинѣ и военной архитектурѣ; излагалъ цѣлыя системы наукъ, редактируя кіевскіе календари съ астрономическими вычисленіями и историческими

---

[1]) Преосвященный, напр., дѣлалъ такія собственноручныя отмѣтки: 1) кто изъ послушниковъ кіево-михайловскаго монастыря и пѣвчихъ ежедневно ходилъ въ церковь и кто не ходилъ; 2) чѣмъ и въ какое время самъ былъ болѣнъ; 3) записывалъ ежедневно расходы и проч. (См. рукописи кіево-софійскаго собора XIX, 1, №№ 618, 582 и др.).

статьями; составлялъ толкованіе на слово Божіе и писалъ ноты съ ариѳметикою для духовныхъ училищъ и каждое богослуженіе предлагалъ пасомымъ проповѣдное слово!...

О преосв. Иринеѣ писали многіе; но все писанное о немъ представляетъ собою только простой пересказъ очень краткой біографіи преосвященнаго, составленной митр. Евгеніемъ *Болховитиновымъ* [1]). Большею самостоятельностію, цѣльностію и полнотою отличается „Хроника" объ Иринеѣ Фальковскомъ проф. прот. *Скворцова* [2]).

Матеріаломъ для предлагаемой монографіи послужили *исключительно:* 1) рукописи преосв. Иринея Фальковскаго (въ количествѣ 92 томовъ), 2) печатныя его сочиненія [3]), 3) архивныя „дѣла" кіево-михайловскаго монастыря за 17 лѣтъ (1807—1823 г.), 4) резолюціи преосвященнаго Иринея (за 1813 г.) по дѣламъ смоленской епархіи, 5) его-же резолюціи (за тоже время) по дѣламъ могилевской епархіи, и 6) рукописные „акты кіево-братскаго училищнаго монастыря и академіи, собранные В. Аскоченскимъ (четыре тома).

---

[1]) См. „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви", т. 1, стр. 208—210; изд. 2, 1827 г.

[2]) См. „Кіевск. Еп. Вѣд.", 1881 г, стр. 173—187; 244—263; 305—321.

[3]) До настоящаго времени изъ всѣхъ многочисленныхъ сочиненій преосв. Иринея извѣстны въ печати только слѣдующія:

1) „Сокращеніе церковной хронологіи, называемой наукою о Пасхаліи. Москва. 1797 г.

2) „Christianae orthodoxae dogmatico-polemicae Theologiae... Compendium", въ двухъ томахъ. Москва. 1802 г. 2-е изд. Москва. 1810 г.

3) „Толкованіе на посланіе св. апостола Павла къ римлянамъ". Кіевъ. 1806 г.

4) „Толкованіе на посланіе св. апостола Павла къ галатамъ". Кіевъ. 1807 г.

5) „Кіевскій мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1798 которое есть простое, съ „Историческимъ извѣстіемъ о святѣйшихъ патріархахъ константинопольскихъ, бывшихъ отъ временъ Константина Великаго даже до взятія турками Цареграда въ 1453 году".

6) „Кіевскій мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1799, которое есть простое" (хранится, по указанію Сопикова, въ Императорской публичной Библіотекѣ; въ мѣстныхъ библіотекахъ намъ не удалось разыскать его).

7) „Кіевскій мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1800, которое есть высокосное", съ „Кратикмъ историческимъ извѣстіемъ о кіевской академіи".

8) „Сокращенный прологъ, или краткія жизнеописанія святыхъ". Кіевъ. 1876 г. Изданіе кіево-печерской лавры.

и 9) „Сокращеніе и толкованіе находящихся во 2-й части кормчей книги церковныхъ правилъ о степеняхъ родства". Кіевъ. 1876 г. Изд. прот. Н. Оглоблина. См. также „Руков. для сельск. паст.", 1876 г.

I.

Свѣдѣнія о родословномъ, такъ сказать, древѣ *Фалковскихъ* или *Фальковскихъ* весьма скудны и ограниченны. Извѣстно только, что дѣдъ преосвященнаго Иринея былъ „преубогой нѣкоторой ремесельной человѣкъ“ [1]), жившій въ началѣ XVIII ст. въ городѣ Лебединѣ (харьковской губ.). и влачившій полную лишеній невзрачную жизнь свою. Бѣдственное положеніе семьи Фальковскихъ еще болѣе ухудшилось по смерти главы ея, дѣда пр. Иринея. Оставленной безъ всякихъ средствъ къ жизни вдовѣ пришлось заняться торговлею овощами, чтобы имѣть хотя какую-либо возможность доставить пропитаніе голодной семьѣ. Мало по-малу дѣти начали пристраиваться по разнымъ мѣстамъ и трудами собственныхъ рукъ добывать себѣ насущный кусокъ хлѣба. Какія именно профессіи избрали *всѣ* братья, для насъ это не представляетъ интереса. Мы послѣдуемъ только за однимъ изъ нихъ, *Іоакимомъ,* отцемъ пр. Иринея.

Еще въ ранніе дѣтскіе годы выказывая особенную любовь и охоту къ ученію, онъ впослѣдствіи добился наконецъ того, что приготовился къ причетнической должности, которую „нѣгдѣ чрезъ нѣсколько времени и отправлялъ“ [2]). Познакомившись затѣмъ кое съ кѣмъ изъ студентовъ черниговскаго коллегіума и увлекаемый жаждою знанія, онъ отправился въ Черниговъ и здѣсь принялся за изученіе латинскаго языка. Вскорѣ послѣ этого, „по несчастнымъ нѣкоторымъ обстоятельствамъ“, Іоакимъ Фальковскій вынужденъ былъ оставить Черниговъ, и мы уже встрѣчаемъ его на скамьѣ одного изъ низшихъ классовъ кіевской академіи. Не пригляды были первые годы академической жизни его; пришлось бороться со всевозможными лишеніями и не рѣдко терпѣть всѣ ужасы нищеты. Только сильные характеры въ состояніи выдержать до конца неравную борьбу съ подавляющими непомѣрнымъ гнетомъ своимъ неблагопріятными обстоятельствами и мужественно пролагать себѣ дорогу къ разъ намѣченной цѣли. Къ числу такихъ характеровъ принадлежалъ и Іоакимъ Фальковскій. Лишенія и голодъ были знакомы ему отъ самой колыбели; а потому и теперь они нисколько не помѣшали этому *великовозрастному* ученику быть однимъ изъ

---

[1]) Рукопись проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 5.
[2]) Тамъ-же.

лучшихъ по успѣхамъ. Извѣстный арх. Георгій Конисскій, состоявшій въ то время учителемъ поэзіи, назначилъ его цензоромъ *поэтическаго класса* и по окончаніи годичныхъ испытаній далъ ему въ награду книгу „Hugonis Pia Desideria“. Кромѣ того, въ послѣдніе годы школьной жизни и матеріальныя средства Іоакима Фальковскаго значительно улучшились. Съ переходомъ въ *философскій классъ* ему удалось пристроиться „на самыхъ знатныхъ кондиціяхъ“ (т. е. частныхъ урокахъ въ качествѣ репититора, или домашняго учителя).

Великовозрастенъ былъ Іоакимъ Фальковскій, ему было уже болѣе 30 лѣтъ, а онъ дослушивалъ еще философію. Разъ какъ-то, побуждаемый, вѣроятно, благочестіемъ, заѣхалъ онъ въ золотоношскій женскій монастырь; тутъ приглянулась ему келейница игуменіи, ея дальняя родственница и онъ рѣшился, женившись на ней, оставить академію и принять священническій санъ. Митрополитъ кіевкій далъ ему приходъ въ с. Смоши (полтавской губ., прилукскаго уѣзда); но въ то время приходскія общины Малороссіи пользовались вполнѣ правомъ выбора священника: помѣщикъ и прихожане протестовали противъ этого назначенія, имъ хотѣлось имѣть священникомъ у себя нѣкоего живописца, хотя не обучавшагося въ училищахъ, но оказавшаго имъ какія-то услуги. Пришлось митрополиту уступить не нарушенному еще общему порядку, а Фальковскому искать прихода этимъ естественнымъ путемъ. Въ с. Бѣлоцерковкѣ (пирят. у.) [1]) сладилъ онъ дѣло съ помѣщикомъ Яковомъ Тарновскимъ и прихожанами. Тѣ представили его митрополиту и митрополитъ назначилъ его, *яко учительнаго и честнаго человѣка*, отрѣшивъ его предмѣстника, конечно, также по желанію прихожанъ.

Семнадцать лѣтъ прожилъ о. Іоакимъ въ Бѣлоцерковкѣ, пока, со смертію жены, не принялъ постриженія въ монашество въ кіевобратскомъ училищномъ монастырѣ. 28 мая 1762 года родился у него сынъ, Іоаннъ [2]), извѣстный впослѣдствіи преосв. Ириней.

О первыхъ дѣтскихъ годахъ Іоанна не сохранилось никакихъ почти свѣдѣній. Съ достовѣрностію извѣстно только, что онъ рано

---

[1]) Ibid., стр. 6—8.

[2]) Всѣхъ дѣтей у о. Іоакима было 9,—шесть сыновей и три дочери. Іоаннъ былъ четвертымъ по времени рожденія. Въ живыхъ остались только онъ, братъ Степанъ и сестра Елена.

лишился нѣжныхъ материнскихъ ласкъ. Овдовѣвшій о. Іоакимъ всѣ силы свои, всѣ свои заботы и попеченія, всю послѣдующую жизнь свою посвятилъ на воспитаніе сыновей—Іоанна и Степана. Это оказалось тѣмъ болѣе удобнымъ, что въ іюлѣ 1771 г. шестнадцатилѣтняя дочь Елена вышла замужъ за *окончившаго философскій классъ въ кіевской академіи, Симеона Даміановича Яновскаго,* вскорѣ послѣ рукоположеннаго въ санъ священника. Такимъ образомъ Елена Акимовна не нуждалась уже болѣе въ особенныхъ заботахъ о себѣ отца; она была вполнѣ пристроена и матеріально обезпечена. Тогда-то о. Іоакимъ усадилъ дѣтей своихъ за латинскую грамматику и самъ началъ обучать ихъ вмѣстѣ съ другими священническими дѣтьми [1]) книжной премудрости, съ любовію и отеческимъ вниманіемъ слѣдя за успѣхами сыновей. Іоанну легко давался латинскій языкъ. Къ маю 1773 г. онъ зналъ уже не только этимологію его, но довольно основательно прошелъ и всю латинскую грамматику, извѣстную подъ названіемъ „Піарской“ (изданіе кіево-печерской лавры); онъ самъ говоритъ о силѣ познаній своихъ въ латинскомъ языкѣ, „что упражненія латинскія могъ иногда безъ всякой ошибки сочинять“ [2]).

Находя предварительную подготовку дѣтей болѣе или менѣе удовлетворительною, о. Іоакимъ вознамѣрился дать имъ дальнѣйшее образованіе; для этого онъ оставилъ приходъ, отказался отъ сравнительно сносно обезпеченной жизни сельскаго священника и отправился вмѣстѣ съ сыновьями въ Кіевъ. Чтобы возможно ближе быть къ дѣтямъ и лично слѣдить за ихъ успѣхами, онъ въ томъ-же 1773 году принялъ монашество въ кіево-братскомъ монастырѣ съ нареченіемъ имени Іустина и, будучи уже 52-лѣтнимъ старикомъ, самъ принялся за изученіе богословія и греческаго языка въ публичныхъ классахъ.

Въ тоже время 10-лѣтній Іоаннъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Кіевъ (т. е. въ маѣ 1773 года) поступилъ въ *инфиму* и подъ руководствомъ преподавателя этого *низшаго латинскаго класса, іеромонаха Иринарха Базилевича,* обучался въ ней только до вакаціи. До-

[1]) Въ числѣ этихъ соучениковъ преосв. Иринея находился и бывшій впослѣдствіи профессоромъ московскаго университета *Павелъ Сохацкій.*

[2]) Рукоп. проф. М. Ф. Буланова-Владимірскаго, стр. 9.

машняя подготовка его по латинскому языку оказалась настолько основательною, что академическое начальство нашло вполнѣ возможнымъ и справедливымъ перевести его въ томъ-же году въ слѣдующій *синтаксическій классъ.* Здѣсь Иванъ Фальковскій пробылъ весь 1773—4 учебный годъ и съ значительнымъ успѣхомъ занимался у того-же іеромонаха Иринарха латинскимъ языкомъ, у магистра *Ивана Самойловича* нѣмецкимъ языкомъ и, наконецъ, начаткамъ географіи, которая преподавалась въ то время учителемъ-иностранцемъ на латинскомъ языкѣ. Съ сентября 1774 года Иванъ Фальковскій обучался уже въ *поэтическомъ классѣ* начаткамъ латинской риторики (по *Бургію*), латинской поэзіи (по запискамъ *Самойловича*), россійской поэзіи (по печатному руководству *Андрея Байбакова*) и нѣмецкому языку.

Но не суждено было ему не только продолжать дальнѣйшее свое образованіе въ аудиторіяхъ кіевской академіи, а даже прослушать до конца курсъ поэтическаго класса ея. Счастливо, хотя и непредвидѣнно, сложившіяся обстоятельства, разлучивъ его на нѣсколько лѣтъ съ родиною, въ тоже время доставили ему возможность получить въ чужихъ земляхъ болѣе многостороннее, болѣе основательное и разумное образованіе, чѣмъ какое могла дать находившаяся въ тѣ годы въ сильномъ упадкѣ кіевская академія. Въ 1774 г. о. Іустинъ опредѣленъ былъ іеромонахомъ къ домашней церкви при токайской коммисіи [1]), въ Венгріи.

Токайская коммисія учреждена была при имп. Елисаветѣ въ 1745 г. спеціально для заготовленія и доставки ко двору венгерскаго вина, которое почиталось тогда во всей Европѣ лучшимъ и потреблялось всюду въ огромномъ количествѣ, пока не было вытѣснено шампанскимъ. Венгерское вино привозилось къ нашему двору еще съ 1714 г., по почину Петра Великаго, который потреблялъ оное въ гомерическихъ размѣрахъ одновременно съ карлсбадскимъ *шпруделемъ.* Для закупки онаго командировались особыя лица; ю вино получалось не всегда хорошее, командировки обходились орого, вызывали столкновенія по оплатѣ пошлиною и давали оводъ командируемымъ къ провозу за границу русскихъ и оттуда ностранныхъ товаровъ. Рѣшено было учредить въ Токаѣ поэянную коммисію. Коммисія завела своихъ виноградники и ви-

[1]) Рукоп. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 12—13.

нодѣльни, покупала и готовое вино; однихъ высшихъ сортовъ доставлялось иногда въ годъ до 100,000 бутылокъ. Личный составъ коммисіи былъ не малъ. Предсѣдателемъ оной было лице въ чинѣ генералъ-майора и получало огромное по тогдашнему содержаніе, свыше 2000 р. При немъ былъ помощникъ, секретарь, 15 драгунъ и нѣсколько мастеровыхъ для пріученія къ винодѣлію, кромѣ личной прислуги. Для этой-то колоніи, т. е. для совершенія ей требъ и богослуженія состоялъ при коммисіи іеромонахъ, на нищенскомъ впрочемъ содержаніи. Въ инструкціи, данной кіевскимъ митрополитомъ Гавріиломъ Кременецкимъ Іустину Фальковскому, при отправленіи его въ Венгрію, между прочимъ требовалось совершать 21 ноября церковнослуженія за „счасливо совершившійся ея имп. величества и его имп. высочества въ перехожденіи оспы подвигъ“, наблюдать, чтобы члены колоніи соблюдали посты и никто въ церкви не безчинствовалъ и не шумѣлъ, а равно въ перепискѣ съ кіевскими знакомыми не сообщать „въ государственныхъ дѣлахъ тайности“.

Получивъ назначеніе, о. Іустинъ быстро собрался въ путь и 23 февр. 1775 г. былъ уже съ дѣтьми въ Токаѣ. Недружелюбно приняла нашихъ пересселенцевъ на первыхъ порахъ чужая сторона: „три или четыре мѣсяца спустя по пріѣздѣ нашемъ въ Токай“, писалъ о. Іустинъ къ іеромонахамъ кіево-михайловскаго монастыря въ январѣ 1776 года, „такъ для насъ воздухъ здѣшній показался не здоровымъ, что мы всѣ больны были на горячку да на лихорадку, и иные изъ дѣтей моихъ по шесть и по восемь недѣль въ болѣзни оной, безъ надежды почти живота, страдать принуждены были“. Кромѣ того, „...съ здѣшними жителями, яко съ иновѣрными, ужиться никакъ не могу; а жители города сего по большей части суть папписты, лютеране, кальвинисты, кромѣ немногихъ русняковъ уніатовъ, венгерскаго языка употребляющихъ, да малаго числа грековъ, въ купечествѣ упражняющихся[1]). И въ письмѣ отъ 30 декабря 1776 г. къ іеромонаху Иринею говоритъ: „А каково мы съ здѣшними ужились жителями, болѣе нечѣмъ похвалиться, какъ только, что хуже мы отъ пса и гадины имъ кажемся, особливо папистамъ, которые власть и великое надъ лютеранами и кальвинами и надъ

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 21.

другими народами имѣютъ преимущество. Они съ жидами и цыганами (которыхъ также здѣсь довольное число имѣется) пріятнѣйше обходятся, нежели съ нами" [1]). Къ этому присоединилась еще довольно чувствительная скудость матеріальныхъ средствъ. Жалованья о. Іустину отпускалось всего только „съ верхъ квартиры *по сту двадцати рублевъ* въ годъ", между тѣмъ какъ жизнь въ Токаѣ, въ особенности-же хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, была несравненно дороже кіевской [2]). Нечего послѣ этого удивляться, что о. Іустинъ на все свое жалованье „...въ силу съ дѣтьми пропитаться" могъ, „а одѣяніемъ по большей части кіевскимъ и понынѣ, хотя и гнусно довольствоваться принужденъ" [4]). Наконецъ, какъ-бы къ довершенію всѣхъ бѣдствій, между нимъ и новымъ коммисаромъ прапорщикомъ *Саввою Михайловичемъ Горевымъ* [5]) начали возникать почти постоянныя недоразумѣнія и непріятности; а въ іюнѣ 1777 г. о. Іустинъ похоронилъ младшаго сына, Степана. „Ахъ! жестокая то язва была!", пишетъ по этому поводу Иванъ Акимовичъ: „цвѣтущія его (брата) лѣта не то намъ предсказывали. Среди самой живой надежды, среди чувствительнаго утѣшенія, когда онъ, ходя въ школы, прочихъ всѣхъ превосходилъ; когда крестами, звѣздами и образками за прилежность свою отъ учителей награждаемъ былъ; когда приватныя мои изъясненія скоропостижно понималъ и въ памяти задерживалъ, словомъ, когда найлучше молодые свои лѣта провождалъ, нечаянно насъ и свѣтъ сей оставилъ" [6]).

Сильно загоревалъ престарѣлый о. Іустинъ о ранней кончинѣ много обѣщавшаго въ будущемъ сына. Правда, и раньше о. Іустинъ не отличался особенною общительностію; но по смерти сына онъ становится какимъ-то суровымъ отшельникомъ, проводящимъ жизнь въ четырехъ стѣнахъ казенной квартиры, почти совершенно

---

[1]) Ibid., стр. 32.

[2]) Ibid., указъ отъ 21 янв. 1775 г.

[3]) Ibid., письмо къ іеромонахамъ Иринею и Фавсту отъ неизвѣстнаго числа января 1776 г.

[4]) Ibid., стр. 23, письмо къ совѣтнику вѣнскаго посольства Григорію Ивановичу Полетикѣ, отъ 17 ноября 1776 г.

[5]) Горевъ опредѣленъ коммисаромъ на мѣсто умершаго, къ большому прискорбію всего персонала миссіи, въ декабрѣ 1776 года премъеръ-маіора Антона Рарога.

[6]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 80.

прервавшимъ всякія сношенія съ остальнымъ міромъ. Только впослѣдствіи уже, внявши совѣтамъ добрыхъ знакомыхъ, онъ рѣшился предпринять поѣздку въ Вѣну, чтобы хотя сколько-нибудь разсѣяться, да кстати ужъ за-одно и попытаться опредѣлить оставшагося въ живыхъ сына въ одну изъ высшихъ вѣнскихъ школъ. До этого времени сынъ Иванъ неотлучно находился при отцѣ въ званіи причетника походной успенской церкви съ жалованьемъ по 25 руб. въ годъ и какъ причетническая должность отнимала у него всего лишь нѣсколько часовъ въ недѣлю, то онъ въ тоже время посѣщалъ токайское четырехклассное римско-католическое училище, въ первыхъ двухъ классахъ котораго занимался изученіемъ венгерской и латинской грамматикъ.

28 іюля о. Іустинъ прибылъ съ сыномъ своимъ въ Вѣну; но оказалось, что въ вѣнскій университетъ русскихъ почему-то не принимали. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что на его имя въ Токай присланъ какой-то указъ. Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, кн. Д. М. Голицынъ, узнавъ объ этомъ, поторопилъ о. Іустина для доставки ему копіи съ указа. О. Іустинъ, по пути, опредѣлилъ сына въ пресбургскую гимназію, а самъ поспѣшилъ въ Токай. Оказалось, что въ пакетѣ подъ именемъ указа были частныя письма на имя его знакомыхъ,— обыкновенная въ то время уловка частныхъ лицъ въ пересылкѣ писемъ чрезъ курьеровъ, по государственнымъ дѣламъ отправляемыхъ. Письма о. Іустинъ роздалъ по адресамъ, а посланнику пришлось отправить лишь пустой конвертъ [1]).

Чему и какъ обучали молодаго Фальковскаго въ петербургской гимназіи, точно показываетъ присланное имъ отцу въ письмѣ отъ 8 декабря 1777 г. подробное недѣльное росписаніе: „въ понедѣльникъ утро (учитель) пропоцуетъ (излагаетъ) намъ исторію римскую или лучше политическую универсальную; на обѣдъ завдастъ намъ вокабула (фразы) изъ Целларія три страницы; по обѣдѣ читаетъ новины [2]) съ полчаса; потомъ рецетуемъ вокабула и исторію политическую сказываемъ наизустъ; въ конецъ Imitationis Versionem (упражненіе въ подражаніи), которую намъ въ субботу на недѣлю (воскресенье) диктовалъ, поправляетъ первѣе; потомъ

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 85—86.

[2]) Т. е. *газеты*, за что полагалась особая плата.

диктуетъ оную, какъ надобно было. Въ вторникъ утро пропонуется Sacra lectio (чтеніе св. книгъ), а рацы (сербы) тогда ничего не учатъ; до 9-го часа пропонуется Sacra lectio; отъ 9-го до 10-го часа греческая грамматика изъясняется для тѣхъ, которые греческому языку учатся; а которые не учатся, тѣ изъ пропозиціи, данной отъ учителя, дѣлаютъ Variationes (упражненія латинскія); на обѣдъ опять зазначаются вокабула; по обѣдѣ рецетуемъ (повторяемъ) вокабула, посемъ Geographica lectio пропонуется; наконецъ фразесы на четвертокъ изъ Корнелія зазначаются до 30 и больше. Въ среду рекреціалной день. Онымъ днемъ переписуемъ мы начисто въ особливой секстернѣ имитацію, диктованную по-нѣмецку и латинску. Кромѣ того изъ темы диктованныя намъ Variationes дѣлаемъ. Потомъ Корнелія главу одну на нѣмецкой языкъ переводимъ, и ежели гдѣ на латинскомъ языкѣ переложенныя или разброшенныя слова находятся, въ натуральный порядокъ приводимъ, на что особливыя регулы есть. Въ четвертокъ утро рецетуемъ фразесы; потомъ главу оную переведенную показываемъ учителю; наконецъ въ школѣ Корнелія разбираемъ и на нѣмецкой языкъ переводимъ; и учитель диктуетъ Excerpta seu Notationes quasdam ex Cornelio (выдержки), которыя мы въ особливой секстернъ переписуемъ; на обѣдъ завдаетъ регулы (правила) синтаксическія 10 или 12. По обѣдѣ сказываетъ новины; рецетуемъ регулы; посемъ изъясняетъ оныя далѣ; наконецъ диктуетъ Laborem Extemporalem (устныя упражненія) по-нѣмецку, чтобъ мы какъ найскорѣйше на латинскій языкъ перевели, и поправивши, диктуетъ, какъ надобно было, и мы его на-чисто въ той секстернъ, гдѣ имитаціи, переписуемъ. На пятокъ завдаются Carmina (стихи) de Prosodia. Въ пятокъ утро рецетуемъ Carmina; показуемъ Carmina fracta reducta et Operationes (упражненія) ex Arithmetica, которыя онъ намъ тижднемъ (недѣлею) напередъ на сей пятокъ зазначилъ; потомъ изъясняетъ поэтику и ариѳметику и завдаетъ на другій пятокъ Carmina fracta reducenda et Operationes ex Arithmetica. По обѣдѣ орацію, завданную на сей пятокъ тижднемъ напередъ, сказываемъ (peroramus); потомъ диктуется на слѣдующій пятокъ Oratio ex Sallustio, Livio, Curtio et aliis auctoribus. Посемъ поправляются въ секстернахъ погрѣшности ортографическія; одинъ читаетъ, а другіе всѣ поправляютъ. Въ субботу утро Sacra lectio такъ, какъ и во вторникъ, и диктуется

имитація на недѣлю да фразесы зазначаются съ главою одною изъ Корнелія, которую намъ на нѣмецкой языкъ перевесть должно. По обѣдѣ рекреація“ [1]).

Независимо отъ посѣщенія гимназіи Иванъ Акимовичъ имѣлъ еще и „приватнаго прецептора“, который занимался съ нимъ два раза въ день по латинскому и нѣмецкому языкамъ. Съ 1778 г. онъ началъ слушать еще „въ рекреаціонные дни“ и естественную исторію.

Надобно видѣть, какими неусыпными заботами окружалъ о. Іустинъ своего любимаго единственнаго сына. Живя въ Токаѣ, онъ, можно сказать, духомъ постоянно виталъ то въ убогой горенкѣ „лютеранки“ въ квартирѣ Ивана Акимовича, то въ тѣсныхъ классахъ пресбургской гимназіи. Каждое письмо свое онъ сопровождаетъ самыми подробными совѣтами, касающимися всевозможныхъ случаевъ и отношеній Ивана Акимовича какъ въ школьной, такъ и въ доступной ему общественной жизни. Это, впрочемъ, совершенно понятно. Лишившись младшаго сына и оставшись въ чужихъ краяхъ одинъ-одинешенекъ, о. Іустинъ, естественно, всю свою любовь перенесъ на послѣдняго сына и вправѣ былъ писать ему: „Я ожидаю и хочу, чтобъ ты, судьбою мнѣ въ чужой сей сторонѣ оставленный, язву оную жестокую, которую братъ твой покойникъ мнѣ вѣчнымъ своимъ отъ меня разлученіемъ нанесъ, добропорядочнымъ твоимъ и безпорочнымъ житіемъ, паче-же отмѣннымъ въ ученіи честныхъ наукъ преуспѣваніемъ уврачевалъ и совсѣмъ отъ сердца моего изгладилъ. И далъ-бы Богъ“, продолжаетъ онъ далѣе, „чтобъ я сего отъ тебя дождался, а не противнаго! Ибо ежели противные чаянію своему поступки видитъ въ сынѣ своемъ отецъ; то о таковомъ сказуетъ священное слово, что лучше ему умереть безчадну, нежели имѣти чада нечестива, затѣмъ, что *студъ отцу*

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 105—107. Въ послѣдней части рукописи кіево-софійскаго собора № 379 помѣщены весьма четко и даже изящно переписанныя ученическія упражненія Фальковскаго на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ отъ этого времени. Они представляютъ собою два рода занятій: „Imitatio“ (подражаніе) и „Labor extemparalis“ (изустныя упражненія). Каждое состоитъ изъ нѣмецкаго текста и латинскаго перевода его. Перваго вида трудовъ 44, втораго 23 №№. Съ самаго начала идутъ упражненія, относящіяся къ исторіи Алкивіада (cap. 9—11), затѣмъ Trhasybuli (cap. 1—4), Cononis (cap. 1—5), Pionis (cap. 1—10), Iphicrati (cap. 1—3), Chabriae (cap. 1—4), Timothei (cap. 1—4) и Patamis (cap. 1—7).

не наказанъ (не наученный) *сынъ*" [1]). Исходя изъ таковаго, въ высшей степени здраваго, взгляда на отношенія отца къ сыну въ дѣлѣ воспитанія, о. Іустинъ особенно старается внушить Ивану Акимовичу правила добраго поведенія. „Слыхалъ я", пишетъ онъ къ сыну отъ 16 октября 1777 г., „и съ радостію моею слыхалъ, что тебе и тамъ такъ, какъ въ Токаю учители за прилежаніе твое къ ученію похваляютъ: но хотѣлъ-бы я, любезной! чтобъ еще и за доброправіе и смиренномудренное житіе твое не только учители, но и домашніе, съ которыми ты проживаешь, хвалили и любили. Вслѣдствіе чего должно тебѣ не только въ школахъ, или гдѣ съ соучениками своими обыкновенно сходишься, отъ всякихъ шалостей беречь себе; но и на квартерѣ, какъ предъ хозяйкою съ крайнею учтивостію и почитаніемъ, такъ и предъ другими домашними съ тихостію и съ снисхожденіемъ, уступая всякому, обращеніе свое продолжать" [2]). Самъ испытавшій безчисленное множество бѣдствій и горестей въ своей многотрудной жизни и въ одной только религіи находившій подкрѣпленіе и отраду, изъ нея только одной черпавшій силы въ борьбѣ съ невзгодами, престарѣлый служитель алтаря Божія и въ сынѣ своемъ старается особенно вселить вѣру и любовь къ Богу, совѣтуя ему различныя благочестивыя упражненія: „къ молитвѣ будь усерденъ",—пишетъ онъ отъ 6 сентября 1777 г., „и смотри, чтобъ ни одного въ жизни твоей дня безъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ не пропустилъ еси: но и легая и востая приноси ихъ Господу Богу твоему съ разумомъ, не хватаяся. По недѣлямъ (воскресеньямъ) въ полуставѣ находящееся послѣдованіе вычитывай не лѣностно; а въ Господскіе и Богородичные и другихъ великихъ святыхъ праздники, хотя одни по обыкновенныхъ утреннихъ молитвахъ тропари да кондаки прочитывай; чрезъ что-бъ ты могъ знать, когда и какіе церковь наша православная имѣетъ праздники [3]); и смотри, чтобъ ты зналъ всякаго дня какое число и какого святаго по нашему календарю: а еще и лучше сдѣлаешь

---

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, письмо о. Іустина къ сыну отъ 29 ноября 1777 г.

[2]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 96—97.

[3]) Въ Пресбургѣ не было православной церкви, такъ что Иванъ Акимовичъ и студенты—„рацы" для исповѣди и св. причастія вынуждаемы были ѣздить въ Вѣну.

ежели всякой день по утреннихъ молитвахъ тропарь и кондакъ дневному святому прочитывать будешь. Въ недѣльные и рекреціалные (свободные отъ занятій) дни по городу напрасно не шатайся и съ рацами (сербами) по ихъ квартерахъ, какъ они обыкли, не броди; но всемѣрно молитвамъ святымъ да означаемымъ урокамъ прилежи въ тые дни" [1]). Такіе совѣты свои о. Іустинъ считалъ тѣмъ болѣе умѣстными и необходимыми для сына, что этотъ послѣдній, какъ человѣкъ молодой, живя среди людей другихъ вѣроисповѣданій, могъ, пожалуй, сдѣлаться индиферентистомъ, или—что еще хуже—презрѣннымъ ренегатомъ отечественной религіи. Поэтому о. Іустинъ какъ-бы вскользь наказываетъ ему въ письмѣ отъ 20 сентября 1777 г.: „...о наступающемъ по нашему благочестію высокоторжественномъ Рождества Христова праздникѣ тебѣ напоминая, отческо увѣщеваю, чтобъ ты, будучи между инаго исповѣданія людьми, хотя внутренно возбуждалъ себя къ празднованію и прославленію рождшагося Христа Спасителя нашего, и понеже не имѣешь отправы въ книжкахъ твоихъ свѣтлому сему празднику; то хотя тропарь да кондакъ чрезъ всѣ свята съ вниманіемъ и умиленіемъ прочитовать тщися" [2]). Давая совѣты сыну предъ поѣздкою его въ Вѣну для исповѣди и св. причастія, о. Іустинъ пишетъ: „любезной сынъ! отческо тебя увѣщеваю, чтобъ ты въ поѣздкѣ оной крайне себя благочинно и свято вести старался; ибо я довольно вѣдаю, что въ собраніи молодыхъ да еще *нравовъ развращенныхъ юношъ* [3]), важности дѣла, къ которому готовитись имѣютъ, ни мало не разсуждающихъ, по большой части смѣхи, празднословія, кощунства и другія подобныя богопротивства къ собственному ихъ осужденію происходить будутъ; отъ коихъ ты себя тѣмъ удобнѣе уберечь возможешь, чѣмъ твердѣе и живѣе въ памяти содержать будешь, ради чего путь творишь, и т. д. [4]). Когда-же узналъ, что у сына украденъ „Полуставъ", уже и нѣсколько прямѣе выражаетъ свои опасенія: „когда получилъ о кражѣ такой книги вѣдомость, вдругъ

---

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 92.
[2]) Тамъ-же, стр. 112—113.
[3]) Непремѣнный, хотя и не лестный эпитетъ студентовъ—„рацовъ" пресбургской гимназіи того времени.
[4]) Письмо отъ 25 марта 1778 г. (рукоп. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 136—137).

изъ радостнаго перемѣнился въ смутное и жалостное духа состояніе, представляя себѣ во умѣ, что ежели у тебя книга такая украдена, то какъ-бы и благочестіе отъ тебя унесено и послѣдующее тому будущей жизни наслѣдіе совсѣмъ уворовано... Всегда меня это безпокоить будетъ и жалость сердцу моему поводитеметъ, когда ни подумаю, что человѣкъ въ праздники великіе и недѣльные дни, словословіе хотя малое Господу Богу приносящій, тѣмъ словословіемъ освящается и благодать Божію на себя привлекаетъ; чего ты, лишась книги оной, всегда лишаться принужденъ будешь. Къ большему-же моему оскорбленію и то въ разсужденіе приходитъ, что всякой возрастъ по природѣ къ злу преклоненъ; кольми-жъ паче такой, въ какомъ ты находишься, удобопоползновенъ есть и всякимъ безмѣстіямъ отъ преступленія еще первозданнаго человѣка въ жертву какъ-бы предуготованъ. Чего-жъ отъ такого возраста безъ орудія, освященіе и благодать привлекающаго, надѣятися должно?" [1])

О. Іустинъ, не смотря на свое ничтожное содержаніе [2]) и дороговизну жизни въ Венгріи, нисколько не жалѣлъ денегъ на образованіе сына. „О присылкѣ денегъ прося помысломъ колеблешься", пишетъ онъ ему отъ 22 августа 1778 г., „не досадно-ли мнѣ это будетъ. Я тебя увѣряю, любезной сынъ! что хотя-бы у меня одинъ только и былъ червонецъ, я-бы и того, ничего для себя не оставляя [3]), хотя-бы и жебрать довелось, отправилъ къ тебѣ, чтобъ тебѣ въ чужой сторонѣ нужды какой не претерпѣть, которая болѣе чувствительна была-бы мнѣ, нежели самому тебѣ [4])...

И сынъ оказался вполнѣ достойнымъ всѣхъ этихъ заботъ и жертвъ отца. Онъ настолько успѣлъ за послѣднее время въ изученіи латинскаго языка, что уже въ письмѣ отъ 1 января 1778 г. отправилъ къ отцу поздравительные съ праздникомъ Рождества Христова

---

[1]) Письмо отъ 14 янв. 1778 г. (рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 117—118).

[2]) Первоначально, какъ мы знаемъ, онъ получалъ всего только 120 руб. въ годъ; но къ этому времени, благодаря ходатайству кн. Дм. Мих. Голицына, ему было прибавлено еще 30 руб. къ прежнему годовому окладу жалованья (см. письмо о. Іустина къ сыну отъ 29 ноября 1777 г.,—ibid., стр. 102.

[3]) Ему и дѣйствительно почти ничего не оставалось. Годъ и 24 дня содержанія сына въ Пресбургѣ обошлись о. Іустину въ 168 флориновъ и 51 крейцеръ, т. е. около 92 руб. на наши деньги (см. Ibid., стр. 159).

[4]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 158.

и новымъ годомъ стихи, которые привели о. Іустина въ неописанный восторгъ [1]). Въ письмѣ отъ 1 марта 1778 г. изложены были латинскими-же сафическими стихами „Новины" о происходившихъ въ Европѣ войнахъ [2]). Кромѣ того, въ одной изъ школьныхъ черновыхъ тетрадей Ивана Акимовича сохранился и еще цѣлый рядъ стохотвореній его на латинскомъ языкѣ [3]), ясно свидѣтельствущихъ о довольно близкомъ знакомствѣ автора съ Виргиліемъ и другими латинскими поэтами. Важнѣйшее и лучшее изъ этихъ стихотвореній „Изображеніе четырехъ временъ года". Оно состоитъ изъ шести частей. Въ первой сравниваются четыре части года съ четырьмя частями дня (32 стиха); вторая часть содержитъ въ себѣ описаніе весны (38 стиховъ); третья—описаніе лѣта (34 стиха); четвертая—описаніе осени (20 стиховъ); пятая—описаніе зимы (28 стиховъ) и шестая—„Epylogus".

Въ области русской поэзіи этотъ годъ почти ничѣмъ не выдается. Написано всего 14 стиховъ. Они слабы и сочинены, но и эту первую пробу quasi-поэтическаго пера мы приведемъ для характеристики настроенія ихъ автора.

„*Предъ иконою при молитвахъ утреннихъ положенною сіи написаны стихи:*

Се мы, воставъ отъ сна, мольбы Тебѣ приносимъ,
Воскресшій Господи, и отъ Тебя вси просимъ:
Сподоби въ тишинѣ во дни семъ намъ пребыть,
Чтобъ въ оной и Тебѣ, Творцу всѣхъ, угодить,
И—о, Христе! Твои не дремлющія очи
Пусть насъ содѣлаютъ сыновъ дне, а не ночи.

„*А предъ иконою при вечернихъ молитвахъ положенною сіи:*

Умершему за насъ и снятому съ креста
И силой адовы разверзшему уста,
Вечернія молитвы мы нынѣ возсылая,
Смиренно молимся, да отвратитъ вся злая,
Что въ мірѣ семъ нощномъ могли-бъ намъ помѣшать
И сна покойнаго мечтаньми насъ лишать.

---

[1]) Ibid., стр. 117—письмо о. Іустина къ сыну отъ 14 янв. 1778 г.
[2]) Ibid., стр. 133—134.
[3]) Рукоп. кіево-софійскаго собора, № 621.

„*Подъ другою иконою сіи написаны*[1]):

Простерлъ ели, о Спасе, руки,
Ты и меня избавь отъ муки,
Чтобъ грѣшниковъ принять къ Себѣ,
Да славу воздаю Тебѣ"[2]).

II.

Приближалось время экзаменовъ въ пресбургской гимназіи. По плану о. Іустина дальнѣйшее образованіе сынъ его долженъ былъ получить, начиная съ класса *риторики*, въ пештинской римско-католической гимназіи. Согласно съ этимъ намѣреніемъ отца, Иванъ Акимовичъ, послѣ блистательно выдержанныхъ экзаменовъ, оставилъ Пресбургъ и 4 сентября 1778 г. прибылъ въ Пештъ[3]). Здѣсь онъ сначала было поступилъ въ классъ *поэзіи*, но, по настоянію отца, тотчасъ-же перевелся въ *риторику* и съ прежними усердіемъ и успѣхомъ занимался науками, нисколько не подозрѣвая, что надъ его сиротскою головою давно уже собирается грозная туча, готовая разразиться страшнымъ бѣдствіемъ. Еще въ сентябрѣ 1778 г. о. Іустинъ заболѣлъ лихорадкою, тщательно скрывая отъ Ивана Акимовича свое положеніе. Но къ марту мѣсяцу слѣдующаго года болѣзнь приняла настолько острый характеръ, что онъ рѣшилъ немедленно-же вызвать сына къ своему страдальческому одру[4]). Получивши печальное извѣстіе объ опасномъ положеніи отца, Иванъ Акимовичъ тотчасъ оставилъ гимназію и 8 апрѣля былъ уже у изголовья больнаго. Болѣзнь длилась и послѣ сего еще полгода, а съ 8 октября 1779 г. Иванъ Акимовичъ остался круглымъ сиротою, вдали отъ родины, среди чужихъ для него людей безъ всякихъ средствъ къ жизни. По смерти отца, осталось

---

[1]) Леоническимъ стихомъ; о немъ въ статьѣ проф. Н. И. Петрова: „О слов. наукахъ и литерат. занятіяхъ въ кіев. академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г." (Труды кіев. дух. акад., 1866 г., кн. 7, стр. 321 и дал.).

[2]) Рукоп. кіево-соф. собора № 621, въ самомъ началѣ.

[3]) См. письмо его къ отцу отъ 10 сент. того-же года (рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 160).

[4]) См. письмо къ сыну отъ 26 марта 1779 г. (см. рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 184—185).

всего 342 флорина и 20 крейцеровъ, что по тогдашнему счету на наши деньги составляло, какъ отмѣчено на духовномъ завѣщаніи о. Іустина, 186 руб. 72 $^{8}/_{11}$ коп. [1]). Но изъ этой суммы, по завѣщанію отца, Иванъ Акимовичъ долженъ былъ, по возвращеніи въ Россію, дать сестрѣ своей 4 червонца, въ монастырь кіево-братскій на поминъ души четыре-жъ червонца и наконецъ сиротамъ разнымъ также для поминовенія 10 червонцевъ [2]), да кромѣ того уплатить аптекарю за лѣченіе отца, покрыть всѣ расходы по его погребенію, разсчитать прислугу и пр. До какой степени горемычный сирота чтилъ волю отца, видно изъ того, что онъ не только самъ обязался къ исполненію оной особою подписью на завѣщаніи покойнаго, но упросилъ подписаться тутъ-же, въ качествѣ свидѣтеля, и комиссейскаго сержанта *Варѳоломея Милюкова* [3]).

Сильное впечатлѣніе произвела на Ивана Акимовича смерть отца. „Вывезлъ меня изъ отечества моего, Россіи, родитель мой", пишетъ онъ сербскому архіепископу и митрополиту *Викентію Видоку*, спустя три мѣсяца послѣ этого событія (16 янв. 1780 г.),— „въ самыхъ молодыхъ перваго возраста лѣтахъ въ Венгрію, и проживъ Токаѣ при россійской тамошней коммисіи въ чинѣ капеллана пять лѣтъ, наконецъ увы! лютѣйшими звѣрми—смертными болѣзньми разумѣю—согласующемуся промыслу Божіему, долженъ былъ суровѣйшимъ образомъ растерзанъ быть и отсюда на вѣчность преселиться. Тогда я пораженъ болше, нежели тысячью сердечныхъ болѣзней стрѣлами; не жалостнѣйшимъ крикомъ, но только внутренными частыми воздыханіями удовлетворялъ внезапной своей горести и несчастію. Ежели я, говорю, начну всего себе предавать плачевному воплю; то не счастливѣе со мною поступлено будетъ, какъ съ отрокомъ, который, естли, видя растерзаемую свою мать, закричитъ, зубовъ свирѣпаго волка въ силу избѣжать въ состояніи будетъ" [4]). Это горе его еще болѣе усилено было тѣмъ обсто-

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 621, т. 2, подъ 7-мъ окт. 1779 г.

[2]) Относительно послѣднихъ денегъ Иванъ Акимовичъ въ концѣ записки дѣлаетъ такое замѣчаніе: „вышеписанные 10 червонцы употребить такъ, чтобы двумъ сыротамъ два, напр. въ 3 рубли и болѣе каждой, кожухи готовые купить, двумъ двѣ свитки пошить, двумъ пару сапоговъ, двумъ пару шапокъ и пр., пока разыдутся всѣ червонцы" (рукоп. кіево-соф. собора, № 621, т. 2).

[3]) Ibid.

[4]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 621, т. 2.

ятельствомъ, что „его покойный родитель", какъ жалуется Иванъ Акимовичъ въ письмѣ къ капеллану вѣнской миссіи іеромонаху Іезекіилю,—„не порядочно и не такъ, какъ онъ г. сержанту (Варѳоломею Милюкову) завѣщалъ, погребенъ. Ибо унѣятскій парохъ, пришедъ съ своими прихожанами и взявъ насильно тѣло покойнаго, оное безъ звону съ немалымъ безчестіемъ погребъ; хотя между тѣмъ покойникъ многократно г. сержанту сказывалъ, чтобъ его греческій священникъ съ дозволеніемъ плебановымъ погребъ, которое стараніемъ помянутаго г. сержанта и дано было ему, но не можно было по оному ничего (сдѣлать): вышеписанный уніатскій попъ оное совсѣмъ уничтожилъ" [1]).

Неутѣшное горе и полная нищета не подавили въ безпріютномъ юношѣ-сиротѣ „жажды ученія": ему предложена была „цисарская должность въ Токаѣ" [2]), но онъ отъ нея отказался. Его задушевнымъ желаніемъ было—поскорѣе отправиться „въ городъ ученіемъ цвѣтущій Пештъ", чтобы тамъ „ученія совершить". Чтобы добыть средства для продолженія ученія, онъ рѣшился просить пособія у полномочнаго нашего министра при вѣнскомъ дворѣ, кн. Димитрія Михайловича Голицына, и для этого прибѣгъ къ посредству состоявшихъ при нашей миссіи совѣтника Григорія Ивановича Полетики и капеллана іером. Іезекіиля [3]).

Надежда его не обманула: князь—посолъ назначилъ ему пособіе, и „изъ единаго своего любопытства", какъ извѣщалъ Полетика, освѣдомился о лѣтахъ просителя. Иванъ Акимовичъ отвѣчаетъ: „...лѣтъ имѣю 17; ученія риторическія прохожу; два языка — латинской, нѣмецкой и отчасти третій венгерскій знаю". Обрадованный нежданною милостію, онъ, по обычаю того времени, благодарилъ князя въ стихахъ, доставившихъ ему лишній случай піитическаго упражненія. Впрочемъ пособіе, если принять въ разсчетъ положеніе безпріютнаго юноши въ чужихъ краяхъ, едва-ли стоило стиховъ: изъ суммъ, конечно, посольства ему назначено было по 5 гульденовъ въ мѣсяцъ, съ выдачею денегъ впередъ за 4 мѣсяца. Болѣе важно было то, что посолъ вошелъ съ ходатайствомъ къ

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid. Письмо къ Гр. Ив. Полетикѣ; число не обозначено.
[3]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 621.

гофмаршалу Гр. Н. Орлову о назначеніи сиротѣ Фальковскому постоянной субсидіи отъ двора для продолженія образованія.

25 ноября 1779 г. Иванъ Акимовичъ „выѣхалъ изъ Токая, принявъ впредь за четыре мѣсяца денегъ 20 гульденовъ...; декабря 2-го дня пріѣхалъ въ Пешту". Этотъ именно городъ избралъ онъ для продолженія своего образованія „ради того только, что тамъ удобнѣе пропитаться можно (въ Пресбургѣ квартира со столомъ стоила ему 80 гульденовъ, а въ Пештѣ 50). Впрочемъ, писалъ онъ Полетикѣ, въ „Пресбургъ я ради совершеннаго изученія нѣмецкаго языка и другихъ ученій охотнѣе-бы поѣхалъ" [1]). Въ Пештѣ жилъ нѣкто Георгій Ракославъ, вѣроятно сербъ, пріятель отца Ивана Акимовича. Къ этому времени Ракослава не было уже въ живыхъ, но онъ оставилъ распоряженіе о припятіи въ домъ сироты Фальковскаго, когда онъ пребудетъ въ Пештъ для ученія. Сиротствующихъ связывали взаимные интересы: Фальковскій давалъ уроки дѣтямъ Ракословой, а она сбавила ему плату за содержаніе. Сохранились стихи, написанные признательнымъ Фальковскимъ двумъ его питомцамъ Константину и Петру Ракославовымъ въ видѣ рождественской вирши; стихи леоническіе, писаны силлабомъ.

Немедленно по прибытіи въ Пештъ, Фальковскій ревностно принялся за занятія. Не смотря на то, что въ классѣ *риторики* онъ былъ всего лишь около 5 мѣсяцевъ, теперь, „по удостоенію учителей" его приняли прямо (въ декабрѣ 1779 г.) въ *первый философскій классъ,* гдѣ онъ, какъ писалъ потомъ къ Гр. Ив. Полетикѣ, „знатнѣйшимъ наукамъ обучался: *логикѣ, исторіи* и *математикѣ.* Послѣднюю, прибавлялъ любознательный юноша, которая въ Малой Россіи не преподается, я съ особливымъ вниманіемъ слушалъ и при концѣ ученій публично изъ оной подъ печатными положеніями былъ экзаминованъ" [2]).

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621, письмо къ Гр. Ив. Полетикѣ (число не выставлено).

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621, т. 2. Одновременно съ логикою слушалъ онъ *исторію философіи* и потомъ *метафизику,* сверхъ того *алгебру* и *геометрію теоретическую* и *практическую,* вмѣстѣ съ *тригонометріею, исторію прагматическую венгерскую* и *всеобщую,* и наконецъ *сельскую экономію,* которую преподавалъ профессоръ физики (рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 195).

Но увлекаясь науками, Фальковскій не могъ забыть того, что даннаго ему пособія хватитъ не на долго. Прошли тѣ четыре мѣсяца, на которые оно выдано было впередъ, прошли и другіе три мѣсяца, а пособія новаго не давали. Фальковскій пришелъ въ тревогу, писалъ къ капеллану Іезекіилю, спрашивалъ преемника своего отца Аарона Пекалицкаго, обращался и къ сержанту Милюкову, наконецъ самъ отправился въ Токай и лишь тамъ, къ неописанной своей радости, прочелъ указъ, которымъ назначена ему ежегодная, такъ сказать, стипендія по 60 руб. до окончанія имъ образованія, съ причисленіемъ его къ токайской коммисіи для письменныхъ дѣлъ. Указъ былъ отъ 24 іюня 1780 г., а стипендія назначалась лишь съ 1 сентября.—Отъ этого времени, быть можетъ, самаго тяжелаго въ жизни Фальковскаго, осталось нѣсколько стихотвореній его на русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, на которыя, конечно, нельзя смотрѣть иначе, какъ на школьныя упражненія, показывающія только, что юный ихъ авторъ, не смотря на увлеченіе свѣтскими науками, оставался всегда въ сферѣ религіозныхъ представленій. На это указываютъ самые сюжеты его стихотвореній, или ихъ названія. „Стихи, отходя ко сну и раздѣваясь читанныя, стихи, изъ тропаровъ мертвенныхъ сложенные“ [1]), „О краткости жизни сей и о искупленіи, бываемомъ отъ бѣсовъ, Къ душѣ увѣщевательные стихи, *Ода двенадесяточленная, двенадесятострофная*“ и четыре стихотворенія на отдѣльные стихи псалмовъ. Мы не приводимъ самыхъ стиховъ,—отъ нихъ вѣетъ схоластикою и монотонностію, но они правильны, запечатлѣны единствомъ мысли и обнаруживаютъ напряженный и упорный трудъ, или-же оригинальность внѣшней формы. На нѣмецкомъ языкѣ—всего только одно стихотвореніе (на тему: не должно судить недостатковъ другихъ, а всегда обращать вниманіе на свои собственные); на латинскомъ языкѣ четыре, въ томъ числѣ двѣ эпиграммы, представляющія собою довольно замысловатыя шарады, отгадка которыхъ заключается въ имени и фамиліи ихъ автора. Это по преимуществу школьныя упражненія,—образчики преодолѣванія трудностей латинской рѣчи. Упорный трудъ, столь полезный однако при изученіи наукъ, примѣненъ въ особенности еще въ одномъ, къ этому-же времени относящемся произведеніи Фальковскаго. Это такъ-называемая „роспись праздничнымъ праздникамъ и святымъ

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621, т. I.

угодникамъ Божіимъ въ греко-россійскомъ мѣсяцесловѣ", въ которой имена всѣхъ святыхъ расположены въ алфавитномъ порядкѣ, съ обозначеніемъ времени ихъ жизни и времени празднованія.

Дождавшись постоянной правительственной субсидіи, въ количествѣ 60 руб. въ годъ, Фальковскій могъ смѣлѣе смотрѣть въ глаза неприглядной дотолѣ будущности. Предъ нимъ заманчиво рисовалась теперь въ перспективѣ картина высшаго образованія, къ которому онъ стремился, такъ сказать, всѣмъ существомъ своимъ. Пройдя пѣшкомъ изъ Пешта въ Токай за полученіемъ стипендіи, онъ тѣмъ-же способомъ отправляется теперь изъ Токая въ Офенъ, чтобы выслушать въ тамошнемъ университетѣ, кромѣ другихъ наукъ, курсъ экспериментальной физики, которая не читалась тогда въ Пештѣ. Его не смущаетъ ни трудность пути, ни дороговизна содержанія въ будимской крѣпости, ни недостатокъ средствъ: онъ все готовъ перенести, лишь-бы пріобрѣсть „полезныя, какъ выражался онъ, любезному отечеству моему знанія". Его путешествіе, полное всякихъ приключеній, такъ живо рисуетъ намъ бытъ тогдашняго русскаго студента за границей, — его несокрушимую энергію, неутолимую жажду знанія и твердость въ перенесеніи всякихъ нуждъ и лишеній, непонятную уже стипендіатамъ нынѣшняго времени, что описаніе онаго мы приведемъ цѣликомъ, какъ оно изложено въ письмѣ Фальковскаго къ русскому-же студенту Андрею Павловичу Славинскому, который однако не случайно, какъ Иванъ Акимовичъ, попалъ за границу, но сознательно пришелъ сюда искать высшаго образованія, послѣ того какъ исчерпалъ всю россійскую премудрость въ своихъ родныхъ школахъ. „Вышелъ я изъ Токая во вторникъ (15 сентября) по полудни", пишетъ Фальковскій своему пріятелю въ Пресбургъ [1]),

[1]. Письмо отъ 24 декабря 1780 г. *Славинскій*—родимецъ черниговскій, тамъ и въ школахъ первоначально учился; потомъ съ *риторики* прослушалъ весь курсъ въ кіевской академіи; отсюда перешелъ въ Умань къ оо. базиліанамъ для нѣмецкаго языка и философіи, которую вторично слушалъ, а затѣмъ отправился въ Саксонію, Силезію и наконецъ въ Пресбургъ, гдѣ снова слушалъ философію, нѣмецкій языкъ и кромѣ того исторію, географію и математику. Въ 1782 г. принялъ монашество съ именемъ *Анатолія*, былъ учителемъ кіевской академіи, префектомъ смоленской семинаріи, снова учителемъ той-же академіи, префектомъ и профессоромъ богословія въ ней и послѣ долгаго странствованія по разнымъ монастырямъ въ санѣ архимандрита, скончался на покоѣ въ новгородскомъ юрьевскомъ монастырѣ (Рукоп. кіево-соф. соб., VIII, 4. «Библіографическія извѣстія...» «Акты кіево-бр. учил. мон. и акад.» и рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 161—162, 204).

„и минувъ Зомборъ, началъ изнемогать: мнѣ особливо частыя калюжи (лужи) затрудненіе въ пути дѣлали; и ежели-бъ мужикъ съ своимъ возомъ не подъѣхалъ, мнѣ-бы или бресть по поясъ, или ночевать предъ калюжею оставалось. Онъ не долго со мною разговаривалъ, и взявъ два *дудки*[1]), за двѣ мили, меня до Луца свезъ, гдѣ я и ночевалъ. Въ среду рано я, оттуду вышовъ, продолжалъ путь и въ 2 часа по полудни пришелъ въ корчму, отъ которой до Керестеша двѣ мили было. Здѣсь тоже нашолъ мужика и ему два дудки уплативъ, въ 5 часовъ въ Керестешъ привезенъ былъ. Оттуду ишолъ пѣшки и по маломъ времени опять нашолъ мужика, которой меня въ село, называемое Сигаломъ, за 1 дудокъ свезъ. Здѣсь я ночевалъ. Въ четвертокъ рано, уставъ (вставши), по многихъ заходкахъ, пришолъ въ село Калъ точно въ обѣднее время. Отъ онаго до Арoксаллаша еще двѣ мили было. Я здѣсь радостно и тучно обѣдалъ. И еще не все предложенное мясо поѣлъ, какъ уже подвода, точно какъ-бы для меня наряженная, подъ окошкомъ стояла. Я, вышовъ, весьма удивлялся нечаянному счастію. Подвода сія была коляска съ 6 лошадями, которою господа нѣкоторые въ Пешту ѣхали. Я было почалъ съ фурманомъ еднаться (входить въ соглашеніе); но онъ, повидѣвъ меня и спросивъ, кто я таковъ: бѣдной, говоритъ, студентъ—я тебя даромъ въ Пешту свезу, ежели на заду коляски сидѣть похочешь и вещи тамъ положенныя присматривать будешь. Я думалъ, что онъ шутитъ; но между тѣмъ какъ повидѣлъ, что онъ меня садиться заставляетъ, благодарно сѣлъ. Мы летѣли, а не ѣхали. Я думалъ, что мы тово-жъ еще дня Пешту увидимъ. Уже и казалось, будто верхи пештанскихъ церквей видно: толь крѣпкое воображеніе было. Бѣдной студентъ! Поколь ты будешь такъ благодушествовать? Внезапно, среди утѣхъ, среди отрадъ, всталъ вихорь и шляпу изъ головы силою содралъ. Что дѣлать? Надобно изскочить, ежели шляпы не хочется потерять. Коляска будто-бы вмѣсто 6 лошадей 6 крилъ имѣла. Ужасно быстро бѣжала. Я какъ только выскочилъ и шляпу подхватываю, уже епанчу злый вихрь содралъ; и когда оную подхватилъ, опять шляпу избросилъ и такъ смѣшно со мною боролся, что всѣ-бы предстоящіе думали,

---

[1]) *Дудокъ* или *грошъ*, серб. *грошитъ*, венг. *горошъ*—мелкая серебряная монета, равняющаяся 3 *крейцерамъ*.

что онъ за свое нѣчто своровапное такъ жестоко меня обижаетъ. Вы и сами можете знать, что уже коляски давно не видно было. Проклятая тварь! сказалъ я ему,—теперь ты меня нѣсколько дудковъ лишилъ. Найгорше то было, что я объѣлся и къ путешествію вовся не способенъ сталъ. Всилу приползъ въ корчму, которая недалече оттуду была. Въ ней были мужики съ порожними возами, къ которымъ я тотчасъ пошолъ. Они мое несчастіе сами видѣли и, не ожидая моего вопроса: нѣтъ, сказали, севодни не видать тебѣ той коляски. Однакъ скажи, куда ты такъ быстро летѣлъ?—Я объявилъ. Тогда одинъ изъ нихъ: ежели, говоритъ, хочешь, я тебя ближе Пешта подвезу. Ты севодни еще можешь быть въ томъ селѣ, которое за 4 только мили отъ Пешта отстоитъ; а завтра ты, конечно, въ Пештѣ. За подводу не болѣе какъ два гулдена. Я-бы ему точно далъ оные, будучи въ толикой слабости, ежели-бы онъ однимъ гулденомъ, которой я ему обѣщалъ, не былъ доволенъ. Въ 5 часовъ село тое я увидѣлъ, которое однакъ мужикъ миновалъ, понеже сказывалъ, что оно въ боку, и что онъ меня далѣ еще подвезть хочетъ. Между тѣмъ меня насредъ поля вывезъ: здѣсь, говоритъ, сойди съ воза—и видишь-ли церкви? Этотъ городъ называется Язберинъ, чрезъ которой тебѣ проходить должно, ежели въ Пештѣ быть хочешь. Тутъ я примѣтилъ, что онъ меня обманулъ: ибо я изъ географіи зналъ, какъ далеко отъ сего города до Пешты. Итакъ, проклиная обманчивость мужика, къ вечеру приближился подъ оной и, повстрѣчавъ нѣкотораго старика, спросилъ: Язберинъ-ли этотъ городъ?—Такъ, отвѣтствовалъ онъ. Того ради пошолъ далѣ, какъ внезапно со всѣхъ сторонъ открылось множество болотъ и заливовъ, которые путь пресѣкли. Я, возвратясь къ мужику, спрашивалъ его, какъ этыя воды перейтить? На что онъ мнѣ сказалъ, что понеже оныя не глубоки, перебресть ихъ надобно: другова пути никакова нѣтъ. Я по многихъ думкахъ отважился и, избросивъ сапоги и штаны, болото перебрелъ. Уже темно было, и я не видѣлъ церквей; того ради не зналъ, куда итить. Вѣтеръ ужасно вѣялъ. Я, бродивъ съ два часа, наконецъ хотѣлъ было на полѣ ночевать; но собаки, которыя въ близу лаяли, объявляли, что недалеко городъ. Итакъ, понеже ночь весьма темна была, пришовъ на весьма грязное мѣсто, въ которомъ, какъ началъ погрузать, слышу быстро бѣжащую скотину, на которой нѣкто сидѣлъ и, почувъ мой ходъ, отозвался.

Чего ради я его обо всемъ разспросилъ и, надеждою подкрѣпленъ, наконецъ пришелъ въ городъ болотами наполненный. Я и здѣсь цѣлой часъ корчмы искалъ, пока нѣкоторому человѣку обѣщавъ *голбу* вина, нимъ въ корчму приведенъ былъ. Мнѣ кажется, что уже тогда 11 часовъ было. Я, голодомъ моримъ, требовалъ ѣсть, и дали мнѣ мясо холодное съ капустою, котораго и половины не съѣлъ: ибо оно мнѣ такъ противнымъ показалось, что я все тотчасъ что ѣлъ, выбросалъ. Въ пятокъ (18 сентября) рано отправился я изъ сего города, увѣдомляемъ, что отъ него до Пешта 4 мили, и цѣлой сей день ишолъ пѣшки. Въ вечеру пришелъ въ село Менде, въ которомъ и переночевалъ. Наконецъ въ субботу (19 сентября) по полудни въ два часа пѣшимъ въ любезнѣйшую Пешту пріѣхалъ".

Другая половина этого любопытнаго письма рисуетъ бытъ студента-труженика на мѣстѣ, его поиски за частными уроками й квартирой и неудачи въ томъ и другомъ. Изъ длиннаго, не лишеннаго курьезовъ разсказа Ивана Акимовича, мы передадимъ лишь главное и существенное. Квартира стоила ему 6 гульденовъ въ мѣсяцъ со столомъ, мытьемъ бѣлья и свѣчами; но какъ стипендія его составляла всего 60 руб. въ годъ, то ихъ далеко не хватало на все содержаніе. Надо было искать частныхъ уроковъ; но тутъ новая трудность: или квартира, или уроки были далеко отъ университета, помѣщавшагося въ крѣпости. Какой-то сербъ, Налвановичъ, 11 лѣтъ торговавшій, попросился къ нему латыни учиться. Ради его онъ вышелъ изъ крѣпости, но „великанъ" ученикъ чрезъ полтора мѣсяца возгнушался латынью и повздоривъ съ учителемъ отказался уплатить ему за данные уроки. Иванъ Акимовичъ, по тогдашнему университетскому обычаю, прибѣгъ къ декану и именемъ декана притянулъ обидчика къ суду. Тотъ повинился и слѣдуемое уплатилъ, а Иванъ Акимовичъ „заклялся никакихъ великановъ больше не учить".

Въ такихъ и подобныхъ передрягахъ протекала студенческая жизнь Ивана Акимовича, полная труда и лишеній. Не успѣлъ онъ устроиться на новомъ мѣстѣ ученія, какъ пронесся слухъ о перемѣщеніи университета изъ будимской крѣпости (Офена) въ Пештъ. Это однако мало смутило привыкшаго къ странствованіямъ студента. Шутливымъ тономъ передаетъ онъ свои впечатлѣнія по этому поводу тому-же пріятелю Ставинскому: „сказываютъ, гово-

рить, смѣхотворныи люди, что будто по окончаніи школъ будимскіе жители университетъ изъ крѣпости ажъ до самой Пешты поженутъ и въ шею выженутъ, разгнѣвався на то, что отъ него никакой пользы не имѣютъ, а на мѣсто онаго царскую какую-сь судебную канцелярію пріймутъ. Дураки! Зачѣмъ - же намѣрили было, для лучшей удобности ходить въ школу, отворить съ оной ворота стороны, съ которой мы, знаете, вошшовъ въ узки дверцы, наконецъ толь сильно назадъ бѣжали, что всѣ-бы подумали, что за нами вѣдьма гналась. Я, ежели это правда будетъ, не ожидаясь будимскаго учтивства, лучше самъ себя отсюду выжену".

Для характеристики воззрѣній какъ самаго Ивана Акимовича, такъ и окружавшей его внѣ университета среды, сдѣлаемъ еще слѣдующую выдержку изъ письма его къ тому-же лицу: „нѣкогда, пишетъ онъ, сидя мы за столомъ, слышимъ отъ нашего хозяина, что онъ въ прошедшей ночи весьма испужался, повидѣвъ нѣкоторое привидѣніе. Это, говоритъ онъ, другая уже ночь, какъ я отъ страха съ моею женою и дѣтьми чуть не умеръ. Мы другій уже разъ видимъ тяжелый огненный возъ..., который въ ночи въ полдванадцатаго часа какъ-бы съ крѣпости чрезъ нашу улицу внизъ спущается и спустя четверть часа опять возвращается. Проходя поузъ (мимо, подлѣ) нашъ домъ, весьма кровавымъ и страшнымъ огнемъ оной освѣщаетъ. Я съ ученикомъ до сытости смѣялся сей баснѣ; ибо наши горницы за хозяйскою въ дворѣ стояли, и мы сего видѣнія не примѣтили. Итакъ, слѣдующей ночи оба до двадцатаго часа сидимъ. Въ $^1/_2$ 12 часа слышимъ шумъ будто-бы весьма тяжелаго воза, помалу проходящаго. Того ради, пришовъ къ хозяину, нашли всѣхъ въ великомъ страхѣ. Насъ просилъ хозяинъ, чтобъ мы съ четверть часа подождали, пока возвратится. Мы сіе сдѣлали и къ окошкамъ постановились. И се внезапно съ шумомъ издалека повидѣли кровавой огонь, отъ воза сыплющійся, и такъ убоясь, отступились и отъ страху не смѣли на него глядѣть, хотя онъ и весьма помалу (тихо, медленно) ишовъ. Болѣе трехъ разовъ никто его не видалъ. Нѣкоторые курьезные люди, которые ему присматривались, сказывали, что видѣли на немъ людей безъ головъ. Сіе передъ смертію Терезіиною случилось. И такъ нѣкоторые набожные нѣмецкіе пророки говорили, что это видѣніе смерть императрицы означаетъ".

Начатыя такъ поздно занятія Ивана Акимовича въ университетѣ были прерваны неожиданно въ началѣ слѣдующаго 1781 года. Въ то время, когда самъ онъ, не тяготясь никакимъ трудомъ и ни какими лишеніями, думалъ только о продолженіи своего образованія, не намѣтивъ для него и въ собственныхъ мысляхъ скораго окончанія, неизвѣстные благодѣтели, которыхъ онъ самъ, кажется, не зналъ и не называетъ, но которыхъ всего ближе можно предполагать въ томъ-же капелланѣ Іезекіилѣ и совѣтникѣ посольства Гр. И. Полетикѣ, въ заботливости своей о скитальцѣ-сиротѣ, задумали иначе устроить его судьбу и хотя благое намѣреніе ихъ не исполнилось, по упорству самаго ихъ кліента, и онъ продолжалъ еще и въ этомъ году слушать физику и философію; но это былъ скорѣе годъ странствованія, нежели годъ ученія. 8 января получено имъ письмо изъ Вѣны съ приказаніемъ кн. Дим. Мих. Голицына поспѣшить въ Вѣну. Здѣсь ему, по предварительномъ испытаніи въ знаніи латинскаго и нѣмецкаго языковъ и письмѣ, предложено было мѣсто при канцеляріи посольства съ заманчивою карьерою въ не такъ далекомъ будущемъ. Его богатыя природныя способности, пріобрѣтенныя разностороннія и основательныя познанія, любовь и привычка къ труду и въ добавокъ превосходный, рѣдкій почеркъ могли давать на то ему и его покровителямъ полную надежду. Но столь лестное предложеніе встрѣтило неожиданный отпоръ въ завѣтныхъ стремленіяхъ выдѣлявшагося изъ ряду другихъ юноши. Убѣждали и склоняли его члены посольства и отказъ его называли просто дурачествомъ; самъ князь—посолъ склонялъ его къ принятію предложенія ласковыми словами и милостивыми обѣщаніями. Упорствовавшему философу дано было три дня на размышленіе; тѣмъ временемъ и квартира ему была дана, и экипировка на счетъ князя обѣщана, и столъ съ офиціантами князя предложенъ, и наставленія отъ дворецкаго даны, какъ ему себя съ ними держать и гдѣ за столомъ сидѣть. Всѣ, и самъ князь, предложенное мѣсто считали и называли счастьемъ юноши; — иначе разсуждалъ самъ онъ. Не теплое мѣстечко съ хорошимъ окладомъ, не блестящая карьера въ послѣдствіи были его завѣтною мечтою. „Я, отвѣчалъ онъ, желалъ-бы еще окончить начатыя ученія"; ему доказывали, что никакія ученія въ его новомъ положеніи вовсе не нужны. Припертый, что называется къ стѣнѣ, фанатикъ ученія—

юноша отдѣлывался молчаніемъ. Учительское званіе было дальнѣйшею его мечтою, которой онъ однако не рѣшался еще открыть. Вмѣсто 3-хъ дней около 3-хъ недѣль прошло въ самыхъ тяжелыхъ для Ивана Акимовича хожденіяхъ въ канцелярію посольства и неизбѣжныхъ при томъ объясненіяхъ. Какъ-бы на выручку ему получилось письмо къ нему изъ Токая отъ поручика Горева, который звалъ его за полученіемъ оставшихся тамъ его и отцевскихъ вещей. „Куды какъ не спокоенъ я въ сей дорогѣ былъ!—писалъ онъ потомъ пріятелю Ставинскому. „Непрестанное размышленіе и въ ночныхъ снахъ меня смущало, котораго дѣйствіемъ наконецъ то учинилось, что я пріѣхавъ въ Пештъ 28 января, вдругъ письменно объявилъ, что въ государеву службу вступить желанія вовсе не имѣю; но напротивъ того всегда приготовлялся къ учительскому званію и потому намѣренъ въ отечество мое, Кіевъ, возвратиться“.

Съ дороги-же или изъ Токая въ письмѣ къ Гр. Ив. Полетикѣ онъ выражается еще опредѣленнѣе относительно своихъ намѣреній: „сколь я спокоенъ буду, ежели послышу, что симъ моимъ объявленіемъ (отказомъ отъ предлагаемой должности) великихъ моихъ благодѣтелей не раздражилъ, которые объ томъ старались, дабы меня какимъ-нибудь образомъ отечеству полезнымъ сдѣлать.. Я сіе ихъ намѣреніе совершенно зная и видя, что оно весьма доброе, старался оное исполнить, но въ такомъ состояніи, въ какомъ я отъ юности быть желалъ... Мнѣ ничего, кажется, неизвѣстно, какъ то, что вы учительское состояніе обществу такъ полезнымъ почитаете, какъ и другія; и ежели я въ семъ не обманулся, нижайше прошу ваше выс—діе, дабы вы мнѣ въ оное вступить вспомоществованіе дали“.

Отказавшись наотрѣзъ отъ службы при посольствѣ, Иванъ Акимовичъ сильно безпокоился, чтобы эта его „съ вѣнскими поступка“ не повлекла за собою дурныхъ послѣдствій: „...кажется, писалъ онъ Ставинскому, что 1-е не только цѣлой вѣнскій дворъ, но и половина токайскаго за сію мою поступку на меня разгнѣвается“, „2-е, стараться будутъ доказать, что я по-дурачески сдѣлалъ, т. е. своевольно отъ счастія своего удалился, 3-е, слѣдовательно и жалованья мнѣ опредѣленнаго производить больше не будутъ, и наконецъ 4-е—смѣяться будутъ, зная, что я горестно до оказіи (случая отправленія въ Кіевъ) проживать принужденъ буду“.

21 февраля Иванъ Акимовичъ получилъ отвѣтъ изъ Вѣны, въ которомъ говорилось, чтобы онъ, „въ какое-бы состояніе ни пожелалъ вступить, къ присягѣ приведенъ былъ". По какимъ дѣламъ, или съ какою цѣлію онъ оставался въ Токаѣ, когда уходило дорогое время ученія, остается неизвѣстнымъ. 9 мая онъ снова отозванъ былъ въ Вѣну, гдѣ занимался при канцеляріи до 21 мая. Въ Токаѣ мы видимъ его еще 29 мая, а за тѣмъ принявши присягу [1]), увлекаемый жаждою знанія, онъ снова отправился въ Пештъ доканчивать свое образованіе и поступилъ въ *первый философскій классъ*.

„Сравняя прежнее мое *путешествіе* съ теперешнимъ,—дѣлился онъ съ пріятелемъ своимъ,—о дорогѣ сей можно вообще такъ сказать:

До Кала [2]) грязь вездѣ, и грязь въ пути являлась;
За Каломъ-же пески и суша водворялась.
Предъ Пештой грязь опять заставила бродить,
Чтобъ въ Пештѣ бѣднаго студента посрамить" [3]).

Въ Пештѣ студентъ нашъ „за обученіе дѣтей у г. Даміановича („нѣкоего ученаго купца") столъ имѣлъ, а квартеру—у нѣмца, недалеко отъ него живущаго". И снова всѣ мечты его сводились къ тому, какъ-бы „вѣрную оказію въ Россію" найдти и поскорѣе увидѣть свою дорогую родину. Съ чувствомъ живѣйшаго восторга сообщаетъ онъ Ставинскому: „я вамъ не могу умолчать, въ какой радости я здѣсь (въ Пештѣ) живу, познакомившись съ тѣмъ господиномъ, которой мнѣ обѣщается всякой почти мѣсяцъ оказію въ Кіевъ найтить, т. е. отсюду непосредственно въ Львовъ, при отправкѣ винъ туда, часто случающейся..., а изъ Львова чрезъ своего брата, тамъ живущаго, въ самой Кіевъ: такъ что я будущаго мая, какъ самого Бога дожидаюсь".

По окончаніи годичныхъ испытаній (въ 1781 г.), Иванъ Акимовичъ переведенъ былъ во *второй философскій классъ*, въ кото-

---

1) Присягу принималъ онъ собственно для того, чтобы числиться *номинально* при токайской коммисіи и, такимъ образомъ, имѣть quasi—законное право по прежнему получать 60 руб. годоваго содержанія отъ казны.

2) Городокъ въ Венгріи.

3) Въ томъ-же письмѣ передается, какъ смѣялись надъ нимъ прохожіе при входѣ въ Пештъ, видя его всего въ грязи.

ромъ продолжалъ слушать экономію, геометрію, механику, архитектуру гражданскую, оптику, гидравлику и экспериментальную физику [1]). Наконецъ, послѣ испытаній 1782 г., „чрезъ три года философскаго моего въ Венгріи ученія", говоритъ въ одномъ изъ писемъ своихъ, „*по окончаніи коего съ нѣкоторою знаменитостію* и съ выдержанными тремя годишними публичными экзаменами при печатныхъ подъ именемъ моимъ физическихъ, математическихъ и прочихъ философскихъ положеніяхъ, *получилъ я* изъ королевской пештанской отцовъ піаристовъ гимназіи *довольно изрядный аттестатъ, одобряющій превосходнымъ образомъ какъ ученіе, такъ и поведеніе мое*" [2]).

Остальную часть этого года (съ октября мѣсяца) и начало слѣдующаго Иванъ Акимовичъ провелъ въ качествѣ канцеляриста при токайской коммисіи и домашняго учителя двухъ сыновей коммисара Саввы Михайловича Горева.

Отъ студенческаго періода жизни Ивана Акимовича дошло до насъ очень немногое; но и это немногое свидѣтельствуетъ, что ни скудость матеріальныхъ средствъ, ни частые разъѣзды по вызову вѣнской и токайской канцелярій не могли нанести особеннаго уже ущерба его занятіямъ. Такъ, мы имѣли подъ руками относящіяся къ этому періоду „*Additamentum ad Physicam*" и „*Historia Philosophiae*" (та и другая на латинскомъ языкѣ). „Additamentum" [3]) представляетъ собою записки по физикѣ со словъ профессора [4]); „Historia Philosophiae" [5]) писана къ публичному экзамену 1780 г. и представляетъ изложеніе вкороткѣ исторія философіи у евреевъ, персовъ и проч. У грековъ описываются „секты": италійская, іоническая, киринейская, элейская и др. Послѣ того: о славнѣйшихъ филосо-

---

[1]) Акты кіево-бр. учил. мон. и акад., т. III, № 105.

[2]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 293—294.

[3]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 247.

[4]) Содержаніе «*Additamentum ad Physicam*» слѣдующее: De quantitate ignis in corporibus. 2) De electrophoro. 3) Ad aërem ejusque effecta. 4) Ad globum terraqueum. 5) Ad mundi systema. 6) De solis substantia. 7) Ad reges aequilibrii. 8) De perpetuo mobili. 9) Ad naturam ignis. Мѣстамъ приводятся математическія фигуры и вычисленія.

[5]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 247.

фахъ послѣ разрушенія государства греческаго, объ Аполлоніѣ Тіанскомъ, о „сектѣ“ эклектической, о Сенекѣ, Августинѣ, о схоластикахъ. Въ заключеніе—о Галилеѣ и Исаакѣ Ньютонѣ.

Къ 1781 году должно отнести еще и незаконченную статью Ивана Акимовича: „*Краткое географическое описаніе Венгріи*“ [1]), обличающую очень наблюдательный умъ автора „Описанія“. Содержаніе ея слѣдующее: „§ 1. Раздѣленіе Венгріи и вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній Первой Округи, по описанію Іоанна Томки Саскія. § 2. Вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній Второй Округи, что по ту сторону Дуная. § 3. Вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній Третьей Округи, что по сю сторону Тисы. § 4. Вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній въ Четвертой Округѣ, что по ту сторону Тисы [2]). § 5. О правительствахъ сербскихъ. § 6. О родѣ вельможъ венгерскихъ. § 7. О гербѣ и монетѣ венгерской“. Далѣе слѣдуетъ очень интересное „*Прибавленіе о сербахъ особь*“. Содержаніе „Прибавленія“: „§ 1. О природѣ и состояніи сербовъ. § 2. О состояніи (внѣшнемъ) сербскихъ церквей. § 3. О состояніи сербскихъ священниковъ. § 4. О церковномъ правительствѣ у сербовъ. § 5. О уложеніи или регламентѣ сербскомъ“. „Часть вторая. О Венгріи особь“ представляетъ собою только не большое *введеніе* и *семь строкъ первой главы* [2]).

---

[1]) Пріурочивая время написанія этой статьи къ 1781 г., мы основываемся на слѣдующихъ словахъ ея: «По немъ (послѣ митрополита *Іоанна Георгіевича*) *Викентій Видакъ* на престолъ взошелъ и сидѣлъ на ономъ *до 1780 г.; а по смерти его нынѣ недавно выбранъ* въ архіепископы бывшій темишварскій епископъ *Моисей Путникъ, который теперь церкви сербскія пасти начинаетъ*». И точнѣе: «новосадскій (епископъ), въ Новосадѣ резиденцію имѣющій, прежде сего былъ *Арсеній Радивоевичъ*, который за подозрѣніе содомскаго грѣха въ заточеніе *въ началѣ сего 1781 года* въ монастырь Бездинъ съ жалованьемъ 200 фл. посланъ, къ римскому епископу тайно ушолъ и вѣру измѣнилъ». (См. рукоп. кіево-соф. соб. № 580).

[2]) Первыхъ 4 §§ нѣтъ въ рукописяхъ кіево-софійскаго собора, они находятся только въ рукописи проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго (стр, 294—299).

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 580.—Въ рукописи проф М. Ф. Буданова-Владимірскаго находится замѣтка Ивана Акимовича, что отъ студенческаго періода жизни была еще у него «не малая книга», заключавшая въ себѣ пространныя записки, со словъ профессора, по гражданской архитектурѣ. Но въ настоящее время

Въ началѣ 1783 года сбылась наконецъ самая задушевная мечта Ивана Акимовича. Въ концѣ февраля отправлялся въ Россію сержантъ *Варѳоломей Ѳеодоровичъ Милюковъ* съ транспортомъ сухогроздныхъ винъ для русскаго двора. Иванъ Акимовичъ поспѣшилъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ и въ апрѣлѣ того-же года увидѣлъ, наконецъ, Кіевъ, съ которымъ разстался около 8 лѣтъ тому назадъ.

Г. Булашевъ.

(Продолженіе будетъ).

врядъ-ли гдѣ можно разыскать ее, такъ какъ «бывъ отдана... одному изъ свѣтскихъ... (кіевской) академіи учителей (а именно Никитѣ Соколовскому) для чтенія, у него навсегда и осталась» (см. стр. 282).

Волынская революція первой четверти XIX столѣтія*)

Письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Старожиловой.

Письмо первое.

1818 года іюля   дня изъ Вѣны.

Исполняя порученіе вашего сіятельства, въ проѣздъ мой по волынской губерніи, я нарочно останавливался по нѣскольку дней въ городахъ Бердичевѣ, Житомірѣ, Дубнѣ и Радзивиловѣ, чтобъ, развѣдавъ о бывшей на Волыни въ 1815 и 1816 годахъ революціи, доставить вамъ обстоятельное свѣдѣніе, какимъ образомъ сей моральный переворотъ обратился на пагубу толикаго числа невинныхъ людей, въ томъ числѣ и вашихъ родственниковъ. Вотъ пріобрѣтенныя мною свѣдѣнія:

---

*) Печатаемая рукопись, хранившаяся въ числѣ бумагъ б. секретаря Потемкина, В. С. Попова, была подарена сыномъ его, также Василіемъ, умершему недавно профессору Ставровскому, съ такою надписью по строкамъ рукописи: «Изъ решетиловскаго архива д. т. с. Василія Степановича Попова. На память любезнѣйшему профессору моему Алексѣю Ивановичу Ставровскому отъ любящаго и уважающаго, бывшаго студента университета св. Владиміра, нынѣ гречкосѣя Василія Попова. 10 декабря 1864 г. Решетиловка». Озаглавливаемъ ее словами самаго автора писемъ, имени котораго, къ сожалѣнію, мы доискаться не могли. Псевдонимы, придуманные имъ для себя, а равно и лица, къ которому онъ писалъ, ясно указываютъ на то, что письма предназначались для негласнаго обращенія въ пріятельскомъ кружкѣ и имѣли, быть можетъ, въ свое время извѣстность. Письма писаны подъ впечатлѣніемъ недавно совершавшихся событій и нѣкоторая ихъ страстность портитъ общее отъ нихъ впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе они содержатъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о времени и лицахъ, совершенно для насъ не извѣстныхъ, о томъ, что творилось въ только что возвращенномъ нами достояніи Игоря

Волынская губернія издавна славится враждебными для Россіи происшествіями; въ повѣтахъ ея: овручскомъ—убитъ измѣнически великій князь Игорь, въ кременецкомъ—Лжедимитрій разстрига, съ помощію бояръ польскихъ, началъ бунтъ противу нашего отечества, въ Острогѣ до сихъ поръ есть развалины той церкви, гдѣ онъ обвѣнчанъ съ дочерью Мнишка, въ Новоградъ-волынскомъ и староконстантиновскомъ (уѣздахъ) предъ войною гетмана Хмельницкаго помѣщики здѣшніе, къ утѣсненію православія, отдавали на откупъ жидамъ храмы Божіи греко-россійскаго исповѣданія, въ житомірскомъ, подъ предлогомъ гайдаматчины, переказнили безъ всякаго милосердія болѣе десяти тысячь крестьянъ, въ луцкомъ и владимірскомъ, при послѣднемъ издыханіи Польши, свирѣпствовали надъ россійскими подданными нарочито учрежденныя коммисіи, убивая нашихъ разнощиковъ и купцовъ и предавая смертной казни единовѣрныхъ съ нами священниковъ, наконецъ въ Дубнѣ 1794 года съѣхавшіеся на контракты съ Великой Польши, Литвы и со всей Красно-Россіи дворяне положили намѣреніе, кому, гдѣ и какъ дѣйствовать въ краковской и варшавской

и св. Ольги, какъ безнаказанно давила польская шляхта коренное русское населеніе Волыни, какъ сильно она интриговала противъ представителей русской власти, какъ горячо преслѣдовала свѣжую мечту возстановленія Польши, ловко отводя глаза правительству, и какъ мало это послѣднее понимало свои обязанности относительно возвращеннаго края и возвращенія ему его историческихъ правъ и характера. И въ польскихъ источникахъ относительно этого времени мы находимъ много указаній на то, какъ на пропалую веселилась польская шляхта, похоронивъ свое крулевство и вовсе не чувствуя перемѣны режима.

Печатаемыя письма изображаютъ не революцію въ томъ смыслѣ, какъ мы обыкновенно ее понимаемъ, но постоянное революціонное настроеніе волынскихъ пановъ, закончившееся дѣйствительною революціею 1831 г. Дни ихъ, подъ конецъ Рѣчи Посполитой, становились все мрачнѣе и тяжелѣе: напрягая всѣ силы къ спасенію погибающей ойчизны, они доходили до совершеннаго разоренія, власть и законъ, гарантировавшіе общественное спокойствіе и безопасность, утратили уже тогда всю свою силу, иноземныя войска входили и выходили, а разъяренный народъ готовъ былъ каждую минуту броситься на своихъ притѣснителей. Теперь все стихло и замолкло; подъ охраною рускаго оружія, подъ эгидой русской власти паны продолжали давить беззащитный народъ и предаваться нескончаемымъ вакханаліямъ: у нихъ пиры и веселіе, а въ народѣ стонъ и плачь.—Ред.

революціи и какимъ-бы болѣе измѣнническимъ образомъ истребить въ одно время всѣхъ россіянъ въ Польшѣ находящихся. По актамъ смоленской слѣдственной коммисіи видно, сколько тамъ сидѣло въ тюремныхъ заклепахъ волынянъ клятвопреступниковъ; а изъ дѣлъ по министерству финансовъ, по министерству полиціи и по министерству иностранному удостовѣриться можно, сколько у волынскихъ измѣнниковъ конфисковано имѣній и какимъ образомъ вели себя дворяне во время военное 1798 и 1799-го, также 1806, 1807 — 1809 и 1812 годовъ. И сколько дѣтей своихъ и другихъ молодыхъ людей выслано здѣшними помѣщиками за границу, единственно для поднятія оружія противу русскихъ. Меня увѣряли, что нѣтъ почти ни одной богатой и знатной фамиліи на Волыни, которая-бы не оплакивала или не носила траура о погибшихъ въ сраженіяхъ противу Россіи дѣтяхъ, братьяхъ и родственникахъ; а сколько и теперь считается такихъ, кои, по заключеніи мира, возвратясь къ своимъ, не краснѣя, хвастаются грабежемъ и убійствами въ Москвѣ и другихъ россійскихъ городахъ. Преступленія ихъ покрыты высочайшими манифестами, для того я перестану открывать ихъ.

Теперь обратимъ, ваше сіятельство, вниманіе свое на тѣ намѣренія волынянъ, кои они съ начала присоединенія сей провинціи къ Имперіи имѣли и имѣютъ. По республиканскому духу и природной къ россіянамъ ненависти, они не могли терпѣть ни Кречетникова, ни Тутолмина. Но смоленская ссылка и конфискація имѣній обуздали ихъ до того, что сіи гордецы изъ высокомѣрія пришли до гнусной подлости: боготворили по наружности и Тутолмина и перваго губернатора Шереметьева, не стыдились во всѣхъ орденахъ своихъ отдавать визиты секретарямъ и писарямъ ихъ, кланялись исправникамъ и цѣловали городничихъ, клялись въ вѣчной дружбѣ всякому русскому чиновнику и ползали у ногъ ихъ, видя нужду или свою пользу; но коль скоро, по кончинѣ Екатерины, узрѣли перемѣну въ правленіи, тотчасъ республиканскія страсти пробудились, начали волноваться, заводить интриги и вымышлять клеветы на губернское начальство. На Тутолмина жаловались, что онъ бралъ отъ нихъ взятки и притѣ-

снялъ ихъ; на Шереметьева жаловались, что онъ самоправно изъ помѣщиковъ, кого хотѣлъ, того бралъ подъ стражу и посылалъ въ Смоленскъ, конфискуя имѣнія; на прочихъ губернскихъ чиновниковъ, что позахвачивали себѣ чужую принадлежность, что поразоряли помѣщичьи имѣнія, бывшія въ казенномъ присмотрѣ и поселили на земляхъ старостинскихъ хутора. Всѣ таковыя и тому подобныя жалобы помѣщикъ волынскій, нынѣшній графъ и сенаторъ Иллинскій, отъ имени дворянства, коего онъ былъ тогда губернскимъ маршаломъ, представилъ лично императору Павлу, а въ слѣдъ за тѣмъ Тутолмина позвали въ столицу, Шереметьевъ остался при полку шефомъ, а губернія волынская, получивъ прежнія польскія права, получила съ тѣмъ вмѣстѣ новаго генералъ-губернатора Беклешова и новаго губернатора Миклашевскаго: сего очень хвалятъ потому, что ничего не дѣлалъ и былъ въ должности только одинъ годъ; но Беклешова не запомнятъ во вѣки, по многимъ знакамъ его къ нимъ дружбы, подобно Федору Федоровичу Эртелю и покойному Шишковскому, имъ оказанной, отъ того не смѣли ни роптать, ни жаловаться, особливо когда на мѣсто Миклашевскаго пріѣхалъ губернаторъ Гревсъ, который на вечеринкахъ у себя заставлялъ ихъ слушать, вмѣсто музыки, бой двадцати четырехъ барабановъ. Жалобы на Тутолмина, Шереметьева и чиновниковъ оказались ложными, а Иллинскій въ публикѣ прослылъ ябедникомъ. При Гревсѣ у волынянъ прилипъ языкъ къ гортани. Скорая отставка, а потомъ и смерть избавила его отъ ихъ преслѣдованія. Наступилъ по немъ Глазенапъ, у котораго жена была полька; при ней все потекло по ихъ мыслямъ, или, лучше сказать, ничего не дѣлалось. Полиція спала и только польскіе суды дѣлали, что хотѣли. Между тѣмъ магнаты душили среднихъ помѣщиковъ, а сіи нападали на мѣлкую шляхту: въ Житомірѣ балы и вечеринки, а по деревнямъ отъ мужиковъ плачъ и вопль. Въ это время богатѣйшій изъ владѣльцевъ хорунжій Стецкій, не давши хлѣба своимъ подданнымъ, уморилъ нѣсколько десятковъ съ голоду; за то, будучи вызванъ въ Житоміръ, принужденъ былъ сдѣлаться данникомъ губернаторши и своимъ карманомъ пятнадцать дней съ ряду веселить по вечерамъ

сенаторовъ Иллинскаго и Голохвастова, изъ которыхъ первый во всемъ блескѣ графскаго и сенаторскаго достоинства явился въ то время сюда ревизоромъ волынской губерніи. Все преисправно, все прекрасно, все безподобно нашли, отрапортовали и поѣхали съ Глазенапомъ въ Романовъ къ Иллинскому. Тамъ было большое собраніе дворянъ, между коими отличался дерзостію и запальчивостію зять Иллинскаго, удаленный отъ службы за польскій образъ мыслей, генералъ-маіоръ Гижицкій, извѣстный по исторіи тиранскаго обхожденія съ греко-россійской религіи священниками, коихъ запрягали въ плугъ и мучили разными способами. Какъ скоро разгорячили виномъ головы, тотчасъ, по случаю заграничныхъ дѣлъ, вступили въ мятежническіе разговоры. Старой Голохвастовъ дремалъ, Иллинскій хотя и сенаторъ русскій, но притворялся, что онъ патріотъ, обыватель; одинъ добрый Глазенапъ вступился за честь нашей имперіи, за то посыпались на него со всѣхъ сторонъ насмѣшки и укоризны; а генералъ-маіоръ русской службы Гижицкій, воображая, что онъ воюетъ подъ знаменами Костюшки, за то, чтобъ Глазенапъ не вступался за наше правительство, схватя со стола стаканъ, такъ треснулъ въ лобъ бѣднаго начальника губерніи, что тотъ полетѣлъ со стула и обагрилъ кровію своею весь полъ романовскаго зàмка, украшеннаго, какъ говорятъ, изъ мраморнаго дворца украденными мебелями. Чрезъ сей случай избавился Глазенапъ дальнѣйшаго оклеветанія, ибо спустя нѣсколько недѣль переведенъ въ Оренбургъ, а оттоль на его мѣсто поступилъ Курисъ. Едва узнали волыняне, что новый губернаторъ былъ правителемъ канцеляріи величайшаго изъ героевъ Суворова, котораго за взятіе Праги и Варшавы терпѣть не могли, то и вооружились противу него свойственнымъ имъ оружіемъ,—ябедою, клеветами и жалобами. Долго ни въ чемъ имъ не вѣрили, ибо пустые доносы Иллинскаго на Тутолмина и Шереметьева, были въ Петербургѣ у всѣхъ въ свѣжей памяти; но интриганты коснулись самой тонкой и деликатной струны правительства,—налгали, что Курисъ равнодушно смотритъ на привозъ контрабандовъ, получая отъ таможень и купечества плату, и Куриса въ 1801 году не стало. Дали опять новаго губернатора Ре-

шетова, человѣка слабаго, стараго, но честнаго и одного изъ друзей Державина,—у него слово законъ не выходило изъ языка, а обмана такъ не любилъ, что сердился до безконечности, естьли кто, играя въ бостонъ, не хотѣлъ съ тремя тузами помогать другому. Цѣлой годъ волыняне прославляли его прозорливость, хотя онъ за два шага ничего не видѣлъ, хвалили его мудрость, скрывавшуюся въ журналахъ секретаремъ правленія писанныхъ, и величали рѣдкую расторопность, по дѣйствію которой сжегъ онъ генералъ-губернаторскій домъ, стоившій казнѣ болѣе ста тысячъ рублей; но на другой годъ называли упрямымъ безумцемъ, нелюдимомъ и человѣкомъ не рожденнымъ для Волыни; на третій годъ стали говорить, что жена и сестра ея выписываютъ изъ Радзивилова и покупаютъ въ Бердичевѣ дешевою цѣною товары и посылаютъ оные безпрестанно по коммисіямъ въ Петербургъ и что покровительствуютъ очень жидовъ, на четвертой годъ вооружили противу его военнаго губернатора Эссена и принудили дряхлаго старика вытти изъ службы. Опредѣлили начальникомъ губерніи князя Волконскаго 1805-го года, въ то самое время, какъ изъ австерлицкой компаніи вся армія наша собравшись, остановилась въ двухъ повѣтахъ волынской губерніи и готовилась къ будущимъ компаніямъ. Волконскій трактовалъ волынянъ хуже всѣхъ губернаторовъ, никто не смѣлъ передъ нимъ разинуть рта: маршалы стояли у порога, но, имѣя въ виду собственную пользу отъ поставокъ для арміи, а къ тому зная за собою хрѣхи, что недавно помогали непріятелямъ капиталами и людьми, волыняне молчали и трепетали. Неизвѣстно, какими извѣтами очернили-бы они Волконскаго, если-бы само правительство не удалило его отъ должности, въ которой былъ восемь мѣсяцей. Во второй половинѣ 1806 года показался Комбурлей. Уже волыняне по письмамъ изъ Петербурга отъ Иллинскаго, Ворцеля и другихъ знали, что онъ довѣренная у государя особа, что министры его друзья, что человѣкъ богатый и любитъ жить хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, какъ заиграла роговая инструментальная музыка, какъ запѣли пѣвчіе, какъ уставили столы серебромъ и фарфоромъ, какъ увидѣли, что на перестройку тѣснаго губернаторскаго дому употребилъ своихъ

болѣе двадцати тысячь рублей и не требуетъ изъ казны возврата, что удалилъ самъ собою нѣсколькихъ изъ прежнихъ чиновниковъ и определилъ по выбору своему новыхъ, что по объѣздѣ губерніи созвалъ дворянство и преподалъ способы къ облегченію тяжестей, лежавшихъ по военнымъ обстоятельствамъ на губерніи, что избавилъ ее отъ перевозки пятидесяти тысячь четвертей хлѣба, доставленаго сюда изъ другихъ провинцій, что всякаго принималъ ласково и учтиво, что домъ его днемъ и ночью открытъ были для богатыхъ и бѣдныхъ, требующихъ защиты его и покровительства, что казна безбоязненно ввѣряла ему милліоны суммъ на исправленіе разныхъ порученій, что всѣ представленія его были уважаемы, что многіе получили по онымъ награжденія, что данное кому либо слово сдерживалъ въ точности и что напослѣдокъ хотя и доходили къ нему свѣдѣнія о преступническихъ намѣреніяхъ нѣкоторыхъ волынянъ, принявшихъ у непріятеля за границею службу, но онъ безъ воли вышняго начальства, не рѣшался приступить къ крутымъ мѣрамъ; то въ такой всѣ пришли энтузіазмъ, что не знали, какими знаками изъявить ему свою благодарность и признательность: одни предлагали поставить въ дворянской залѣ мраморный бюстъ Комбурлея, другіе сдѣлать съ приличною надписью золотую чашу, иные выстроить домъ и въ честь ему украсить его имянемъ, а наконецъ всѣ согласились поднести ему золотую съ бриліантами табакерку, на что испросивъ высочайшее соизволеніе, поручили сенатору Ворцелю изготовить оную въ Петербургѣ, давъ знать о томъ во всѣ польскія губерніи, и отъ многихъ ученыхъ людей требуя совѣта, какую положить на табакеркѣ надпись. Присланы были разные изъ Варшавы, изъ Кракова и Вильны, отъ Колонтая, отъ Чацкаго, отъ Потоцкаго и отъ другихъ знаменитыхъ ученостію поляковъ; но выборъ палъ на ту, которую доставилъ славный польскій стихотворецъ Трембецкій. Она заключается въ сихъ латинскихъ словахъ: Grata Volynia Michaëli Komburloe, recto custodi Regiminis, то есть: признательная Волынь Михайлѣ Камбурлею, ревностному блюстителю званія (sic). Изобрали февраль мѣсяцъ для торжественнаго табакерки поднесенія. Въ самомъ дѣлѣ всѣ волыняне и даже дво-

рянство окрестныхъ губерній, окончивъ въ генварѣ контракты въ Кіевѣ, въ началѣ февраля составили многочисленный съѣздъ въ Житомірѣ. Въ назначенный день въ полномъ собраніи губернскаго и повѣтовыхъ маршаловъ составили и подписали актъ, содержащій въ себѣ живѣйшія чувствованія благодарности дворянства къ справедливому и благодѣтельному губерніи начальнику и среди радостныхъ со всѣхъ сторонъ восклицаній, вмѣстѣ съ онымъ, поднесли табакерку Комбурлею. Одинъ только Иллинскій стоялъ задумчивъ и не могъ скрыть скорби грызомаго завистію сердца; но его въ то время не примѣчали, а по прошествіи уже изступленія узнали, что въ самый пріятнѣйшій цвѣтникъ удовольствія можетъ вползти змѣя, пагубный ядъ подъ языкомъ скрывающая. Во все продолженіе веселостей, каждый полякъ казался быть рускому братомъ и на перерывъ спѣшилъ обнимать и цѣловать того изъ чиновниковъ, на кого Комбурлей кидалъ ласковые взоры. Умолкнувшу въ Житомірѣ торжеству благодарности, отозвалось эхо объ немъ въ повѣтахъ и съ тѣхъ самыхъ поръ начались разные толки: одни кричали, что на табакерку собрано десять, пятнадцать и даже двадцать тысячь червонныхъ, а сенаторъ Ворцель половину оставилъ у себя; другіе нападали на маршаловъ, что они для полученія только себѣ отличій, а не для пользы губерніи, затѣяли праздникъ торжественной признательности; были и такіе, кои въ слухъ говорили, на что мы поднесли Комбурлею табакерку, естьли и поставка артиллерійскихъ лошадей по повѣтамъ не отмѣнена и военные реквизиціи продолжаются, и недоимки взыскиваются, и подводы требуются. Вообще-же большая часть средняго состоянія шляхты воображали себѣ, что послѣ столь знатнаго подарка не Комбурлей губерніею, но дворянство Комбурлеемъ управлять будетъ. Дары нечестивыхъ всегда окаянны! Богъ знаетъ, какой-бы имѣло конецъ пустословіе болтуновъ, когда-бы тильзитскій миръ, а съ нимъ вмѣстѣ учрежденіе варшавскаго герцогства не вскружило вѣтренныя головы. Сотнями явно и тайно полетѣли въ Варшаву; имъ воображалось, что Костюшка, Заіончикъ и Домбровскій, остатки богатырей послѣдней революціи, воздвигли на развалинахъ республики Имперію Польскую и потому вѣрили,

что всемощная десница Наполеона, исторгнувшая изъ гроба умершаго поляка, присоединитъ и ихъ въ воскресшему стаду. Странно, а вмѣстѣ и смѣшно было слушать, какъ многіе изъ шляхты, выѣзжая изъ домовъ своихъ въ дальную дорогу, приказывали беременнымъ женамъ, что ежели въ отсутствіи ихъ родится сынъ, чтобы непремѣнно дано было ему имя Наполеонъ. Такъ и случилось, между прочимъ въ имѣніи Графа Иллинскаго. Экономъ по дѣламъ уѣхалъ въ Гданскъ; жена безъ него въ нѣкоторой ничтожной, для обороны отъ татаръ построенной, ветхой тайкурской крѣпостицѣ родила сына, и такъ громко, звучно извѣстила своего мужа о имяни дитяти: na murach taykurskich powstał Napoleon, то есть на стѣнахъ тайкурскихъ возсталъ Наполеонъ. У Иллинскаго все, чрезвычайно дрянное, небольшое мѣстечко Романовка, отъ дѣда его Романа получившее названіе, онъ наименовалъ Новымъ Римомъ, завелъ училище глухо-нѣмыхъ, гдѣ учевики умираютъ съ голоду, построилъ на казенные деньги суконную фабрику, пожравшую всѣ его доходы и самаго его сдѣлавшую банкрутомъ; для пустаго честолюбія удерживаетъ езуитовъ, также нѣмецкой и италіанской театры, въ которыхъ лакеи его и экономы занимаютъ первые мѣста, потому, что дорога къ нему заросла крапивой и бурьяномъ; а что и до сихъ поръ не всѣ еще актеры разбѣжались, тому причиною крайность, что за десять лѣтъ не получили своей принадлежности; роговая музыка и балетницы отдаются въ аренду, а палаты замка романовскаго представляютъ разительную смѣсь наемнаго богатства съ блестящею бѣдностію. Когда какой нибудь мимоѣдущій захочетъ разсмотрѣть рѣдкости романовскаго дома, то всякому совѣтуютъ запастись пищею и мѣдными деньгами; первою для того, что въ цѣломъ замкѣ и мѣстечкѣ не найдете и куска хлѣба, а послѣдними потому, что за переходъ изъ комнаты въ комнату надобно всякой разъ платить по нѣсколько грошей голоднымъ и оборваннымъ проводникамъ, которыхъ скорѣе можно счесть за нищихъ, вышедшихъ изъ богадѣльни просить милостины, нежели за оффиціалистовъ превозносимаго въ варшавскихъ газетахъ Романовскаго замка. Но оставимъ, ваше сіятельство, сего Донъ-Кишота, а об-

ратимся къ Комбурлею. Поднесенная дворянствомъ табакерка и безпрестанныя куренія лести и раболѣпства не встревожили души его до того, чтобъ онъ не видѣлъ настоящаго къ нему расположенія волынянъ; онъ зналъ, что дѣлалось за границею и что происходило въ домахъ здѣшнихъ вельможъ, которые разомъ съ помѣщиками средняго класса, на яву и во снѣ, бредили возстаніемъ республики польской, а жены ихъ и дѣти пѣли хвальныя пѣсни въ честь такъ называемыхъ надвислянскихъ героевъ, подъ штандартами Наполеона подвизавшихся. Зналъ онъ и то, что первѣйшіе изъ патріотовъ варшавскихъ къ здѣшнимъ споборникамъ своимъ писали и просили не жалѣть ни трудовъ, ни денегъ, чтобъ сбыть съ рукъ Комбурлея, важнѣйшую препону къ достиженію той цѣли своихъ намѣреній, которые мятежниками давно уже направлены ко вреду нашего государства. Зналъ всѣ вражескіе козни и, какъ ревностный сынъ очечества и благоразумный политикъ, прекратилъ зло въ началѣ, изходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о конфинскованіи имѣній у тѣхъ, кои безъ вѣдома правительства отлучаются за границу, или, по истеченіи сроковъ въ пашпортахъ, сюда не явятся. Между тѣмъ послѣ Иллинскаго, пріѣхалъ изъ Петербурга на Волынь другой сенаторъ Ворцель, которой, по извѣстному въ столицѣ и здѣсь корыстолюбію, заставившему его не одинъ разъ въ самомъ сенатѣ при откупныхъ торгахъ стоять на одной доскѣ съ жидами, думалъ за табакерку выторговать что нибудь у Комбурлея и для того не довольствуясь взятіемъ почтовыхъ станцій во всей губерніи, пригласилъ маршаловъ, презеса Домбровскаго и нѣкоторыхъ дворянъ къ провіантской поставкѣ и заключилъ въ 1808-мъ году болѣе, нежели на милліонъ рублей, съ губернаторомъ контрактъ. Жадность къ прибытку и безпорядочная организація сей компаніи, вмѣсто барышей, привела и Ворцеля и его товарищей къ убыткамъ, а покупка на ихъ счетъ хлѣба произвела въ нихъ ненависть, вовсе не заслуживаемую Комбурлеемъ. Съ тѣхъ поръ Ворцель, Домбровскій и прочіе контрагенты съ ихъ родственниками и друзьями сдѣлались тайными ему врагами. 1809-го года новый губернскій маршалъ Гостинскій, сынъ отцу неблагодарный, мужъ женѣ невѣрный, со-

сѣдъ сварливый, владѣлецъ для крестьянъ тяжкій, другъ своекорыстный, чиновникъ гордый, несправедливый и человѣкъ въ молодости своей представлявшій образецъ блуднаго сына, а въ преклонномъ вѣкѣ препровождающій жизнь свою въ тяжбахъ и ябедахъ, взялъ также на себя поставку провіанта до 1,000,000 рублей. Губернаторъ Комбурлей, при заключеніи съ нимъ контракта, весьма для казны выгоднаго, чтобъ не упустить изъ рукъ такого контрагента, по неприсылкѣ отъ министерства суммы, далъ ему въ задатокъ собственныхъ шестьдесятъ тысячь рублей; но Гостинскій не умѣлъ пользоватися временемъ, получивъ деньги, поѣхалъ съ ними въ Кіевъ на контракты и расплатился съ старыми кредиторами, а между тѣмъ ассигнаціи упали, хлѣбъ вздорожалъ; коммисары и экономы его обманули и поставка остановилась. Цѣлаго имѣнія его не доставало-бы на удовлетвореніе казенныхъ передачъ, естьли-бы Комбурлей не помогъ представленіями и личнымъ 1810 года у министровъ и въ государственномъ совѣтѣ за него ходатайствованіемъ, посредствомъ коего избавленъ Гостинскій отъ всякаго за неустойку по контракту взысканія. Но сей непризнательный и подлый полякъ, вмѣсто благодарности, клеветалъ въ столицѣ на своего благодѣтеля, а на Волынь писалъ къ помѣщикамъ, что Комбурлей есть первый притѣснитель губерніи, что онъ предъ государемъ императоромъ и предъ правительствомъ вообще выставилъ волынскихъ дворянъ за людей подозрительныхъ и опасныхъ и что отъ его величества данный указъ брать въ тюрьму владѣльцевъ, дѣлающихъ наѣзды, исходатайствовалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы имѣть случай и удобность болѣе притѣснять дворянство. Извѣстное всему свѣту здѣшней націи легковѣріе тотчасъ прильнуло къ словамъ Гостинскаго и, какъ электрическая искра, привело въ судорожное движеніе неспокойныя сердца волынскихъ мятежниковъ, которые безъ всякаго разсужденія, изъ крайней степени преданности и наружной къ Комбурлею любви, начали переходить къ сильнымъ ощущеніямъ противу его злобы и моглибы невинно погубить начальника, когда-бъ Богъ на тотъ разъ не обратилъ всуе начинаній ихъ. Новая французовъ война съ Австріею привлекла въ ту сторону все ихъ вниманіе и естьли-бы

дѣятельность и прозорливость Комбурлея не положила неистовому ихъ изступленію преграду, то большая половина губерніи старой и молодой шляхты кинулась-бы ордою на ратоборство. Конфискація имущества и нарочно-учрежденные коммисіи для розысканія объ отсутствующихъ отняли у многихъ честь побѣды надъ австрійцами подъ Краковымъ; однако-жъ по возвращеніи въ край всякого изъ нихъ оставили мужество, а страхъ потерять имѣніе такъ былъ великъ, что ни совѣсть, ни стыдъ не могли удержать бродягъ отъ ложной присяги, будто никогда не были за границею. Скрежетали отъ злости зубами волынскіе патріоты, что не весь цвѣтъ своего юношества предали въ когти жаждавшаго нашей крови Корсиканца и мысленно обвиняли въ томъ Комбурлея, губернское начальство и мѣстные полиціи, а потому и обратили сугубо жестокую свою вражду то на того, то на другаго изъ русскихъ чиновниковъ; но коварство и на сей разъ не успѣло затмить славу, пріобрѣтенную достоинствами; на противу того примирило Комбурлея съ знатнѣйшими изъ его непріятелей. Особливо въ 1811-мъ году, когда Ворцель и Иллинскій сенаторы, напавъ на Чацкаго, старались предъ государемъ очернить честь сего заслуженнаго въ ученомъ свѣтѣ мужа, то Комбурлей, предсѣдательствуя въ слѣдственной коммисіи, обнаружилъ невинность Чацкаго, и предъ публикою, съ нетерпѣніемъ ожидавшею его приговора, показалъ, что низкія души клеветниковъ никогда не могутъ помрачить славы высокихъ дарованій. Чацкій, друзья его и гимназія были благодарными, но посрамленные доносители сокрыли жало злобы своей въ утробу, ожидая удобнаго времени укусить самаго Комбурлея. Въ 1811 году выбранъ губернаторскимъ маршаломъ помѣщикъ Ганскій, человѣкъ спокойный и не самолюбивый; товарищи его, уѣздные предводители, тоже были люди нестяжательные пустой славы патріотовъ. Враги Комбурлея умолкли и начальники раздоровъ не могли и не смѣли явно покровительствовать партій. Между тѣмъ война съ турками, прибытіе на Волынь съ многочисленною свитою князя Багратіона, вступленіе въ губернію войскъ, приготовленія къ сильной брани съ французами, умноженіе податей и большой рекрутской наборъ заняли мысли

дворянъ. Но звукъ непріятельскаго оружія, приближавшагося къ границамъ Имперіи, громко отдавался въ сердцахъ патріотовъ волынскихъ. Они, бывъ готовы противу насъ дѣйствовать, переводили имѣнія свои въ руки родственниковъ, или закладывали ихъ для полученія денегъ; Комбурлей зналъ о томъ и не молчалъ предъ правительствомъ.

Теперь коснусь 1812, кроваваго и для Россіи славнѣйшаго, а для всѣхъ народовъ достопримѣчательнаго года. Въ какомъ состояніи была тогда волынская губернія и въ какомъ положеніи губернское и мѣстное ея начальство, вы узнаете, милостивая государыня, изъ нижеслѣдующихъ словъ одного, разговаривавшаго со мною въ Житомирѣ, не молодыхъ лѣтъ и довольно знающаго исторію прошедшей войны, русскаго чиновника, который повѣствовалъ мнѣ такъ: „Еще въ генварѣ мѣсяцѣ онаго года, схвачено полиціями нѣсколько шпіоновъ, присланныхъ сюда изъ Варшавы, потомъ обнаружилась непозволенная съ здѣшними переписка, наконецъ и самое нѣкоторыхъ участіе въ преднамѣреваемомъ злоумышленіи. Лишь только армія Багратіона двинулась въ Литву на встрѣчу непріятелю, то изъ волынскихъ мятежниковъ, яко уже опытныхъ измѣнниковъ и клятвопреступниковъ, одни тотчасъ бѣжали подъ знамена враговъ нашихъ, а другіе сперва старались вооружить противу насъ крестьянъ и посредствомъ ксендзовъ мѣлкую шляхту, потомъ чрезъ отдатчиковъ уговаривали рекрутъ бѣжать изъ командъ на прежнее жительство, съ обѣщаніемъ денежнаго награжденія и покровительства, напослѣдокъ чрезъ приставовъ возбуждали погонщиковъ, съ транспортами для армій шедшихъ, чтобъ медлили въ пути или доставляли припасы непріятелямъ. Отъ таковыхъ безбожныхъ убѣжденій платежъ податей совершенно почти пресѣкся, прихожане въ иныхъ мѣстахъ оставляли и церкви православныя и священниковъ своихъ. Рекруты бѣжали сотнями изъ Житоміра и Кіева, а погонщики съ транспортами отдавались въ руки непріятелей. Между тѣмъ сильные и слабые, богатые и малопомѣстные, должностные и безчиновные дворяне и мелкая шляхта, старые и молодые, всѣ гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ смотрѣли на насъ русскихъ,

какъ на рабовъ своихъ; а въ занятыхъ непріятелями повѣтахъ жестокосерднѣйшіе изъ волынянъ поставили эшафотъ и висѣлицы и естьли-бы не австрійцы, то тирански пролита-бъ была кровь русскихъ помѣщиковъ и священниковъ: въ губернскомъ городѣ противъ генералъ-губернаторскаго дому, на большомъ щитѣ, въ вензелевомъ государя имяни и на тріумфальныхъ воротахъ полиція всякое утро должна была смывать обидные для чести и славы русскихъ польскія надписи. На россійскихъ судилищахъ и публичныхъ строеніяхъ сдирали приклеиваемые поносительныя цыдулки, а на площадяхъ собирали подкидываемые пасквили. Въ письмахъ и въ разговорахъ о начальникѣ губерніи и губернскихъ чиновникахъ отзывались самымъ презрительнымъ образомъ, почитая всѣхъ насъ обреченными въ жертву польской лютости. Среди пучины, клокочущей на насъ злобою и мщеніемъ, Комбурлей, а съ нимъ чиновники русскіе, дни и ночи препровождали безъ пищи, безъ сна въ непрестанныхъ трудахъ и въ ежеминутномъ ожиданіи измѣны. По указанію военныхъ начальниковъ четырехъ изъ волынскихъ помѣщиковъ, яко то: Графиню Ропищевскую, Валескаго, Пражмовскаго, Выжгу, да нѣсколько изъ шляхты—не такъ значительныхъ, взято и отправлено во внутренность Россіи, Комбурлей оказывалъ посылаемымъ всевозможныя ласки и благодѣянія: Ропищевскую въ деревняхъ жены своей въ слободской-украинской губерніи велѣлъ угощать, какъ знатную госпожу; она по слабости здоровья прожила тамъ двѣ недѣли, угощаема самымъ лутчимъ образомъ, а потомъ снабдѣна всѣмъ нужнымъ и унапутствованная отправилась на мѣсто своего предназначенія покойна и довольна. Но враги Комбурлея въ послѣдствіи времени, украшая лжесвидѣтельствомъ клевету свою, вымыпляли, что онъ самоправно Ропищевскую и другихъ дворянъ посылалъ въ заточеніе подъ ничтожными предлогами сообщенія ихъ съ заграничными мятежниками, чѣмъ-де обидѣлъ цѣлое дворянское сословіе вѣрныхъ и приверженныхъ яко-бы къ высочайшему трону волынянъ!.. Богу и цѣлому свѣту извѣстны расположенія ихъ къ нашему правительству. Какъ-же могъ начальникъ умолчать объ нихъ? Правда, волыняне давали для арміи водку и воловъ, дѣлали также

и денежныя пожертвованія; но всѣ сіи дары въ совокупности непревосходили двухъ сотъ тысячь рублей ассигнаціями, за то милліоны рублей въ золотѣ и серебрѣ, вмѣстѣ съ душами и сердцами ихъ, высылались тайно за границу и летѣли на помощь къ тѣмъ ихъ братьямъ, которыхъ святотатственныя руки расвапывали для добычи гробы царей и предковъ нашихъ, убивали предъ олтарями священниковъ, влекли невинныхъ дѣвъ и женъ на поруганіе, обнажали отъ украшеній святыя иконы и Божіихъ угодниковъ, превращали въ пепелъ храмы и съ варварскимъ остервененіемъ рубили для забавы своей головы мирныхъ граждань. Не жалѣли на это дать мятежники наши послѣднюю рубашку, послѣдній грошъ и послѣдній кусокъ хлѣба. Они имѣли и съ Вильною и съ Варшавою безпрестанную корреспонденцію, обо всемъ, что у насъ дѣлалось, ежедневно давали знать непріятелямъ. Таково было внутреннее состояніе губерніи, когда съ запада вошелъ въ пять повѣтовъ съ австрійцами, венгерцами и поляками Шварценбергъ, съ сѣвера угрожалъ съ корпусомъ своимъ Домбровскій и саксонцы, а на югѣ, въ сосѣдственной подольской губерніи, свирѣпствовала моровая язва. Въ сіе критическое для нашей губерніи и отечества время кто не отдастъ Комбурлею справедливости за спасеніе здѣшней провинціи? Но онъ спасъ и оставленные близь границы лазареты военные, въ коихъ лежало болѣе семи тысячь больныхъ, спасъ и вагенбурги цѣлой багратіоновой арміи, брошенные по разнымъ повѣтамъ, спасъ и всю казенную принадлежность, раскиданную по губерніи. А когда двѣ арміи, сперва Тормасова, потомъ Чичагова, входили и выходили отселѣ, то кто далъ имъ пищу и продовольствіе, кто транспортировалъ ихъ тяжести, собиралъ для нихъ реквизиціи облегчалъ во всѣхъ трудностяхъ и пособствовалъ къ быстротѣ ихъ направленія, какъ не Комбурлей, дѣйствовавшій и лично, и съ помощью губернскихъ чиновниковъ, при неусыпности мѣстной полиціи, да еще въ такую пору, когда подъ его-же начальствомъ и главнымъ руководствомъ рекрутскіе наборы, одинъ по другомъ, шли съ самымъ поспѣшнѣйшимъ выполненіемъ и собиралось въ губерніи болѣе семи тысячь лошадей. Осталось ли сколько нибудь времени ему,

или градскимъ и земскимъ полиціямъ подумать, что происходитъ по торговлѣ и посмотрѣть за пропускомъ чрезъ границу контрабанды? Но, великій Боже! ябеда и клевета всю свою желчь пролила на то, дабы съ сей стороны замарать честь Комбурлея". При сихъ словахъ у чиновника, со мною разговаривавшаго, показались на глазахъ слезы и бесѣда наша пресѣклась; но я слышалъ отъ другихъ, что какъ у насъ въ Россіи учредилось патріотическое общество дамъ для человѣколюбиваго призрѣнія пострадавшихъ отъ войны, такъ на Волыни и въ другихъ мѣстахъ дамы патріотки завели между собою тайную связь, въ томъ намѣреніи, чтобъ молодыхъ людей убѣждать ко вступленію противу насъ въ непріятельскую службу, давая бѣднымъ изъ нихъ всю аммуницію и на дорогу деньги, а богатыхъ соблазняя приманками любви и роскоши. Неповинующіеся внушеніямъ сихъ прелестныхъ сиренъ были въ крайнемъ презрѣніи у женскаго пола; не смѣли нигдѣ показаться въ собраніяхъ и почитались за трусовъ и измѣнниковъ. Такъ-то любятъ въ польскихъ провинціяхъ русскихъ!...

Не ожидали волыняне, чтобъ взятіе Наполеономъ Москвы сопровождалось столь пагубными для нашихъ враговъ послѣдствіями, и потому не хотѣли вѣрить реляціямъ побѣдоносныхъ армій нашихъ; но когда бѣглецы изъ ихъ собратій, то съ отрубленными носами, то съ отмороженными ушами, безъ ногъ и безъ рукъ, начали появляться въ губернію и возвѣстили о плачевной участи арміи своей подъ командою Понятовскаго, то нѣкоторые изъ здѣшнихъ клятвопреступниковъ съ досады тотчасъ лопнули, другіе перенесли жестокую горячку, а дамы патріотки отъ спазмовъ и конвульсій впали въ неизлѣчимую болѣзнь, отъ ихъ домашнихъ докторовъ французскимъ бредомъ названную. По занятіи русскими героями варшавскаго герцогства, на Волыни изъ деревни въ деревню летали отчаянные ѣздоки; тутъ-то было надо видѣть поляка во всей его формѣ. Сколько въ счастіи гордъ, высокомѣренъ и неприступенъ, столько въ несчастіи низокъ, подлъ и льстивъ. Ни богатство, ни знатной чинъ, ни ленты на плечахъ, ни звѣзды на грудяхъ, не могутъ замѣнить круженья головы и пустоты сердца. Есть ли ему сегодня благопріятствуетъ судьба, онъ встрѣчаеь съ

генералъ губернаторомъ на улицѣ, въ порывахъ надменности своей, не примѣчаетъ его и не кланяется. Чрезъ недѣлю пріѣзжаетъ къ нему въ деревню засѣдатель и требуетъ недоимки: помѣщикъ пяти деревень, въ орденѣ Станислава, кланяется засѣдателю въ поясъ, хватаетъ его за колѣна, обнимаетъ, цалуетъ въ полу, для чево же? чтобъ избавиться отъ платежа штрафныхъ десяти и пятнадцати рублей ассигнаціями. Мы видѣли своими глазами (сказывали мнѣ въ Житомірѣ) коронныхъ кухмистровъ, литовскихъ подчашихъ, королевскихъ шамбеляновъ, трибунальскихъ президентовъ, старостъ и маршалковъ, кои, имѣя дѣло въ главномъ судѣ, не хотѣли отъ спѣси и высокомѣрія удостоить Комбурлея хотя послѣ обѣденнымъ визитомъ, за то у секретаря главнаго суда Рожанскаго въ какой нибудь корчмѣ цѣлое утро хлопотали, какъ-бы не пятьдесятъ, а только двадцать червонцевъ заплатить ему за декретъ. Зачѣмъ далеко ходить за примѣрами? Сенаторъ Иллинскій, сенаторъ Стройновскій и покойный Ворцель, какъ скоро бывало какое нибудь ихъ дѣло поступитъ въ правленіе, главный судъ или палату, то, оставивъ все въ Петербургѣ, бѣгутъ сюда; для чего? чтобы раза по два и по три въ день побывать съ просьбою у секретарей, разцѣловать въ плечи совѣтниковъ, стиснуть за руку одного и другаго столоначальника, угостить пятью или шестью обѣдами судей и, выигравъ несправедливый процессъ, послѣ того въ заблужденіи высокомѣрія своего не удостоить никого изъ прежнихъ даже ласковымъ словомъ, а губернатору и презусамъ насуливъ тысячи пустыхъ обѣщаній и ходатайствъ, убраться поскорѣе въ столицу, чтобъ дѣлать вновь несправедливости. Вотъ характеръ отъ мала до велика всѣхъ здѣшнихъ стыдопродавцевъ.

Мятежники волынскіе не знали расположеній нашего правительства и потому, снявъ съ себя кожу тигрову, надѣли агнчью и съ трепетомъ взирали на мечь правосудія, висѣвшій надъ главою измѣнниковъ. Всемилостивѣйшій манифестъ, въ декабрѣ 1812 г. въ Волыни состоявшійся, оживотворилъ сердца ихъ смертельнымъ ужасомъ пораженные. Но пока въ 1813 году продолжались большіе рекрутскіе наборы, поставка и перевозка за границу провіанта,

переходы многочисленныхъ ратныхъ ополченій и конныхъ ремонтовъ, они молчали; однакожъ всѣ случаи, по военнымъ тогдашнимъ обстоятельствамъ тягостные, тайно между собою относили на счетъ чиновниковъ. Еще никому не было извѣстно, чѣмъ кончится судьба Европы и что послѣдуетъ съ варшавскимъ герцогствомъ. Со времени лейпцигской битвы надежда на Наполеона совершенно оставила мятежниковъ, а смерть князя Понятовскаго уничтожила всѣ ихъ воздушные замки. Должно отдать справедливость усерднымъ чувствованіямъ горести о погибели сего безвременно увядшаго непріятельскаго героя, единоземца ихъ; нетолько друзья, но всѣ мущины и женщины, даже дѣти, по внушенію родителей, плакали при отправленіи погребальныхъ обрядовъ. Перстень съ надписью его имени сдѣлался талисманомъ у поляковъ, а для рускаго новымъ поводомъ къ заключенію: „dopoki swiat stoi swiatem, polak rusinowi nie będzie bratem, то есть: до скончанія вѣка не будетъ полякъ русскому братомъ.

Прошелъ достославный 1813 годъ. Поляки не были увѣрены, чтобъ за многократные вѣроломства свои, за наглости, за свирѣпыя оскорбленія россіянъ, за убійства, пожары и святотатства, произведенныя ими въ нашемъ отечествѣ, вмѣсто карающей могли цѣловать милующую руку. Волынскіе патріоты, или такъ сказать противуборцы наши, потомки ляха, также недоумѣвали, что воспослѣдуетъ съ ними и потому скрыли жала свои въ утробу. Но лишь только упалъ на нихъ лучь высокомонаршихъ милостей и согрѣлъ ехиднъ запазушныхъ, они тотчасъ зашипѣли и расползлись по цѣлой губерніи, Высочайшій указъ, повсемѣстно разосланный ко всѣмъ губернаторамъ, о ежегодномъ доставленіи свѣденій, во что обошлась дворянству каждая земская повинность, отверзъ онымъ шипящимъ на Волыни гадинамъ тѣсныя норы въ сердца самыхъ спокойныхъ дворянъ—стали толковать его въ худую для губернаторовъ сторону, провозвѣстили, что государево повелѣніе было слѣдствіемъ жалобы кіевскаго губернскаго маршала Потоцкаго, лично великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, на губернское начальство отъ него принесенной. Распустили слухи, что каждому помѣщику возвратятся изъ казны всѣ тѣ издержки, кои

на исправленіе повинностей употреблены, лишь-бы только претензіи ихъ были о вымогательствахъ и относились къ губернскому или мѣстному начальству. Такимъ образомъ нечувствительно сѣяли раздоръ въ собраніяхъ дворянства и вдали острили оружіе злобной клеветы. Сіи люди, коихъ двадцать лѣтъ вражда держала прикованными къ своей колесницѣ, радовались, что представилась удобность сдѣлать зло нетерпимымъ отъ нихъ русскимъ чиновникамъ, и потому, бѣгая изъ города въ городъ, кричали вслухъ помѣщикамъ: „теперь то случай показать намъ, какъ обдираетъ насъ русское правительство: не упускайте времени!" Однакожъ благомыслящіе помѣщики гнушались подлыми наущеніями и только одни недоброжелательствующіе Комбурлею: Иллинскій, Ворцель, Стройновскій, Гостинскій, Павша, Букаръ, съ нѣкоторыми маломѣстными владѣльцами, отъ нихъ зависящими, или имъ преданными, подали въ маршаламъ регистры о противу законныхъ издержкахъ такихъ, которые или отдатчики рекрутъ, или поставщики въ казну лошадей, или бывшіе при подводахъ съ провіантомъ приставы, всѣ, но вообще ихъ служители показали въ своихъ отчетахъ. Замѣчательно, что изъ двухъ тысячь или болѣе по цѣлой губерніи объявленій не было и пятидесяти, заключающихъ клевету или доносы; замѣчательно и то, что ни одинъ изъ князей Сангушковъ, Любомирскихъ, Яблоновскихъ, Четвертинскихъ и ни одинъ изъ богатыхъ и знатныхъ помѣщиковъ, каковы: Браницкій, Ржевуцкій, Чацкій, Холоневскій, Ганскій, Олизаръ и Корженевскій съ прочими, не слѣдовали примѣру нашихъ сенаторовъ поляковъ, присвоившихъ себѣ графское достоинство, а не слѣдовали потому, что мерзили и мерзятъ зачинщиками раздоровъ; за то въ счетахъ Иллинскаго, Стройновскаго, Ворцеля или Гостинскаго сыщете даже то написаннымъ, что „дано цирюльнику за обритіе 10 рекрутъ десять копѣекъ, дано солдату 5 копѣекъ, дано фактору за приводъ лошадей къ пріему полтину" и прочее. Коль скоро извѣстно стало начальнику губерніи о показаніи противу законныхъ расходовъ, касающихся частію до рекрутскаго присудствія, а частію до чиновниковъ генералъ-адъютанта графа Комаровскаго, бывшаго у пріема лошадей главнымъ начальникомъ,

то Комбурлей требовалъ назначить строжайшую коммисію къ открытію истины и къ показанію, точно-ли происходили описанныя въ счотахъ злоупотребленія, или же они нарочно владѣльцами, либо ихъ отдатчиками выдуманы. Требовали чрезъ губернскаго предводителя депутата отъ дворянства; но когда оказалось, что повѣтовые маршалы основали выписки о издержкахъ на показаніяхъ помѣщиковъ, а сіи на вѣдомостяхъ управителей своихъ, а управители на счетахъ отдатчиковъ, а отдатчики на собственномъ произволеніи, не имѣя ни письменныхъ доказательствъ, ни свидѣтелей своимъ расходамъ, а когда съ другой стороны, по увѣренію самихъ уѣздныхъ предводителей, открылось, что почти всѣ вообще дворяне подали объявленія свои о расходахъ не съ тѣми мыслями, чтобъ сдѣлаться противу кого доносщиками, не имѣя доказательствъ, но въ одномъ только томъ намѣреніи, чтобъ исполнить требованіе начальства, не растолковавшаго впрочемъ, какими правилами должно было имъ при дачѣ объявленій руководствоваться, то коммисія осталась безъ дѣйствія, а вѣдомость представлена государю императору согласно желанію дворянства. Враги Комбурлея скрежетали зубами на Ганскаго и на повѣтовыхъ маршаловъ, для чего они исхитили изъ челюстей ихъ столь богатую добычу, и съ тѣхъ поръ положили въ сердцѣ своемъ безбожное, безсовѣстное и варварское намѣреніе—погубить, во чтобы ни стало, и начальника губерніи и подчиненныхъ ему русскихъ чиновниковъ. Уже наступилъ 1814-й годъ, славный завоеваніемъ Франціи и уничтоженіемъ Наполеона. Уже отъ сего любимца фортуны, низверженнаго съ престола и въ заточеніе сосланнаго, ни надвисленскіе легіоны, ни варшавскіе и виленскіе гвардіи, ни измѣнники здѣшнихъ провинцій, не могли ожидать корысти грабежами и разбоями пріобрѣтенной, а потому и должны были покориться необходимости, то-есть обратясь къ сильнѣйшему изъ сильныхъ, пасть къ стопамъ Александра Благословеннаго. Восемьсотълѣтніе враги Россіи преклоняютъ колѣна свои и съ благоговѣніемъ повергаются въ ея обьятія. Величественное и вмѣстѣ умилительное зрѣлище! Но послы скиеские говорили Александру Македонскому тако: „между владыкою и рабомъ нѣтъ никакой дружбы; побѣжденные не могутъ

чувствовать пріязни къ побѣдителямъ; народъ порабощенный не считаетъ за грѣхъ бунтовать и во время мира". Дай Боже намъ не испытывать истины таковыхъ словъ и не пережить подобнаго несчастія!

Едва пронесся слухъ, что воскреснетъ царство польское, какъ наши волынскіе мятежники, въ мечтаніяхъ о возстановленіи прежней республики, возжаждали присоединиться къ ней. Имъ уже грезилось, что Днѣпръ и Двина будутъ отъ Россіи польскими границами и хотя никакихъ слѣдовъ не зрѣли ко внезапному общихъ своихъ желаній выполненію, однакожъ не скрывали горячей готовности присвоить себѣ всю Малороссію. Тѣшились, какъ дѣти, забавными мыслями, говоря: „отъ Балтійскаго до Чернаго и Азовскаго морей все будетъ наше", и въ памятозлобіи своемъ хвастались: сей тѣмъ, что получилъ обратно конфискованное у клятвопреступныхъ его родственниковъ имѣніе, тотъ, что всегдашнюю къ россіянамъ ненависть его, по внушенію которой не хотѣлъ никогда и не платилъ иначе въ казну нашу податей, какъ по экзекуціи, новое польское правительство вознаградитъ пожалованіемъ ему какого нибудь староства, иной—что, получивъ начальственную власть въ Кіевѣ и Черниговѣ, будетъ располагать собственностію прежнихъ великихъ князей и царей нашихъ, а другой, что украинскіе вельможи, славящіеся даже въ чужихъ государствахъ своею силою и могуществомъ, тогда въ своей землѣ принуждены будутъ преклоняться предъ гордыми польскими панами. Слыша таковые расказы, смѣялись заносчивости рабовъ Гедимина и слугъ Казимира; не менѣе того для всякаго русскаго обидно подобное сквернословіе, выходящее изъ устъ такихъ людей, кои гордо хвалятся на пирахъ, а отъ одной козацкой плети малодушно бѣгаютъ до лясу,—до стараго замку.

Парижъ отворилъ врата побѣдителямъ, остатки польскихъ войскъ получили повелѣніе итти въ Варшаву, гдѣ нашего генерала, князя Лобанова-Ростовскаго, пасквиліовали различными способами. Дѣйствующіе противу насъ патріоты имѣли съ варшавскими безпрестанную переписку и наконецъ выдумали планъ, ежели волынская и прочія губерніи не могутъ быть присоединены

къ царству польскому, то сдѣлать такъ, чтобы ни одинъ русской чиновникъ на всемъ пространствѣ бывшихъ польскихъ провинцій не остался при своемъ мѣстѣ. Труднѣе всего казалось свергнуть Комбурлея, который по заслугамъ и по долговремянной службѣ долѣе прочихъ губернаторовъ пользовался высочайшею довѣренностію и по личнымъ достоинствамъ, также богатству и знатности, имѣлъ первѣйшихъ вельможъ своими покровителями. Для того положили совокупно и всѣми силами кинуться на Комбурлея. Еще семь лѣтъ прежде того обѣщана волынянамъ къ удаленію его помощь отъ одного изъ могущественнѣйшихъ польскаго князя, занимавшаго въ имперіи нашей первостепенное мѣсто; но тогда не смѣли, а въ 1814-мъ году оживотворенные высочайшими манифестами, предавшими вѣчному забвенію постыдныя дѣла неблагодарнѣйшихъ измѣнниковъ, приступили къ произведенію волынской революціи, которая кончилась тѣмъ, что выписали сюда сенатора Иллинскаго, не по уму и благотвореніямъ, но по интригамъ, по зависти къ Комбурлею и по надутой мишурнымъ графствомъ спѣси извѣстнаго. На контрактахъ въ Кіевѣ дѣйствовали коварствомъ, а на выборахъ въ Житомірѣ отличались обманами и всякими пронырствами. Истощили всѣ усилія, чтобъ партія недовольныхъ имѣла свой перевѣсъ. Не оставили при должностяхъ ни одного изъ тѣхъ прежнихъ маршаловъ, которые въ смутное для губерніи время руководствовались духомъ кротости — въ бесѣдахъ домашнихъ и во время пиршествъ, одобряли такихъ, коихъ личныя претензіи къ начальнику губерніи были извѣстны. Чѣмъ кто смѣлѣе и велерѣчивѣе, тѣмъ болѣе возбуждалъ къ себѣ уваженія. На мѣсто Ганскаго выбрали губернскимъ маршаломъ Гижицкаго, разбившаго стаканомъ лобъ губернатору Глазенапу—первый знакъ революціи. Потомъ Иллинскій, шуринъ его, началъ предъ всѣми жаловаться, что ему отъ земскаго исправника Царенка житія нѣтъ, что не даетъ отдыху за казенную недоимку, что безпрестанно посылаются совѣтники къ осмотру его фабрики и рапортуютъ о неисправности, что не взирая на сенаторское достоинство, поставили экзекуцію въ романовскомъ замкѣ и смѣли не послушать графа въ то время, когда онъ одного изъ своихъ актеровъ, окованнаго

цѣпями, прислалъ въ нижній земскій судъ и велѣлъ судить за то, что соблазнилъ якобы дѣвку (фаворитку мадамъ Кракъ, его любовницы), жаловался и на Комбурлея, за чѣмъ онъ смѣялся, что Аману французу, директору суконной фабрики, пожаловалъ онъ портретъ свой, при письмѣ, начинающемся сими словами „мы Августъ графъ на Романовѣ Иллинскій, князь отсрожскаго княжества“ и прочее, и еще за чѣмъ критиковалъ его, что называетъ себя сенаторомъ четвертой части имперіи, и что въ несчастномъ и долгами казенными и партикулярными обремененномъ имѣніи своемъ учредилъ бумажныя деньги для крестьянъ и графскую регенцію для вѣчнаго неплатежа долговъ своихъ кредиторамъ,—вычислялъ предъ дворянствомъ заслуги свои, что умѣлъ императора Павла увѣрять, будто городъ Житоміръ есть его собственность, а послѣ, подъ предлогомъ пожертвованія имъ въ казну, получилъ за Житоміръ улановское старосто, въ коемъ до двухъ тысячь душъ; однако-же не награжденъ отъ дворянства за тѣ свои издержки, кои будто понесъ, выпрашивая для поляковъ прежнія права ихъ и выпускъ клятвопреступниковъ изъ Сибири. Гижицкій, не имѣя подобныхъ Иллинскому заслугъ, кромѣ полученной въ австерлицкомъ сраженіи раны, съ которою отъ самаго мѣста битвы, не оглядываясь, скакалъ до деревни своей Молочекъ и тамъ остался брошеннымъ и заржавѣлымъ генераломъ, выбранъ атаманомъ дѣйствовавшей противу Комбурлея шайки, въ той надеждѣ, что будучи запальчивъ, опрометчивъ, нахаленъ, драчунъ, завистникъ и со всѣми женскими капризами, могъ болѣе другихъ споспѣшествовать адскимъ замысламъ оной шайки. Маршалами въ повѣтахъ сдѣлались тѣ, кои къ Комбурлею или Хрущеву имѣли свои личные неудовольствія; дѣйствовали притомъ и фамильныя связи, но пуще всѣхъ возставали на губернское начальство тѣ, кои 1812 года были вывезены отсель во внутренность Россіи, или у которыхъ за измѣну состояли въ секвестрѣ имѣнія, а Гостинскій, Валескій, Букаръ, Павша, Домбровскій, Телѣжинскій и прочіе явные враги Комбурлея, въ теченіе выборовъ ничѣмъ болѣе не занимались, какъ поджиганіемъ дворянства, къ жалобамъ на губернское и мѣстное начальство. Иначе быть не могло! особливо въ такой, какъ волынская, польской провинціи, гдѣ во многихъ домахъ, подобно прилипчивой заразѣ, никогда не выводится страсть

къ участію въ конфедераціяхъ, мятежахъ и насильствахъ; а всѣ поимянованные выше родоначальники суть изъ числа тѣхъ опустѣлыхъ фамилій, къ коимъ весьма кстати можно приложить русскую пословицу: „голый разбоя не боится". Князья и лутчіе изъ помѣщиковъ, не знающіе интригъ политическихъ, не ходили на совѣтъ нечестивыхъ, а только старались о томъ, чтобъ подкоморыхъ и судей выбрать изъ дѣтей бывшихъ своихъ коммисаровъ или пленипотентовъ, а подсудковъ, писарей и засѣдателей изъ шляхты, служившей у нихъ камердинерами, конюшими и ключниками, и имѣть ихъ на тотъ конецъ, чтобъ или отнять у кого деревню, или свое имѣніе такъ отдать подъ разборъ кредиторамъ, дабы за рубль пришлось имъ по десяти копѣекъ. Двѣ недѣли продолжались выборы и двѣ недѣли ѣли и пили у генералъ губернатора. Ни одна душа не жаловалась на градскую и земскую полицію и разъѣхались совершенно по наружности довольными губернскимъ начальствомъ. Только Иллинскій и Гижицкій разстались злобными врагами Комбурлея, будучи-жъ главою крамольной партіи тотчасъ по выборахъ поскакали въ Петербургъ, представляя собою лице депутаціи отъ волынской губерніи уполномоченной, принести побѣдоносному государю императору всеподданнѣйшее поздравленіе о благополучномъ возвращеніи его величества въ столицу. Естьли бы Комбурлей исполнилъ въ то время предположеніе свое въ разсужденіи поѣздки въ Петербургъ, позволенной ему комитетомъ министровъ, и удостоясь представленія государю, лично доложилъ бы его величеству о бывшемъ и настоящемъ состояніи ввѣренной ему губерніи, тобъ и самъ безвинно не страдалъ и его подчиненные не имѣли-бы причины оплакивать тѣхъ незаслуженныхъ бѣдствій, которыя вмѣстѣ съ нимъ и ихъ постигли. Симъ разсужденіемъ оканчиваю первое мое къ вамъ письмо, показавъ отдаленные и ближайшіе начала волынской революціи, но въ будущихъ постараюсь донести вамъ подробно, что я слышалъ, видѣлъ и узналъ документально о продолженіи безначальственныхъ сценъ на Волыни, о свирѣпости враговъ Комбурлеевыхъ, о гоненіи русскихъ чиновниковъ и о сенаторѣ Сиверсѣ, съ пространнымъ описаніемъ дѣйствій махіавелизма, употребленнаго при обревизованіи волынской губерніи. (Съ подлиннымъ вѣрно).

(Продолженіе будетъ),

Записки Карла Хоецкаго.

(1768—1776 г.).

Записки польскаго дворянина Карла Хоецкаго о Россіи обнимаютъ время съ 1768 по 1776 годъ; онѣ изданы были въ Варшавѣ въ 1789 году въ частной (wolnej) типографіи въ маленькомъ томикѣ (въ 165 +VIII страницъ), въ восьмую долю листа малаго формата. Изданіе это, составляющее въ настоящее время библіографическую рѣдкость, неизвѣстно донынѣ въ русской исторической литературѣ, да и въ польской, кажется, оно было мало замѣчено; по крайней мѣрѣ въ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи Барской конфедераціи, мы не встрѣчали ссылокъ на это сочиненіе.

Между тѣмъ записки Хоецкаго, обнимающія его воспоминанія о восьмилѣтнемъ пребываніи въ плѣну въ Россіи, заключаютъ многочисленныя данныя, относящіяся къ этнографіи, географіи, къ областному и военному управленію страны во второй половинѣ XVIII столѣтія и не лишены историческаго интереса. Вотъ данныя о біографіи автора записокъ, которыя можно извлечь изъ ихъ текста: Карлъ Хоецкій принадлежалъ къ числу дворянъ краковскаго воеводства; онъ принималъ участіе въ барской конфедераціи, находился въ томъ отрядѣ конфедератскаго войска, который осажденъ былъ русскими войсками въ Краковѣ и, послѣ сдачи этого города, попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими своими соучастниками. Въ качествѣ плѣнника Хоецкій препровожденъ былъ изъ Кракова черезъ воеводства белзское и волынское въ Кіевъ, откуда, послѣ довольно продолжительной остановки, отправился въ дальнѣйшій путь черезъ Глуховъ, Тулу, Муромъ, Нижній-Новгородъ — въ Казань. Здѣсь опять онъ остановился болѣе, чѣмъ на полъ-года и затѣмъ былъ отправленъ въ Сибирь, въ г. Тару. Вскорѣ потомъ Хоецкій, вмѣстѣ съ другими конфедератами, былъ вызванъ въ Омскъ, зачисленъ солдатомъ въ сибирскій отдѣльный корпусъ и сталъ принимать участіе въ военныхъ походахъ этого корпуса. Въ 1771 году часть сибирскаго корпуса

командирована была въ погоню за калмыками, рѣшившимися переселиться въ предѣлы китайской имперіи; преслѣдуя калмыковъ, полкъ, въ который зачисленъ былъ Хоецкій, прошелъ Киргизскія степи, Бухару, Ташкентъ и Хиву до границъ Китая. Затѣмъ Хоецкій принималъ участіе въ походахъ русскихъ войскъ противъ Пугачева, участвовалъ во многихъ стычкахъ и слѣдилъ внимательно за ходомъ и подробностями кампаніи. Наконецъ, онъ участвовалъ въ походѣ противъ ногайскихъ татаръ, и во время этого похода, пользуясь относительною близостью къ польскимъ владѣніямъ, рѣшился бѣжать на родину. Онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе въ то время, когда его полкъ расположился лагеремъ на берегахъ рѣки Калміуса; бѣжавъ въ степь, Хоецкій прошелъ пѣшкомъ весь новороссійскій край, котораго картину и представилъ въ своихъ запискахъ, и, въ исходѣ 1776 года, достигъ Крылова, у котораго тогда начиналась граница Рѣчи Посполитой. О дальнѣйшей судьбѣ Хоецкаго мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но изъ посвященія его книги Яну Потоцкому, крайчію коронному и депутату на сеймѣ (1788 г.), мы видимъ, что Хоецкій нашелъ покровительство и поддержку со стороны этого вельможи; по крайней мѣрѣ, посвящая ему свои записки и прославляя въ панегирическомъ тонѣ его великодушіе, Хоецкій говоритъ: «благодѣянія ты щедро расточаешь землякамъ своимъ, и я, удостоившись получить долю твоихъ панскихъ милостей, желаю заявить публично мою благодарность».

Записки Хоецкаго изданы имъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Воспоминаніе о дѣяніяхъ поляковъ, о ихъ неудачахъ и странствіи, сочиненіе Карла Любичь-Хоецкаго»[1]). Тексту записокъ предпослано витіеватое и напыщенное посвященіе сочиненія Яну Потоцкому, о которомъ мы выше упомянули, а также изображеніе герба Потоцкаго и, сообразно съ вкусомъ того времени, стихи въ честь этого герба. Затѣмъ слѣдуетъ краткое предисловіе, въ которомъ авторъ передаетъ побужденія, заставившія его писать записки, а также общее содержаніе послѣднихъ. Мы приводимъ это предисловіе цѣликомъ, такъ какъ оно характеризуетъ точку зрѣнія и степень развитія автора. Вотъ его текстъ.

«Доволенъ бываетъ морякъ, когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мореплаванія, выдержавъ многочисленныя, метавшія имъ бури, онъ наконецъ достигнетъ желанной гавани. Веселъ бываетъ узникъ, когда, послѣ продолжительнаго заточенія, снимутъ съ него оковы и возвратятъ ему свободу. Также доволенъ и я, испытавшій самыя странныя превратности судьбы, бѣдствія и случайности, когда увидѣлъ предѣлъ своего плѣненія,

[1]) Pamięć dzieł polskich, podróż i niepomyślny sukcess polaków przez urodzonego Karola Lubiec Chojeckiego. W Warszawie. 1789 roku. W drukarni wolnej.

продолжавшагося нѣсколько лѣтъ. Я рѣшился описать всѣ свои похожденія, а также изобразить города и области, которые пришлось мнѣ посѣтить, и разсказать всѣ приключенія, случившіяся не только со мною, но и съ моими товарищами. Такъ какъ я проѣхалъ до самой границы Европы и усланъ былъ въ Азію, болѣе чѣмъ за 500 миль отъ родины, то я рѣшаюсь описать и тѣ невѣдомые народы, которые мнѣ случилось встрѣтить на пути или среди которыхъ я проживалъ нѣкоторое время; я помѣщаю всѣ свѣдѣнія, какія успѣлъ собрать объ ихъ обычаяхъ, бытѣ, нравахъ и религіи. Мнѣ довелось быть на самой границѣ Китая, откуда оставалось въ Пекинъ, столицу этого государства, не болѣе 300 миль; затѣмъ я проходилъ многія татарскія области, лежащія уже за предѣлами Россіи, какъ-то киргизскую страну, Бухару, Хиву и Ташкентъ; я старался и здѣсь наблюдать нравы, бытъ и образъ правленія. Въ теченіи шести лѣтъ я служилъ въ русскомъ войскѣ, въ которое я былъ зачисленъ, находился въ походѣ противъ бунтовщика Пугачева и принималъ участіе въ нѣсколькихъ битвахъ. Притомъ я постараюсь изобразить судьбу моихъ товарищей и соузниковъ, припомнить количество тѣхъ, которые скончались въ плѣну, указать число бѣжавшихъ въ Китай, къ киргизамъ и въ другія татарскія земли, вспомнить тѣхъ, которые были убиты или ранены въ кампаніи противъ Пугачева и тѣхъ, которые остались навсегда въ военной службѣ въ Россіи, а также тѣхъ, которые присоединились къ православной церкви. Я полагаю, что слѣдуетъ обнародовать описаніе всѣхъ этихъ бѣдствій нашего народа для свѣдѣнія современникамъ и для памяти потомству».

Характеръ изложенія записокъ Хоецкаго весьма простой и безхитростный: Хоецкій передаетъ свои личныя впечатлѣнія по мѣрѣ того, какъ онѣ уцѣлѣли въ его памяти; онъ разсказываетъ все случившееся съ нимъ совершенно спокойно и объективно, не увлекаясь ни раздраженіемъ, ни страстью, сужденія его о случавшихся съ нимъ событіяхъ безпристрастны и никогда не носятъ отпечатка личнаго чувства или озлобленія.

Хоецкій человѣкъ получившій, повидимому, весьма скромное образованіе и не отличавшійся большимъ развитіемъ, но за то онъ обладалъ большою долею наблюдательности и любознательности и не смотря на весьма неудобную для наблюденій обстановку, онъ, даже въ проѣздѣ на пути, успѣваетъ подмѣтить болѣе характеристическія черты быта странъ и народовъ, съ которыми судьба его привела въ столкновеніе. Конечно, наблюденія эти поверхностны; но врядъ-ли можно требовать болѣе подробнаго описанія отъ лица, находившагося въ той обстановкѣ, въ которую поставленъ былъ судьбою Хоецкій во время своего путешествія.

По временамъ въ запискахъ Хоецкаго встрѣчаются географическія ошибки и неточности,—обстоятельство это зависитъ отъ того, что авторъ не имѣлъ возможности дѣлать письменныхъ замѣтокъ и разсказалъ свои воспоминанія по памяти, послѣ возврата на родину; не удивительно потому, что мы встрѣчаемъ ошибки относительно разстояній между видѣнными имъ мѣстностями, относительно послѣдовательнаго географическаго ихъ порядка и т. п. Кромѣ чисто личныхъ воспоминаній Хоецкій сообщаетъ еще и тѣ свѣдѣнія, которыя онъ успѣлъ получить отъ другихъ лицъ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи онъ ограничивается только свѣдѣніями или о болѣе важныхъ событіяхъ, случившихся въ Россіи во время его пребыванія, какъ-то: о чумѣ, о пугачевскомъ бунтѣ и т. п., или извѣстіями о своихъ соотечественникахъ, разсѣянныхъ въ различнымъ мѣстностяхъ восточной Россіи и Сибири, которыя онъ собиралъ особенно тщательно и аккуратно.

Все сочиненіе Хоецкаго раздѣлено на 10 главъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ отдѣльное заглавіе. Хотя только въ главахъ 1, 2, 3 и 10 авторъ разсказываетъ, какъ онъ, отправляясь въ ссылку и потомъ убѣгая изъ нея, прослѣдовалъ черезъ южную Русь: Волынь, Кіевъ, черниговскую область и новороссійскій край, но мы считаемъ не безполезнымъ предложить вниманію читателей «Кіевской Старины» всѣ главы сочиненія Хоецкаго, такъ какъ онѣ содержатъ историческія, географическія и этнографическія данныя не безъинтересныя для обрисовки нѣкоторыхъ сторонъ быта и внутренняго состоянія восточной Россіи и Сибири.

В. А.

ГЛАВА I.

Объ отправкѣ въ плѣнъ польскихъ конфедератовъ изъ Кракова въ Россію.

Въ 1768 году вслѣдствіе различныхъ интригъ возникло смятеніе въ нашей Рѣчи Посполитой, результатомъ котораго, какъ мы впослѣдствіи убѣдились, испытавъ тяжелыя неудачи, было неизбѣжное и достойное вѣчнаго сожалѣнія бѣдствіе нашей страны. Въ это время воеводства краковское и сандомирское, а также земля саноцкая (составлявшая часть воеводства червонорусскаго) составили конфедераціи, по примѣру и образцу барской, направленныя противъ войскъ россійскихъ. Слабыя наши силы, состоявшія притомъ изъ людей совершенно не знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, поднявшіяся для борьбы съ могущественнымъ войскомъ,

искали опоры и защиты въ стѣнахъ города Кракова; но вслѣдствіе этого и самъ городъ испыталъ горькую участь, такъ какъ значительная часть его вмѣстѣ со всѣми предмѣстьями сдѣлалась жертвою пламени, и наше конфедератское войско подверглось не меньшимъ бѣдствіямъ, ибо судьба, благопріятствовавшая россійскому войску, обезпечила его успѣхъ, низвергнувъ многихъ изъ насъ преждевременно въ могилу, другихъ же бросивъ въ продолжительную неволю. Мы выдержали осаду города и приступы къ нему въ теченіи десяти недѣль и, наконецъ, вслѣдствіе дурного устройства нашего войска и господствовавшаго въ немъ безпорядка, а также вслѣдствіе неискренняго поведенія нѣкоторыхъ лицъ, вступившихъ въ сношенія съ непріятелемъ, мы были принуждены сдаться. Мы положили оружіе, выдали всѣ военныя принадлежности и ожидали рѣшенія нашей участи. Предводительствовавшій русскимъ войскомъ генералъ графъ Апраксинъ подалъ намъ надежду, что мы будемъ отпущены на волю, когда подпишемъ отреченіе отъ конфедераціи; мы оставались въ городѣ, окруженные военною стражею, но имѣли право свободно ходить внутри городскихъ стѣнъ.

Послѣ истеченія двухъ недѣль, мы были призваны въ канцелярію краковскаго замка, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы подписать отреченіе; но оказалось, что ворота были отперты только для входа, выходить-же обратно никому не было дозволено. Мы вошли въ канцелярію съ готовностью подписать отреченіе, но не нашли въ ней никакихъ приготовленій для совершенія этого акта. Русскіе офицеры то входили, то уходили, но никто изъ нихъ не предлагалъ намъ писать отреченія; они лишь наблюдали, всѣ-ли мы собрались въ замкѣ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго ожиданія, явился плацъ-маіоръ и приказалъ намъ слѣдовать за нимъ изъ канцеляріи въ замокъ, объявивъ, что тамъ каждый изъ насъ получитъ билетъ для выѣзда изъ города. Мы послѣдовали за комендантомъ смущенные и исполненные сомнѣній. Такъ какъ мы составляли три отдѣльныя конфедераціи: краковскую, сандомирскую и саноцкую, то насъ распредѣлили на три группы и каждую изъ нихъ препроводили въ отдѣльную комнату. Лишь только мы вошли, неожиданно появилась вооруженная стража; она заняла двери, стала у оконъ и окружила насъ со всѣхъ сторонъ. Мы до того были поражены этимъ распоряженіемъ, что не осмѣлились вступать другъ съ другомъ въ раз-

говоръ, спрашивать о причинѣ или сообщать взаимныхъ впечатлѣній, ибо намъ казалось, что жизни нашей угрожаетъ неминуемая опасность; стража, окружавшая насъ, также не смѣла бесѣдовать съ нами; такимъ образомъ мы пребывали въ молчаніи и страхѣ съ 10 часовъ утра до 5 вечера. Плацъ-маіоръ, препроводившій насъ сюда, исчезъ тотчасъ, оставивъ насъ подъ охраною многочисленнаго караула; онъ возвратился лишь въ 5 часовъ, но уже и настроеніе его и инструкціи были измѣнены: онъ приказалъ намъ быть готовыми въ дорогу къ завтрешнему утру и распорядился, чтобы два человѣка изъ каждой группы отправились въ сопровожденіи сильнаго караула по квартирамъ, дабы собрать все нужное намъ для дороги; онъ прибавилъ притомъ, что, въ случаѣ, если что либо необходимое нужно будетъ пріобщить къ нашему багажу, то слуги наши и солдаты (которые не были призваны въ замокъ вмѣстѣ съ нами) должны доставить эти вещи къ гродскимъ воротамъ, черезъ которыя намъ опредѣлено было выступить на слѣдуюшее утро. Все случилось, какъ было приказано комендантомъ: наши посланные отправились на квартиры подъ бдительнымъ карауломъ и возвратились назадъ. Между тѣмъ, такъ какъ приближалась ночь, мы-же въ теченіи цѣлаго дня оставались безъ пищи, то въ каждую комнату для насъ принесли по два десятка хлѣбовъ, испеченныхъ изъ отвратительной муки, пополамъ съ мякиною, такъ что, не смотря на голодъ, никто изп насъ не пожелалъ воспользоваться этимъ хлѣбомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ намъ доставили болѣе 10 кувшиновъ вина, довольно сноснаго, которымъ мы и подкрѣпили свои силы и, подавленные печалью, улеглись спать, какъ были одѣты, на кирпичномъ полу.

Количество плѣнныхъ, взятыхъ при сдачѣ города состояло болѣе чѣмъ изъ 400 человѣкъ пѣхоты, гусаръ и другаго наименованія солдатъ; сверхъ того насъ, шляхтичей и офицеровъ, было 260 человѣкъ, въ томъ числѣ и два конфедератскіе маршала: Чарнецкій—краковскій и Потоцкій, воеводичь волынскій—сандомирскій. Мы съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидали слѣдующаго дня: въ пять часовь утра вошелъ къ намъ тотъ-же плацъ-маіоръ и приказалъ выступать въ походъ, мы вышли толпою изъ замка и, миновавъ ворота, очутились между двумя шеренгами пѣхоты, на флагахъ которой стояли конные драгуны; сопровождаемые этими войсками, мы отправились въ уныніи къ город-

скимъ воротамъ, по ту сторону которыхъ нашъ конвой смѣненъ былъ новымъ, гораздо болѣе численнымъ, состоявшимъ изъ драгунъ и донскихъ козаковъ; подъ ихъ охраною мы отправились въ путь по отвратительной грязной дорогѣ. Наши паны маршалы ѣхали въ собственныхъ экипажахъ; каждаго изъ нихъ сопровождалъ русскій оффицеръ, не спускавшій съ глазъ плѣнника ни на минуту. Третій маршалъ (саноцкій)—Броницкій, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, успѣлъ бѣжать изъ города послѣ его сдачи.

Въ этотъ день мы прошли пѣшкомъ четыре мили до корчмы прецлавской; хотя повозки были для насъ приготовлены, но онѣ двигались за нами безъ нужды, ибо никому не было дозволено помѣститься на нихъ; вѣроятно до перваго ночлега насъ проводили пѣшкомъ для посрамленія и въ знакъ презрѣнія къ намъ. Достигши ночлега, мы расположились въ огромной конюшнѣ при корчмѣ, гдѣ для насъ была приготовлена въ большомъ количествѣ свѣжая солома; русскіе квартирмейстры позаботились также о нашей пищѣ: разставивъ насъ рядами, они раздали каждому: ложку, хлѣбъ и вареную говядину, такъ что мы могли достаточно утолить голодъ. Переночевавъ въ названной прецлавской корчмѣ, на другой день весьма рано мы поднялись въ дальнѣйшій путь; насъ сразу усадили на приготовленныя повозки, сообразуясь съ количествомъ лошадей, запряженныхъ въ каждую, возлѣ повозокъ ѣхали неотступно сопровождавшіе насъ драгуны и донскіе козаки. Наши гусары и другіе солдаты, которыхъ было болѣе 400 человѣкъ, какъ я уже о томъ упомянулъ, были отдѣлены отъ насъ, составили особую партію и препровождались пѣшкомъ также въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя. Проѣхавъ цѣлый день, мы остановились на ночь въ Шкальмирѣ, гдѣ насъ помѣстили болѣе удобно, распредѣливъ въ три дома. Нѣкоторымъ изъ насъ разрѣшили отправиться въ городъ, изъ чего мы заключили, что приближается время облегченія нашей участи. Мы не знали вовсе, куда насъ отправляютъ, и никто не умѣлъ назвать намъ мѣста нашего назначенія; насъ утѣшали ложною надеждою, будто съ одной изъ стоянокъ на пути мы будемъ освобождены, и утѣшенія эти сообщали намъ, пока мы не выѣхали изъ польскихъ предѣловъ. Такимъ образомъ мы двигались день за днемъ, пользуясь постоянно достаточнымъ провіантомъ. Каждое утро, передъ тѣмъ

какъ мы садились на возы, насъ поименно повѣряли по списку; не смотря однако на всѣ предосторожности, каждый день оказывался недочетъ въ два или три человѣка, которые находили возможность ускользнуть, не взирая на весьма тщательные и численные караулы. Впрочемъ это удавалось не всѣмъ: двое плѣнныхъ, намѣреваясь бѣжать, спрятались на одномъ ночлегѣ подъ солому, но убѣжище ихъ было открыто и они понесли тяжелое наказаніе за свою попытку: ихъ раздѣли до нага и долго нещадно били палками, такъ что они едва остались живы

Слѣдуя такимъ образомъ изъ Кракова, мы проѣхали слѣдующіе города: Шкальмиръ, Иваниска, Сташевъ, Новое Мѣсто, Опатовъ, Завихостъ, Закликовъ, Розвадовъ, Яновъ, Франкополь, Щебрешинъ, Замость, Варенжъ, Сокаль, Берестечко, Кременецъ и Заславъ, въ которомъ намъ разрѣшили двухдневный отдыхъ. На пути, кромѣ достаточнаго содержанія, получаемаго нами по распоряженію русскихъ начальниковъ, польскіе помѣщики тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя мы проѣзжали, руководимые врожденнымъ человѣколюбіемъ, присылали намъ обильное подаяніе, которое мы постоянно получали отъ неизвѣстныхъ намъ благодѣтелей. Отдыхая два дня въ Заславѣ, мы воспользовались остановкою для того, чтобы изготовить письма къ друзьямъ и родственникамъ, на ходатайство которыхъ о нашемъ освобожденіи мы могли надѣяться. Когда мы принялись за составленіе многочисленныхъ писемъ и стали вести оживленныя бесѣды, отовсюду раздавались горькіе упреки, направленные противъ тѣхъ лицъ, которые измѣною сдали и городъ Краковъ и насъ всѣхъ въ руки непріятелей. Воодушевившись общимъ разговоромъ, одинъ изъ насъ (вѣроятно самъ авторъ) почувствовалъ вдохновеніе и сталъ писать стихи на тему „объ измѣнѣ"; но едва начало стихотворенія было составлено, какъ явился караульный офицеръ; онъ отнялъ у насъ всѣ чернильницы, нѣкоторыя разбилъ, швыряя ими въ насъ, и запретилъ намъ рѣшительно вести переписку. Начатое стихотвореніе состояло въ слѣдующемъ: (въ подлинникѣ слѣдуютъ 24 стиха начатой сатиры, стихи весьма плохіе и напыщенные).

Отдохнувъ два дня въ Заславѣ, мы отправились оттуда въ мѣстечко Судылковъ, лежащее въ двухъ миляхъ отъ Заслава. Хотя повозки были для насъ приготовлены, но количество ихъ оказалось не-

достаточнымъ, командиръ-же нашъ, не обращая на это вниманія, приказалъ намъ тронуться въ путь; кто успѣлъ захватить мѣсто, тотъ помѣстился на повозкѣ, большинство-же насъ отправилоть пѣшкомъ. Такъ какъ дѣло было утромъ, во время подобающее для молитвы, мы стали пѣть часы и окончивши ихъ, затянули молитвенную пѣснь Богородицѣ. Едва мы пропѣли четыре стиха, какъ увидѣли сильно тронувшее зрѣлище: маленькая птичка опустилась и сѣла на остріе копья одного изъ конвойныхъ козаковъ и хотя копье сильно колебалось на ходу, птичка довольно долго держалась на немъ; солдаты спрашивали у насъ названіе этой птички, но мы не знали его, находя однако нѣкоторое сходство съ жаворонкомъ, мы назвали ее этимъ именемъ. Между тѣмъ въ половинѣ перехода насъ нагналъ обозъ новыхъ повозокъ, которые собралъ и отправилъ въ догонку за нами заславскій экономъ; мы воспользовались ими и всѣ разсѣлись на возы, на которыхъ и пріѣхали къ ночи въ Судылковъ. Переночевавъ здѣсь, мы отправились дальше въ Каменку, а оттуда на ночь въ Полонное. На этомъ только ночлегѣ мы узнали достовѣрно, что насъ отправляютъ въ Кіевъ; извѣстіе это однихъ повергло въ отчаяніе, въ другихъ-же породило желаніе насильно освободиться изъ подъ стражи, но желаніе это оказалось тщетнымъ, ибо съ этого времени усилили нашъ караулъ, который постоянно окружалъ насъ столь тщательно, что мы изъ за него почти свѣта не видали. Въ Полонномъ къ нашей партіи присоединили 90 человѣкъ гайдамаковъ изъ запорожья, принимавшихъ участіе въ роковой рѣзнѣ въ Умани и содержавшихся до того времени въ тюрьмѣ въ Полонномъ. Вмѣстѣ съ ними мы отправились въ дальнѣйшій путь къ Кіеву. Мы проѣзжали разныя мѣстечка, въ которыхъ останавливались для ночлега, а именно: Чудновъ, Котелню, Ходорковъ, Хвастовъ, наконецъ Калантырь, расположенный на самой границѣ двухъ государствъ; здѣсь мы видѣли польскихъ солдатъ, составлявшихъ пограничную стражу, но намъ не было дозволено говорить съ ними. Проѣхавъ границу, мы ночевали въ первомъ русскомъ городкѣ, называемомъ Васильковъ; ночлегъ былъ здѣсь крайне мучительный, ибо, по недостатку-ли свободнаго помѣщенія въ этомъ городѣ, или съ тою цѣлью, чтобы выразить къ намъ презрѣніе, насъ заперли въ два хлѣва, устроенные для свиней; мы томились всю ночь, какъ вслѣдствіе досаждавшаго намъ зловонія, такъ и по причинѣ

страшной тѣсноты, отъ которой мы едва не задохлись. На другое утро послѣ этой злосчастной ночи, мы около 10 часовъ утра прибыли въ Кіевъ.

ГЛАВА II.

Пребываніе плѣнныхъ въ Кіевѣ.

Когда мы въѣхали въ Кіевъ, попадавшійся намъ на встрѣчу народъ разсматривалъ насъ съ любопытствомъ, какъ будто представителей народа неизвѣстнаго и никогда не виданнаго. Мы очень долго ждали у крѣпостныхъ воротъ, пока насъ допустили въ Печерскъ (такъ называется крѣпость); между тѣмъ дождь пополамъ со снѣгомъ обдавалъ насъ и усиливалъ сознаніе нашего горестнаго положенія. Мы пали духомъ и погрузились въ мрачное раздумье: сердце наше было удручено мыслью о томъ, что мы разстались съ отечествомъ, а страхъ и опасеніе за будущее были столь велики, что мы полагали, что нашей злосчастной жизни угрожаетъ опасность.

Наконецъ отворили ворота и мы въѣхали въ крѣпость; повозки остановились только предъ приготовленнымъ для насъ помѣщеніемъ. Это были казармы, построенныя для солдатъ. Когда возы наши остановились, намъ сдѣлали перекличку по списку и распредѣлили насъ въ казармахъ; въ каждой камерѣ помѣстили столько плѣнныхъ, сколько она могла вмѣстить, т. е. 80—90 человѣкъ. Въ тотъ же день прибыли въ Кіевъ и несчастные товарищи наши, числомъ болѣе 400, которые весь путь изъ Кракова въ Кіевъ совершили пѣшкомъ по нашимъ слѣдамъ; они, подобно намъ. были размѣщены въ казармахъ.

Въ теченіи первыхъ двухъ сутокъ нашего заточенія намъ не доставляли вовсе пищи; такъ какъ у насъ отъ дороги не осталось никакихъ припасовъ, то мы претерпѣли сильный голодъ и уже склонялись къ мнѣнію, что насъ намѣрены истребить голодомъ; но третьяго дня намъ роздали хлѣбъ и по 6 грошей каждому на прокормленіе. Эти паи мы получали потомъ изъ рукъ офицера ежедневно; впрочемъ рядовые солдаты наши получали только одинъ хлѣбъ, денегъ-же для прокормленія имъ не отпускалось. Выдаваемый намъ хлѣбъ содержалъ, вслѣдствіе недобросовѣстности провіантскихъ чиновниковъ, огромное количество песку и хотя порціи были большія и по казенной оцѣнкѣ

каждая дневная порція должна была равняться стоимости 4 грошей, но мы ихъ продавали солдатамъ по одному грошу, ибо ѣсть этого хлѣба никоимъ образомъ невозможно было. Когда начальство наше узнало объ этомъ, къ намъ явился плацъ-маіоръ и предложилъ намъ на выборъ: получать впредь хлѣбъ натурою, или-же вмѣсто хлѣба его стоимость деньгами—по 4 гроша на человѣка; мы всѣ попросили выдавать намъ деньги и съ того дня стали получать каждый по 10 грошей, а рядовые по 4 гроша.

Казармы, въ которыхъ мы помѣщались, были окружены бдительнымъ карауломъ; если кто изъ насъ выходилъ въ сѣни, его сопровождалъ вооруженный солдатъ. Вслѣдствіе скопленія большого количества людей, мы страдали отъ затхлости воздуха и тѣсноты: не каждый успѣвалъ занять мѣсто для ночлега и иные должны были проводить ночь стоя и сильно томясь отъ безсонницы; вслѣдствіе этихъ условій среди насъ развились изнурительныя болѣзни и многіе изъ нашихъ несчастныхъ земляковъ умерли. Къ намъ допускали торговокъ со съѣстными припасами, и мы могли покупать у нихъ пищу за деньги, которыя намъ выдавали. Маршалы наши имѣли помѣщеніе болѣе удобное, ибо имъ отвели для жительства какой-то дворецъ. Мы застали уже въ Кіевѣ 110 человѣкъ плѣнныхъ шляхтичей и кромѣ того конфедератовъ изъ помѣстій ея сіятельства княгини Сангушковой, которыхъ какой-то шляхтичъ, принявъ на себя ложную личину патріотизма, увлекъ въ конфедерацію, принялъ подъ свое начальство, а потомъ измѣннически предалъ русскимъ въ мѣстечкѣ Топоровѣ. Гайдамаковъ привезенныхъ вмѣстѣ съ нами изъ Полоннаго, помѣстили въ тѣхъ-же казармахъ возлѣ насъ, но въ другихъ камерахъ. Мы ежедневно видѣли, какъ выводили по нѣсколько человѣкъ изъ ихъ числа, наказывали кнутомъ, вырывали имъ ноздри, по существующему въ этой странѣ обычаю, и затѣмъ отправляли въ вѣчную ссылку.

Въ концѣ третьей недѣли нашего заключенія въ Кіевѣ, болѣзни страшно усилились въ занятыхъ нами камерахъ, ежедневно умирало отъ 5 до 8 человѣкъ; мы принуждены были проводить нѣсколько дней и ночей совмѣстно съ трупами, пока успѣвали выпросить, чтобы ихъ прибрали; обстоятельство это было особенно тягостно по причинѣ тѣсноты Я самъ, уже пораженный болѣзнью, долженъ былъ провести три ночи

рядомъ съ трупомъ лежавшаго возлѣ меня товарища, Яна Кіянскаго; на третью ночь трупный запахъ сильно меня поразилъ и былъ поводомъ того, что болѣзнь моя страшно усилилась и надолго затянулась. Мы обязаны были хоронить мертвыхъ и копать имъ могилы, хотя сами были до того больны, что едва могли двигаться; болѣли-же мы всѣ безъ исключенія.

Въ это время 45 человѣкъ конфедератовъ были выпущены на свободу вслѣдствіе ходатайства о нихъ въ Варшавѣ ихъ друзей. Мы поздравляли ихъ съ неожиданнымъ счастіемъ и умоляли, прощаясь, чтобы они, послѣ возвращенія въ отечество, не забыли похлопотать и о нашемъ избавленіи. Они попрощались съ нами и отправились исполненные радости въ обратный путь, мы-же остались удрученные горемъ и печалью.

Мы прожили въ Кіевѣ 13 недѣль; въ теченіи этого времени изъ числа болѣе 600 человѣкъ почти половина перемерла. Наконецъ мы узнали, что насъ приказано препроводить въ городъ Казань, лежащій въ 170 миляхъ отъ Кіева, уже въ азіятской части Россіи; распоряженіе это послѣдовало вслѣдствіе того, что Турція объявила войну Россіи. Совершенно для насъ неожидавно согнаны были подводы и командированы для экскорта козаки; насъ раздѣлили на партіи; въ той, къ которой я былъ причисленъ, находилось 180 человѣкъ. Затѣмъ явился плацъ-маіоръ и, вызывая насъ по списку, усаживалъ по три человѣка на каждую повозку; поручикъ-же кіевскаго гарнизона, получившій начальство надъ конвойными козаками и притомъ сопровождаемый сержантомъ и десятью солдатами, принималъ насъ подъ свое начальство. Когда такимъ образомъ вся партія въ 180 человѣкъ усѣлась на сани, мы двинулись въ путь изъ Кіева среди страшнаго холода. Точно такимъ-же порядкомъ вслѣдъ за нами отправлены были и другія партіи плѣнныхъ.

ГЛАВА III.

Пересылка плѣнныхъ изъ Кіева въ Казань.

Когда мы отправились въ путь изъ Кіева въ Казань, стояли весьма сильные морозы и лежалъ глубокій снѣгъ. Мы были до того слабы, что едва душа въ насъ сохранялась, притомъ у насъ вовсе не

было теплой одежды и потому холодъ причинялъ намъ страшныя мученія; мы ѣхали полу-живые. Поручикъ, подъ командою котораго мы состояли, былъ человѣкъ добрый, разсудительный, обращавшій вниманіе на наши нужды, опытный и самъ испытавшій превратность судьбы; онъ обращался съ нами ласково и человѣколюбиво; мы съ благодарностью цѣловали его руки, называли его отцемъ и благодѣтелемъ и умоляли оказывать намъ и впредь милосердіе и участіе. Онъ обѣщалъ, когда выѣдемъ изъ Малороссіи, придумать средства для того, чтобы доставить намъ теплую одежду. Выѣхавъ изъ Кіева, мы ѣхали довольно быстро и остановились на ночь въ маленькомъ мѣстечкѣ Броварахъ, лежащемъ въ трехъ миляхъ [1]) отъ Кіева; здѣсь насъ размѣстили по по квартирамъ—по 10 человѣкъ плѣнныхъ въ каждомъ домѣ и по 5 козаковъ для ихъ охраны. Дома, въ которыхъ насъ помѣстили, были теплы и уютны такъ, что послѣ пути, продрогши на морозѣ, мы могли удобно отдохнуть. Подкрѣпившись пищею по возможности, мы улеглись спать; козаки, опасаясь, чтобы мы не бѣжали, отобрали у насъ для безопасности сапоги и спрятали ихъ, соображая весьма вѣрно, что въ виду страшнаго холода и мороза, никто изъ насъ не отважится бѣжать босикомъ.

Послѣ ночлега въ Броварахъ, мы отправились въ дальнѣйшій путь и, проѣхавъ на хорошихъ лошадяхъ 6 миль, достигли передъ вечеромъ Козельца; въ этотъ день морозъ былъ значительно легче и холодъ насъ угнеталъ гораздо меньше. Въ Козельцѣ намъ позволено было отдохнуть въ теченіе слѣдующаго дня и разрѣшено выходить въ городъ для покупки провизіи въ сопровожденіи конвойнаго козака. Мы нѣсколько отдохнули въ теплыхъ квартирахъ и, пробывъ въ Козельцѣ двѣ ночи и одинъ день, отправились въ дальнѣйшій путь. Слѣдующую ночь мы провели въ селѣ Носовкѣ и затѣмъ отправились въ городъ Нѣжинъ, гдѣ назначенъ былъ слѣдующій ночлегъ. Здѣсь мы провели ночь весьма удобно; городъ этотъ благоустроенъ и многолюденъ; жители оказались очень человѣколюбивы: не только хозяева отведенныхъ намъ квартиръ обращались съ нами ласково и прилично, но и другіе жители,

[1]) Авторъ считаетъ разстоянія, измѣряя ихъ польскими милями—по 7 верстъ въ каждой.

когда мы уѣзжали, обгоняли насъ на саняхъ, бросая намъ хлѣбъ ржаной и пшеничный и деньги. Мы были глубоко тронуты человѣколюбіемъ этого народа, встрѣчая первый разъ со времени нашего заточенія признаки дружелюбнаго къ намъ отношенія жителей. Городъ Нѣжинъ хорошо обстроенъ; дома по большей части деревянные, но есть нѣсколько и каменныхъ; жители ведутъ обширную торговлю и среди нхъ есть много богатыхъ купцевъ частью грековъ, частью малороссіянъ. Въ Нѣжинѣ находится и католическая церковь, а при ней монастырь отцевъ капуциновъ; послѣдніе хотѣли посѣтить насъ, но это не было имъ дозволено. Слѣдующую ночь мы ночевали въ городѣ Батуринѣ, принадлежащемъ, какъ намъ сказывали князю Трубецкому [1]), красивый дворецъ котораго мы видѣли. Затѣмъ, отправившись въ дальнѣйшій путь, мы проѣзжали многочисленныя мѣстечка, переправились по льду черезъ рѣку Сеймъ [2]) и миновавъ Королевецъ, пріѣхали въ Глуховъ, послѣдній городъ Малороссіи, въ которомъ намъ довелось ночевать. Это городъ довольно значительный, но окружающія оный укрѣпленія: валъ и каменная стѣна, запущены и почти разрушены. Здѣсь мы встрѣтили пана Щенявскаго, старосту Трехтымировскаго, попавшаго еще раньше насъ въ плѣнъ за участіе въ барской конфедераціи и сосланнаго сюда въ заточеніе. Въ трехъ миляхъ отъ Глухова мы пріѣхали въ первое великороссійское село; намъ сказывали, что нѣкогда до этого мѣста простиралась граница кіевскаго воеводства, хотя оно лежитъ въ разстояніи 33 миль отъ Кіева. Мы остановились въ упомянутомъ селѣ на ночь, н встрѣтили совершенно для насъ новое народонаселеніе, рѣзко отличавшееся своими обычаями Это настоящіе россіяне (москали); они, по принятому обычаю, всѣ отпускаютъ бороды, ибо въ Россіи крестьянамъ запрещено бриться и только дворянамъ и мѣщанамъ это разрѣшается; вообще въ Россіи каждый житель одѣвается не по собственному усмотрѣнію, а согласно съ установленными для каждаго сословія предписаніями. Когда мы въѣзжали въ село, все почти его народонаселеніе сбѣжалось смотрѣть на насъ, какъ на зрѣлище; они насмѣхались надъ нами, бросали въ насъ снѣгомъ и комками нечистотъ. Командовавшій конвоемъ

---

[1]) Очевидно Хоецкому измѣнила память и онъ замѣнилъ имя графа Разумовскаго, которому Батуринъ былъ пожалованъ въ 1764 г., именемъ князя Трубецкого.

[2]) Въ подлинникѣ вмѣсто Сейма по ошибкѣ названа Ока.

поручикъ, увидавъ это, соскочилъ изъ своего экипажа и, нанося имъ удары палкою по головамъ, разогналъ ихъ. Люди эти обращались съ нами недружелюбно и на квартирахъ: съ трудомъ они соглашались продать намъ что либо, а если и соглашались, то требовали непомѣрныя цѣны. Переночевавши въ этомъ селѣ, мы поѣхали дальше въ городъ Сѣвскъ. На пути насъ настигла и даже опередила другая партія нашихъ плѣнныхъ, вмѣстѣ съ которою мы ночевали въ Сѣвскѣ. Начальникомъ этой партіи былъ капитанъ кіевскаго гарнизона, человѣкъ строгій и жестокій, поступавшій весьма круто съ плѣнниками, которые страшно жаловались на его обращеніе; онъ постоянно ругалъ ихъ и билъ нагайкою, неразлучно при немъ находившеюся; если кто-либо, по причинѣ болѣзни не могъ скоро взобраться на сани, немедленно получалъ удары нагайкою, капитанъ обзывалъ плѣнныхъ поляковъ данцигскими жидами и придумывалъ другія оскорбительныя ругательства.

Переночевавъ въ Сѣвскѣ, мы на другой день отправились въ дальнѣйшій путь; прежде выступилъ капитанъ съ своею партіею, а вслѣдъ за нимъ и мы. Нашъ командиръ поручикъ объявилъ намъ, что, такъ какъ мы уже вступили въ область великорусскую, то должны заняться пріобрѣтеніемъ полушубковъ; онъ посовѣтовалъ намъ съ этою цѣлью на каждомъ ночлегѣ стараться захватить тайно у хозяевъ три или четыре полушубка и прятать ихъ въ его экипажѣ. На другой день обыкновенно хлопы приносили ему жалобу и сельскій староста (такъ называются въ Россіи войты) отказывалъ въ выдачѣ нашему командиру росписки, или квитанціи въ томъ, что команда его вела себя безобидно по отношенію къ жителямъ; тогда поручикъ отдавалъ намъ всѣмъ приказаніе садиться на сани и мы выѣзжали за селеніе на дорогу. Здѣсь обозъ нашъ останавливался, поручикъ дѣлалъ намъ строгій выговоръ за дурное поведеніе и разрѣшалъ крестьянамъ произвести обыскъ въ нашихъ саняхъ; но когда они не находили въ нихъ похищенныхъ полушубковъ, то онъ изливалъ на нихъ свой гнѣвъ и приказывалъ солдатамъ подать палокъ и кнутовъ, чтобы расправиться за клевету на свою команду; тогда мужики, опасаясь наказанія, не только выдавали ему квитанцію, но и задабривали его довольно значительною суммою денегъ, въ офицерскомъ-же экипажѣ никто никогда не дерзалъ производить обыска; затѣмъ, отъѣхавъ дальше, поручикъ отдавалъ полушубки тѣмъ, кто ихъ

добылъ. Этимъ промысломъ мы занимались на каждомъ ночлегѣ, такъ, что пока мы пріѣхали въ Казань, большая часть партіи была одѣта въ полушубки.

Слѣдуя по Великой Россіи, мы проѣзжали слѣдующіе города: Тулу, въ которой мы узнали, что въ 10 миляхъ отъ нея въ городѣ Калугѣ содержатся въ заточеніи нѣкогда арестованные на сеймѣ епископы, а также гетманъ польный коронный Ржевускій вмѣстѣ съ сыномъ; всѣ мы были глубоко опечалены, узнавъ о заточеніи этихъ знатныхъ сенаторовъ и патріотовъ нашихъ. Тула городъ довольно большой; всѣ дома въ немъ деревянные; весь городъ населенъ почти исключительно различными ремесленниками, изготовляющими оружіе для всей русской арміи. Намъ разсказывали, что въ Тулѣ живетъ такое количество мастеровыхъ, что они могли-бы въ 3 дня изготовить вооруженіе для 20,000 солдатъ. Переночевавъ въ Тулѣ, мы отправились въ городъ Каширъ, а оттуда въ Муромъ; въ обоихъ городахъ этихъ мы ночевали; затѣмъ изъ Мурома мы ѣхали по льду Оки, рѣки широкой и значительной, въ городъ Нижній, гдѣ ночевали. Нижній лежитъ на берегу Волги и носитъ названіе губернскаго города, ибо въ немъ живетъ губернаторъ; это уже на пути нашемъ была третья губернія—ибо прежде мы слѣдовали по губерніямъ кіевской и московской. Въ Нижнемъ много каменныхъ домовъ, но еще больше деревянныхъ; городъ этотъ славится своею торговлею и судоходствомъ, въ немъ много зажиточныхъ жителей и богатыхъ купцовъ; и вообще мѣстоположеніе города весьма удачно выбрано, благодаря особенно его очень удобной гавани. Переночевавъ въ Нижнемъ, мы проѣхали мѣстечко Чебоксары, нѣсколько селъ и городъ Свяжскъ, лежащій въ 3 миляхъ отъ Казани, и наконецъ прибыли въ этотъ послѣдній городъ около перваго часу по полудни.

Ѳ. А.

(Прдолженіе слѣдуетъ).

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Сообщилъ М. Т—овъ.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Предлагая читателямъ «Кіевской Старины» нижеслѣдующія письма Т. Гр. Шевченка, важность которыхъ они сами, надѣемся, оцѣнятъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать предварительно нѣсколько словъ о способѣ, которымъ досталась намъ эта драгоцѣнность, прибавивъ къ нимъ также нѣсколько краткихъ замѣчаній по поводу высказанныхъ уже въ печати мнѣній относительно характера сношеній украинскаго поэта съ ссыльными поляками, друзьями Бр. Залескаго.

Еще лѣтъ девять тому назадъ мы прочли въ одной польской газетѣ извѣстіе о существованіи переписки между Шевченкомъ и Бр. Залескимъ, находившимся тогда въ Парижѣ, переписки, какъ говорилось, интересной какъ для личной исторіи Шевченка, такъ и для характеристики его политическихъ мнѣній. Мы стали принимать мѣры для полученія копіи съ этихъ писемъ Шевченка, но это долго намъ не удавалось, такъ какъ, говорили намъ, письма должны были быть напечатаны особой брошюрой въ оригиналѣ (автографически) и польскомъ переводѣ. Два раза появлялось въ печати извѣстіе, что письма Шевченка къ Залескому будутъ напечатаны то польскимъ «Историческимъ Обществомъ» въ Парижѣ, то краковской академіей наукъ, въ руки которой дѣйствительно и переданы были названныя письма. Но проходило время, а письма не являлись въ печати. Въ концѣ 1874 г. намъ посчастливилось услышать о названныхъ письмахъ отъ Вл. Д. Спасовича, лично знакомаго съ Бр. Залескимъ. Г. Спасовичъ взялся быть посредникомъ между нами и Залескимъ съ цѣлью получить отъ послѣдняго копіи съ писемъ Шевченка. Но каково было наше горе, когда мы узнали отъ г. Спасовича черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что самъ Залескій уже не знаетъ, гдѣ теперь на-

ходятся письма Шевченка, отправленныя имъ въ Краковъ. По счастью почти черезъ годъ мы получили отъ г. Спасовича вѣсть, что письма отыскались у Игнатія Крашевскаго въ Дрезденѣ, и что послѣдній, съ свойственной ему любезностью, принялъ мѣры къ доставленію намъ точной копіи, какъ съ писемъ, такъ и съ примѣчаній къ нимъ Залескаго. Недолго спустя, мы получили эту копію, но тутъ наступили времена, не совсѣмъ благопріятныя всему, что связано съ именемъ Шевченка, и съ письмами послѣдняго пришлось придержаться.

Появленіе книги г. Чалаго: «Жизнь и произведенія Тараса Шевченка», а особенно основаніе «Кіевской Старины», изданія, которое не поскупится на мѣсто для напечатанія цѣликомъ писемъ геніальнаго украинца, обнадежило насъ, и мы сочли себя долѣе не въ правѣ удерживать подъ спудомъ имѣющійся уже у насъ матеріалъ для біографіи Шевченка, каковой и предоставляемъ въ распоряженіе редакціи «Кіевской Старины» въ точной копіи съ копіи, доставленной намъ г. Крашевскимъ. Послѣднему, вмѣстѣ съ г. Спасовичемъ, надлежитъ благодарность отъ всѣхъ почитателей Шевченка за ихъ усилія спасти письма нашего Тараса отъ потери и за хлопоты по доставленію копій съ этихъ писемъ въ руки украинца, который почиталъ своимъ долгомъ свято сохранить эту копію и при первой возможности обнародовать ее. Самъ Залескій не можетъ уже принять на себя этой благодарности, такъ какъ уже около двухъ лѣтъ, какъ онъ умеръ. Что сталось съ оригиналами писемъ къ нему Шевченка, въ настоящую минуту мы сказать не можемъ. Мы наводимъ теперь о томъ справки, но пока не желаемъ замедлять публикаціи имѣющейся у насъ точной съ нихъ копіи.

Прочитавъ и ее, всякій убѣдится въ подлинности заключающихся въ ней писемъ, а также въ важности ихъ для біографіи Тараса Григорьевича. Кромѣ яркаго изображенія его жизни въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, въ письмахъ этихъ содержатся богатыя указанія на литературные интересы и на работы Шевченка, какъ живописца въ 1853—1857 гг. Затѣмъ письма эти проливаютъ окончательно точный свѣтъ на характеръ отношеній украинскаго поэта къ польской ссыльной колоніи въ Прикаспійскомъ краѣ, о которыхъ доселѣ въ публику пускались весьма невѣрныя свѣдѣнія, какъ польскими, такъ и русскими писателями. Такъ еще въ послѣднія минуты жизни и тотчасъ по смерти Шевченка нѣкоторыя польскія газеты дошли до того, что увѣряли, будто Шевченко въ ссылкѣ совершенно отказался отъ своего отрицательнаго взгляда на старую Польшу и даже будто бы перешелъ въ уніаты. Подобное-же повторено было одною познанскою газетою и въ 1866 году, причемъ Шевченко представленъ былъ человѣкомъ, который будто бы послѣ ссылки

усвоилъ себѣ идеи и стремленія «историческихъ» польскихъ патріотовъ, т. е. сторонниковъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 г., если даже не 1648 г. Это измышленіе перенесено было изъ польской познанской газеты на страницы «Московскихъ Вѣдомостей», которымъ оно оказалось пригоднымъ для ихъ борьбы съ т. наз. «украинофильствомъ».

Тенденціозныя невѣрныя свѣдѣнія эти и имъ подобныя, подкрѣпляемыя темными слухами о какихъ-то письмахъ Шевченка къ Залескому, повліяли и на новѣйшаго біографа Шевченка, г. Чалаго, у котораго мы встрѣчаемъ слѣдующія строки «.....поляки обошли Шевченка.... слѣдуя іезуитскому правилу—не пренебрегать никакими средствами, если они ведутъ къ достиженію цѣли, и воспользовавшись довѣрчивостью и простодушіемъ Тараса, Сѣраковскій и Подлевскій задумали изъ малорусскаго народнаго поэта создать украинское знамя и завладѣть этимъ знаменемъ [1]. Изъ яраго врага польской національности они хотѣли сдѣлать его ручнымъ и чуть не обратили въ орудіе польской справы» (стр. 82).

Эти строки уже вызвали замѣчаніе со стороны рецензента въ «Вѣстникѣ Европы», который не нашелъ никакого іезуитства въ отношеніяхъ оренбургскихъ поляковъ къ Шевченку, а видѣлъ въ нихъ только гуманное сочувствіе къ собрату по участи, къ образованному человѣку, заброшенному въ полудикій край, со стороны такихъ-же изгнанниковъ. И вѣрность этого замѣчанія подтверждается и словами самого г. Чалаго на стр. 87 его книги объ «отрадныхъ минутахъ, проведенныхъ Кобзаремъ въ бесѣдѣ съ умными и образованными товарищами по ссылкѣ».

Наглядное знакомство съ письмами Шевченка къ Залескому окончательно показываетъ всю невѣрность заключеній г. Чалаго о характерѣ отношеній между оренбургскими поляками и Шевченкомъ. Эти отношенія были прежде всего отношеніями «умныхъ и образованныхъ товарищей», которые поддерживали другъ въ другѣ нравственную энергію бесѣдою и трудомъ надъ культурными интересами искусства, литературы. Насколько въ этихъ отношеніяхъ не было національной исключительности, видно напр. изъ того, что поляки доставляли Шевченку сочиненія Гоголя и его біографію,—не говоря уже о томъ, что они переписывались съ украинскимъ поэтомъ по русски. Ни одно слово изъ писемъ

[1] Послѣднюю фразу мы не совсѣмъ понимаемъ: *малорусскій* поэтъ и *украинскій* поэтъ—одно и тоже, даже и по смыслу этихъ словъ, какого держится самъ г. Чалый; *народный*-же поэтъ непремѣнно составляетъ одно изъ украшеній національнаго знамени; изъ Шевченка нечего было дѣлать знамени: онъ былъ уже частью этого знамени. Самъ г. Чалый говоритъ это и всею своею книгой и эпиграфомъ ея, взятымъ у Дизраэли, который говоритъ о связи „памяти о народномъ поэтѣ“ съ „національною честью“.

Шевченка не намекаетъ на то, чтобы онъ «изъ яраго врага польской національности» готовъ былъ «обратиться въ орудіе польской справы», если разумѣть подъ этими послѣдними словами возстановленіе стараго польскаго государства въ «историческихъ границахъ».

Прежде всего будетъ невѣрно называть Шевченка «врагомъ польской, да и какой-бы то ни было національности». Въ первыхъ своихъ поэмахъ изъ украинско-козацкой исторіи Шевченко безъ дальнихъ размышленій рисовалъ картины прежней національно-религіозно-сословной борьбы на Украинѣ, но едва только сталъ выходить изъ первоначальнаго, болѣе или менѣе наивнаго періода своего развитія, какъ сейчасъ-же сталъ выше страстей и идей XVII в. Уже въ «Гайдамакахъ»,—поэмѣ, которую совершенно напрасно польскіе критики называли «крикомъ вороньяго горла», и въ которой самъ г. Спасовичъ совершенно напрасно видитъ «выдаванье звѣрства и безчеловѣчности за геройство» (Истор. слав. литер. Пыпина и Спасовича, II), Шевченко оплакиваетъ взаимныя кровопролитія поляковъ и украинцевъ и говоритъ:

Болитъ серце, якъ згадаешъ:
Старихъ славъянъ діти
Впились кровъю,—а хто виненъ?!
Ксёндзы, іезуиты!

Дальнѣйшее усвоеніе Шевченкомъ идей кирилло-меѳодіевскаго братства съ его всеславянскимъ демократическимъ федерализмомъ еще болѣе развили въ украинскомъ поэтѣ этотъ истинно гуманный взглядъ на польско-украинскія отношенія. Какимъ образомъ поэтъ, написавшій въ посланіи къ Шафарику слова:

Щобъ усі славъяне стали
Добрыми братами и т. д.

могъ быть «ярымъ врагомъ польской національности?» Объ отношеніи Шевченка къ полякамъ въ ту пору, о которой говоритъ г. Чалый на 83 стр. своей книги, свидѣтельствуетъ стихотвореніе Тараса Григорьевича къ Бр. Залескому: «Ще якъ були мы козаками» (1859 г.) По своей идеѣ оно ничѣмъ не отличается отъ выписанныхъ выше словъ Шевченка въ «Гайдамакахъ» (1841 г.) и «Посланіи» къ Шафарику (1845 г.). Между прочимъ слѣдующія дальше письма служатъ прекраснымъ объясненіемъ къ упомянутому стихотворенію.

М. Т—овъ.

ПИСЬМА ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

КЪ СОСЛАННОМУ ТОЖЕ ВЪ СОЛДАТЫ, ВЪ ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИНЕЙНЫЙ БАТАЛІОНЪ,

Брониславу Залескому,

писанныя изъ ново-петровскаго укрѣпленія, построеннаго на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на полуостровѣ Мангишлакъ [1]).

1.

1853-ій годъ.

Извини мнѣ, друже мой добрый, что пишу такъ мало, не имѣя ни времени, ни мѣста. Благодатное лѣто прошло и унесло съ собою и самую тѣнь чего-то похожаго на свободу; до сихъ поръ еще боятся позволить пріютиться мнѣ гдѣ нибудь, кромѣ казармъ. Эгоизмъ и эгоизмъ! больше ничего.

Добрый мой друже! получилъ я съ твоимъ послѣднимъ письмомъ сердцу милыя портреты. Безконечно благодарю тебя; я теперь какъ-бы еще между вами—и слушаю тихіе задумчивые ваши рѣчи. Если-бы мнѣ еще портретъ Карла, и тогда-бы я имѣлъ все, что для меня дорого въ Оренбургѣ.

Съ послѣдней почтой послалъ тебѣ *Байгушей;* пріюти ихъ, если можешь гдѣ нибудь, а передъ тѣмъ, какъ пустишь ты ихъ въ чужіе люди, здѣлай мнѣ, если это не трудно, фотографическія копіи въ величину обыкновеннаго конверта; мнѣ хотѣлось-бы подарить ихъ А., ей они очень нравятся [2]). Я здѣлался настоящій попрошайка, въ каждомъ моемъ письмѣ я чего нибудь прошу у тебя, просто безсовѣстный я! а (кто) совѣстится въ такихъ случаяхъ друга, значитъ не имѣетъ друга: мое такое понятіе о дружбѣ, и это понятіе должно быть общее.

Попробуй, не удастся-ли тебѣ на темномъ фонѣ дѣтскія головки, и чтобъ не искать модели, то посади secondo Цейзика; я такъ люблю дѣтей, что не насмотрѣлся-бы на вѣрный отпечатокъ ангела.

Хорошо-бы было, еслибъ коллекція картинъ Н. Ш. состояла не изъ его собственныхъ произведеній; но на безрыбьи и ракъ рыба:

---

[1]) Напоминаемъ читателю, что онъ имѣетъ передъ собою точную копію съ тетради приготовленной къ печати самимъ Бр. Залескимъ. Примѣчанія, какія дальше найдетъ читатель подъ текстомъ, сдѣланы также Залескимъ, кромѣ нѣкоторыхъ, прибавленныхъ нами, которыя и отмѣчены нашимъ вензелемъ.—*М. Т.*

[2]) Какъ видно изъ дальнѣйшаго,—жена Ускова, комендавта новопетровскаго крѣпленія, которую дальше Шевченко зоветъ—Агата.—*Т. М.*

можетъ быть въ его копіяхъ есть хоть что нибудь похожее на оригиналъ, а если и этого нѣтъ, то все таки есть человѣкъ любящій прекрасное божественное искусство, а между варварами это даръ Божій.

Если въ Защитѣ у Дмитрьева найдешь хорошіе эстампы новой французской школы, какъ-то Делякрои, Делякроша, Ораса Верньe и другихъ, то хорошо скопировать ихъ посредствомъ фотографій, и держи эти копіи у себя, смотри, любуйся ими каждый день и каждый часъ: это такъ можетъ научить и образовать вкусъ, какъ никакая многоумная и многоглаголивая эстетика и философія. Великій Брюловъ говаривалъ бывало: „не копируй, а всматривайся", и я совершенно вѣрю безсмертному Брюлову. Но я кажется взялъ на себя роль профессора, это для тебя только, друже мой милый, потому что въ Оренбургѣ тебѣ и этого нѣкому сказать, а ты такъ любишь прекрасное искусство. Боже мой! когда мы увидимся? когда мы поговоримъ съ тобою, глядя другъ на друга? Неужели все къ лучшему? Нѣтъ, это поговорка близорукихъ.

Я вчера только узналъ отъ Мостовскаго, что Колесинскій въ Оренбургѣ; кланяйся ему отъ меня и отъ Мостовскаго. М. для меня теперь настоящій кладъ: это одинъ единственный человѣкъ, съ которымъ я на распашку, но о поэзіи ни слова. Странно, человѣкъ тихій, добрый благородный, безо всякаго понятія о прекрасномъ! Неужели это доля всего военнаго сословія? Жалкая доля!

Мнѣ давно хочется завести переписку съ Совою [1]), но не знаю, какъ и начать. По польски я писать не умѣю, а по русски какъ-то не ловко, но на всякій случай сообщи мнѣ его подробный адресъ. Будешь писать ему, кланяйся и цѣлуй его за меня.

Что мнѣ еще написать тебѣ на скорую руку? Кажется, ничего больше, какъ только поцѣлуй щиро Михайла [2]) и Карла [3]), когда пріѣдетъ,

[1]) Польскій поэтъ Эдуардъ Юліановичъ Желиговскій, пишущій подъ именемъ Антонія Совы, сосланный на жительство въ Петрозаводскъ, а оттуда переведенный въ Оренбургъ.—Прим. Бр. Залѣскаго.

[2]) Михаилъ Өаддѣевичъ Зѣленко, монахъ ордена св. Доминика, въ тридцатыхъ годахъ префектъ гимназіи въ Литвѣ, сосланный въ Оренбургъ въ 1834 году, впослѣдствіи католическій капелланъ оренб. корпуса. Польскіе изгнанники называли его: *ojciec prefekt*.—Пр. Бр. З—аго.

[3]) Карлъ, должно быть, Карлъ Ивановичъ Гернъ. У г. Чалаго онъ зовется генералъ Гернъ; не знаемъ, почему въ письмѣ Ш—ка, напечатанномъ у г. Чалаго (стр. 75) К. И. Г. называется—«его благородіе».—*М. Т.*

Поцѣлуй руку *ojca prefecta* и если Средницкій въ Оренбургѣ, поцѣлуй его щиро. —Гдѣ Турно и что съ нимъ?.. Прощай, мой единый друже. Будешь писать Аркадію, цѣлуй его отъ меня. Пиши S. и его цѣлуй и всѣхъ, кто помнитъ обо мнѣ, цѣлуй.

2.

20 мая. 1853.

Благодарю тебя, мой друже, за *Мертвыя души* Гоголя, и за лаконическое посланіе, на которое отвѣчаю тебѣ такимъ и по тѣмъ самымъ причинамъ, т. е. по причинѣ сегодня отходящей почты.

Ты вѣроятно не получилъ еще послѣдняго моего письма и двухъ кусковъ шерстяной матеріи [1]), потому что ничего не упоминаешь ни о посылкѣ, ни о письмѣ. Когда получишь, потрудись увѣдомить съ первой-же почтой. Одинъ кусокъ, который ты выберешь, оставь у себя на память обо мнѣ, а другой предложи Бюрно (разумѣется за деньги) [2]). Пріятнѣе какъ-то, когда знаешь, что вещь находится у человѣка, понимающаго вещи. А фотографіи непремѣнно здѣлай. Кстати о фотографіи и просить тебя, когда получитъ Михайло фотографическій приборъ, напиши ему или мнѣ о его свойствахъ и его цѣнѣ, и подробный адресъ, отъ кого его выписать можно, и можно-ли также и отъ кого выписывать химическую бумагу. У насъ, видишь-ли, есть желаніе заняться фотографіей, да не знаю, будетъ-ли толкъ.

Ты мнѣ совѣтуешь не просить многово. И съ самой малой просьбой я не имѣю къ кому обратиться, да и жалѣю; послѣдняя неудача меня такъ озадачила, что я потерялъ всякую надежду хоть на малѣйшее облегченіе моей отвратительной участи; хоть-бы изъ этого гнѣзда проклятаго меня вытянули. Послѣ этой катастрофы... (для меня она дѣй-

---

[1]) На приговорѣ, осуждающемъ Шевченка въ солдаты, было прибавлено: «запретить ему писать, рисовать и пѣть»; потому Шевченко, присылая рисунки свои и акварели Залѣскому, называлъ ихъ шерстяною матеріею. За эти рисунки артистъ получалъ деньги на чай, табакъ и прочія необходимости.—Пр. Бр. З—аго. Изъ писемъ Ш—ка, напечатанныхъ у г. Чалаго, не видно, чтобъ ему запрещено было пѣть (Ср. въ книгѣ г. Чалаго, стр. 66).

[2]) Бюрно—одинъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ въ краѣ; упоминается далѣе съ очень симпатичной стороны.—*М. Т.*

ствительно катастрофа); но я послѣ напишу тебѣ, что со мной случилось, а теперь и мѣста и времени мало, и произшествіе слишкомъ свѣжо для повѣствованія. И кстати о повѣствованіи: по извѣстному адресу отошли только *Варнако*,—*Княгиню* оставь у себя, она уже приготовилась. Какъ-бы ты досталъ карандаши, которые находятся у меня въ пальтѣ въ карманѣ, у Карла. Мягки, которые ты мнѣ прислалъ, или у меня рука очерствѣла. Живъ-ли мой альбомъ чистый у Карла? Возьми его и спрячь у себя.

Прощай, мой искренній друже, кланяйся Совѣ, Михайлу и протчимъ. На Варнакѣ напиши Желиховскому, или оставь такъ. Какъ ты найдешь лучше, такъ и здѣлай.

Цѣлую тебя всѣмъ сердцемъ моимъ.

3.

1854. Генваря.

Радуюсь твоею радостью, друже мой единый! Дай тебѣ Господи увидѣть твою скорбную мать и свою прекрасную родину.

Прости меня, друже мой единый, ежели найдешь письмо мое нескладнымъ и можетъ быть безсмысленнымъ. У насъ сегодня Байрамъ у Ирак. [1]), и я пишу тебѣ далеко за полночь, т. е. часу въ 4-мъ, а въ этомъ часу, я думаю, и у Юнга мысли были-бы не на мѣстѣ. Но это въ сторону, а вотъ въ чемъ дѣло: благодарю тебя сердечно за *Тріо* [2]) и проч., благодрю тебя за письма къ Аркадію; благодарю тебя за память о Варварѣ [3]), и ежели ты получишь о ней какое-бы то не было извѣстье и вскорѣ сообщишь мнѣ, то я тебя не благодарить буду, а боготворить.

Еще разъ благодарю тебя за копію Монаха и—я тебѣ какъ Богу вѣрю—ежели Левъ Филиповичъ [4]) такой человѣкъ, какъ ты говоришь, то и ты, и онъ скоро увидите и Акъ Тау и Каро-Тау, ежели не красками, то покрайней мѣрѣ *Сепію.*

(Съ того времени, какъ мы разсталися съ тобою, я два раза былъ на Ханга-бабѣ, пересмотрѣлъ и перещупалъ всѣ деревья и вѣточки, ко-

[2]) Иракліи Усковъ, комендантъ новопетр. укр.—*М. Т.*
[1]) Акварель Шевченки.—Пр. Бр. З—аго.
[3]) Варвара Николаевна Репнина.—*М. Т.*
[4]) Должно быть, Бюрно.—*М. Т.*

торыми мы съ тобою любовались, и признаюся тебѣ, друже мой, заплакалъ. Не было съ кѣмъ посмотрѣть на творенiе руки Божей.—вотъ причина слезъ моихъ: ты былъ далеко, близкiе куропатокъ и дикихъ голубей искали въ полѣ: мнѣ хотѣлося посѣтить Ханга-бабу съ Д. и Д. тоже хотѣлося, но фонъ-Беръ [1]), такой акуратный нѣмецъ, какого и въ сердцѣ Германiи рѣдко встрѣтить можно; три дня, говоритъ, буду на Мангишлакѣ, т. е. въ Ново-петровскомъ укрѣпленiи: сказалъ какъ отрѣзалъ—просто хуже всякаго нѣмца.

Поцѣлуй Карла за меня и скажи ему, что ежели онъ рѣшился побывать на Сырѣ; то я пойду за нимъ на Куанъ и на Аму, въ Тибетъ и всюду, куда только онъ пойдетъ.

Съ слѣдующею почтою напиши мнѣ о дѣлахъ Карла, или какъ ты говоришь при первомъ добромъ извѣстiи. *Iордана* [2]) и Сову я знаю, какъ твое сердце и, спасибо тремъ людямъ, теперь уже не въ Петрозаводскѣ, которые знали меня лично и не забыли меня, а потому, что остался одинъ изъ трехъ, посылаю сердечный поцѣлуй, а тѣмъ, которые знаютъ меня не лично и вспоминаютъ обо мнѣ, тысячу кровосердечныхъ поцѣлуевъ и братскую любовь.

Ты говоришь мнѣ о Бѣлозерскомъ и о моей бѣдной *Катеринѣ*, какъ будто ты ихъ лично знаешь; а коли знаешь, то напиши мнѣ о Бѣлозерскомъ и о *Катеринѣ*. Мы съ тобою поговоримъ, когда увидимся, и тогда я тебя съ ею познакомлю, а *Ильяшенка* и Петрова [3]) забудь и ты такъ, какъ я ихъ не помню.

Алексѣю Ивановичу пожелай всѣхъ благъ отъ меня въ его новой жизни; поблагодари его за память обо мнѣ, а ее за копiи съ монаха.

Поцѣлуй Поспѣлова, ежели онъ въ Оренбургѣ (и скажи ему, что г-жа Юрасова дрянь, к..... л..... скажи ему, что все это я ему говорю) [4]).

---

[1]) Должно быть, извѣстный академикъ Беръ, изучавшiй тогда рыбъ Каспiя. Онъ упоминается, какъ знакомый Шевченка въ письмѣ Писемскаго. Чалый, 93.

[2]) Поэма Желиговскаго. Ср. Бр. 3—аго.

[3]) Петровъ—тотъ студентъ, который донесъ на кирило-меѳодiевское братство. Ильяшенко не есть-ли тотъ прап. И—въ, который донесъ въ Оренбургъ, что Шевченко рисуетъ? (Ср. Чалаго 75).—*М. Т.*

[4]) Слова, взятыя нами въ скобки, въ нашей копiи перечеркнуты; вѣроятно такъ было и въ подлинникѣ.—*М. Т.*

Гороповичу скажи, что въ Бельгіи и прославленнымъ художникамъ дѣлать нѣчего,.. въ прочемъ поклонися ему.

Земляка изъ *Тального* и Михайла земляка С. обними и поцѣлуй такъ, какъ я-бы его поцѣловалъ. Съ Михайловымъ [1]) ты видѣлся мимоходомъ и говорилъ онъ тебѣ *Быкъ* съ *Киргизомъ* [2]) и за то благодарю. Дай Богъ ему всего того, чего онъ самъ себѣ желаетъ, а намъ съ тобою дай Боже еще разъ увидѣться въ этой жизни.

Поздравь Ѳому отъ меня и извинись за меня, что я ему не пишу съ этой почтой; завтра ученье и караулъ, и Алексѣю скажи тоже.

Изъ приказовъ я вижу, что ты назначенъ въ д. Баталь, а ты пишешь, что вскорѣ отправляешься на Сыръ, и я не знаю, что думать. Напиши мнѣ, ради святого Бронислава, какъ тебѣ адресовать мои грѣшныя посланія.

Цейзика [3]) и Людвига [4]) поцѣлуй отъ щирого сердца.

Цѣлую руки *ojca prefekta.*

Когда увидишь Ѳому Лазаревскаго, отдай ему мою грамотку, и скажи ему, что не было времени больше написать.

Ты мнѣ ничего не пишешь о Аркадіи. Что онъ и что съ нимъ? Пиши ему и цѣлуй его за меня, и скажи ему, чтобы онъ безбоязненно адресовалъ свои письма на имя коменданта новопетровскаго укрѣпленія.

Прощай, не забывай. *Ш.*

4.

6-го Іюня. 1854.

Витаю тебе, друже мій, Богу милый! Витаю тебе на лонѣ дѣвственной, торжественно прекрасной природы [5])! Много-бы и много молитвъ сердечныхъ послалъ бы я ко престолу живого Бога за одинъ часъ, проведенный съ тобою въ дремучемъ сосновомъ лѣсу, подъ темной тѣнью широковѣтвистой, мрачной, какъ дума Оссіяна, ели. Хорошо и,

---

[1]) Извѣстный потомъ писатель, оренбуржецъ родомъ, сосланный въ Сибирь. *М. Т.*

[2]) Bas-relief произведеній Шевченки изъ гипса. Пр. Бр. З—аго.

[3]) Полякъ, аптекарь въ Оренбургѣ Пр Бр. З—аго.

[4]) Людвигъ Сигизмундовичъ Турно, сосланный въ солдаты, сынъ полковника Турно.—Пр. Бр. З—аго.

[5]) Письмо писанное въ Богословскіе заводы, въ сѣверномъ Уралѣ, куда Залескій былъ переведенъ по производствѣ въ офицеры. Пр. Бр. З—аго.

Боже милый, какъ хорошо прошолъ-бы этотъ часъ съ тобою вмѣстѣ. Мы-бы выбрали хорошій пунктъ и освѣщеніе, и нарисовали-бы, по мѣрѣ силъ, грустную и величественную царицу лѣсовъ туманнаго сѣвера. Но увы! этой великой радости не суждено испытать мнѣ безталанному. Самая горькая отрава нашего моральнаго бытія это безнадежность, и эту жестокую отраву я вполнѣ чувствую.

Прочь! прочь! змія лютая, ненасытная хоть на одинъ часъ, пока бесѣдую съ тобою, друже мой милый! друже мой единый!

Первое твое письмо прочиталъ я и не мало удивился, что ты въ немъ ничего не вспоминаешь о моей просьбѣ, а это вышло потому, что ты не читалъ моего письма отъ 5-го февраля, а я читалъ твое письмо и не посмотрѣлъ, что оно писано 20 февраля. Слона то, какъ говоритъ Крыловъ, я и не замѣтилъ, да сдуру и задаю себѣ вопросъ, чтобы это могло значить. Во второмъ твоемъ письмѣ я прочиталъ, что ты получилъ мое письмо уже на мѣстѣ твоего теперешнего пребыванія: и слава Богу, какъ ты говоришь. Письмо твое къ Сигизмунду вѣроятно не застало уже Карла въ Оренбургѣ, потому что и до сей поры не имѣю отъ него никакого извѣстія. У П... дѣйствительно не оказалось германскихъ книгъ, не оказалось даже денегъ, чтобы купить ихъ: это естественно, человѣкъ передъ походомъ. А ты до глубины обрадовалъ мое сердце обѣщаніемъ прислать ***Кернера*** и особенно ***Богдана Залескаго.*** Благодарю тебя, друже мой милостивый! Благодарю я тебя и за прекрасные пѣсни *Совы:* мнѣ особенно понравилось изъ нихъ *„Два слова“* и *„Экспромтъ“:* если ты съ нимъ въ перепискѣ, то въ каждомъ твоемъ (письмѣ) цѣлуй его за меня всею полнотою моего сердца.

Отъ поэзіи перехожу прямо въ прозу. Что дѣлать! такова жизнь наша. Вотъ въ чемъ дѣло: Праклій проситъ тебя, чтобы заказалъ для него въ Екатеринбургѣ яшмовую или топазовую печатку, для чего и посылается тебѣ это изображеніе, правду сказать, весьма неуклюжее, а потому ты и оставь его въ тунѣ, а закажи такой величины и формы, какъ ты свое послѣднее письмо запечаталъ, съ изображеніемъ лука и колчана на щитѣ, а на верху щита, вмѣсто шлема, дворянская корона.

Если просьба эта не будетъ сопряжена съ большими затрудненіями, то, прошу тебя, исполни ее. Есть у меня въ Екатеринбургѣ на гра-

пильномъ заводѣ товарищъ мой, нѣкто Пономаревъ: обратися къ нему, или какъ найдешь лучше.

Кланяется тебѣ Ираклій и Агата, кланяется тебѣ З. и Н.

Вотъ еще что: если ты не запасься *Каламомъ*, то совѣтовалъ-бы тебѣ выписать его черезъ Аркадія хоть нѣсколько эпизодовъ: это было-для тебя весьма полезно. Я изъ Одессы не имѣю совершенно никакихъ свѣдѣній, а самъ не пишу туда потому, что не имѣю адреса. Бога-ради, пришли ты мнѣ адресъ Аркадія.

Въ послѣднемъ письмѣ П. писалъ мнѣ, что *ojciec prefect* сильно и опасно захворалъ; правда-ли это?

Добрый Л. Ф. [1]) просилъ В. А. [2]), чтобы позволилъ мнѣ написать образъ для здѣшней церкви и мнѣ отказано!

Грустно! невыносимо грустно! При такихъ неудачахъ, я думаю, и величайшій поэтъ откажется отъ всякой надежды на лучшую долю, а мнѣ безталанному и давно можно закрыть глаза для будущаго лучшаго.

Прощай, друже мой вѣрный! да благословитъ Господь всѣ дѣла твои и всѣ намѣренія твои! Не забудь выписать Оссіяна, онъ кажется есть въ французскомъ переводѣ. Ты теперь его съ наслажденіемъ прочитаешь. Декорація у тебя для Оссіяна превосходная.

Не имѣю больше тебѣ ничего сообщить, друже мой, ни хорошого, ни худого, окромѣ развѣ, что у меня ни полъ карандаша Фабера не имѣется; а хорошее вотъ что у насъ: прошедшей осенью Ираклій посадилъ на извѣстномъ тебѣ огородѣ нѣсколько вербъ и онѣ теперь зеленѣютъ; лѣтъ черезъ 10 ихъ можно будетъ рисовать, а пока я ограничиваюсь воображеніемъ, тебѣ-же совѣтую, друже мой, какъ можно болѣе дѣлать этюдовъ съ деревьевъ. Не упускай случая, учись, Богъ знаетъ, прійдется-ли другой разъ провести лѣто въ лѣсу.

Какъ-бы я радъ былъ, если-бы хотя къ зимѣ состоялся твой переводъ въ Оренбургъ; я бы себя чувствовалъ меньше сиротою, нежели это я теперь чувствую.

---

[1]) Левъ Филиповичъ.—*М. Т.*

[2]) Василій Алексѣевичъ Перовскій, корпусный командиръ и оренбургскій губернаторъ.—Пр. Бр. З—аго. У г. Чалаго въ письмѣ Бр. Залескаго къ Шевченку (стр. 83) стоитъ почему-то около имени Василій Алексѣевичъ—?—*М. Т.*

Кланяйся и цѣлуй Аркадія и сына его Бронислава.

Еще разъ прошу тебя на счетъ печатки, а въ отношеніи формы я полагаюсь совершенно на тебя. Еще маленькое условіе, чтобы печатка обошлась не болѣе 10 руб. сер.

Поцѣлуй Ѳ. и извини меня передъ нимъ, что я не пишу ему теперь,—въ караулъ гонятъ.

5.

9 октября. 1854-й годъ.

Вотъ что, мой искренный друже! Мы вообще болѣе или менѣе любимъ извинять свои даже неизвинительные проступки и маскировать ихъ, чѣмъ попало, лишь-бы казалось правдоподобно. Я тоже человѣкъ, только не маскирую передъ тобою моего долгаго, ничѣмъ неизвинительнаго молчанія, а раскажу тебѣ всю правду, какъ было. Почти вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ прибыла къ намъ и экспедиція Бера, а въ этой экспедиціи (какъ я тебѣ и прошлый годъ писалъ) находится и твой знакомый N. Данилевскій (который помнитъ и кланяется тебѣ), а такое явленіе, какъ Д., въ нашей пустынѣ можетъ скружить и не мою голову. Въ продолженіи его пребыванія здѣсь я почти съ нимъ не разлучался. Онъ своимъ присутствіемъ оживилъ во мнѣ одинокомъ давно прожитые прекрасные дни. Теперь, я думаю, ты простишь меня за молчаніе. Вообрази меня нѣсколько дней сряду счастливымъ, и ты, какъ мой самый искренный другъ, простишь меня и въ сердцѣ порадуешся моей мимолетной радости. Д. уѣхалъ теперь на короткое время въ устье Эмбы и я, пользуясь его отсутствіемъ, пишу панегирикъ прекрасному уму и сердцу N. Д., а впротчемъ все, что мнѣ бы хотѣлося написать тебѣ объ немъ, то это не умѣстилось-бы и на двухъ дестяхъ бумаги, а не то, что на одномъ листѣ, а потому и ограничусь, сказавъ тебѣ, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ; жаль только, что онъ ученый, а то былъ-бы настоящій поэтъ.

Но довольно пока о Д., поговорю о себѣ: съ наслажденіемъ прочиталъ я твое искренное письмо и душевно порадовался твоей надеждѣ быть переселену въ Оренбургъ, все таки ближе ко мнѣ. С. даже пишетъ мнѣ, что ты оставляешь военное сословіе и дѣлаешся библіотекаремъ оренбургской публичной библіотеки. Далъ-бы Богъ! я впрочемъ повѣрю только тогда, когда ты мнѣ самъ напишешь. Такъ-ли, или иначе, только

я сердечно желаю, чтобы ты скорѣе переселился въ Оренбургъ. Изъ твоего описанія окрестностей Златоуста я вижу, что тамошніе лѣса совсѣмъ не похожи на оссіановскіе лѣса, а болѣе похожи на полярные, безлюдные пустыни, величавыя только своимъ пространствомъ.

Милого Богдана [1]) я получилъ съ сердечною благодарностію и теперь съ нимъ не разлучаюсь; многіе пьесы наизусть уже читаю, одно иногда сердце тяготить - нѣкому слушать, нѣкому передавать той прелести, которую заключаетъ въ себѣ поэзія, а одному тяжело носить этотъ избытокъ возвышенныхъ божественныхъ идей. Во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ необходимъ для человѣка. Нынѣшнее лѣто прибыло сюда нѣсколько человѣкъ комфирмованыхъ; но лучше было-бъ не видать мнѣ ихъ никогда. Пустота страшная! но Богъ съ ними.

Переводы Совы такъ прекрасны, какъ и его оригинальная поэзія, и я не изъ скромности авторской, а говорю, какъ понимаю вещь. *Катерина* моя не такъ хороша, а главное не такъ цѣла, чтобы ее переводить, и переводить Совѣ, а впротчемъ онъ можетъ быть это лучше меня знаетъ. *Два слова*— эта идея такъ возвышенно прекрасна и такъ просто высказана у Совы, что Плещеева переводъ хотя и передаетъ идею вѣрно, но хотѣлось-бы изящнѣе стиха, хотѣлось-бы, чтобы стихъ легче и глубже ложился въ сердцѣ, какъ это дѣлается у Совы.

Ты мнѣ обѣщалъ еще томъ B. Z. [2]); благодарю тебя, друже мой единый! Что-же я тебѣ пошлю? чѣмъ я съ тобою подѣлюся? Я здѣсь, по милости N. читаю постоянно *Новины русской литературы*, и прочиталъ біографію Гоголя, которую ты мнѣ рекомендуешь. Она заинтересовала меня, какъ и тебя, письмами какъ документами, но какъ біографія она не полна [3]). Ты мнѣ въ первый разъ говоришь о Гороновичѣ довольно ясно, и я радъ, что ты его наконецъ увидѣлъ съ настоящаго пункта. Какъ живописца я его не знаю, а какъ человѣкъ онъ дрянь, это я знаю; но Богъ съ нимъ.

---

[1]) Поэзія Богдана Залескаго, на польскомъ языкѣ.—Пр. Бр. З—аго.

[2]) Богдана Залескаго.—Пр. Бр. З—аго.

[3]) Дѣло идеть, очевидно, объ «Опытѣ біографіи Гоголя» Н. М. (т. е. П. А. Кулиша) въ «Современникѣ».—*М. Т.*

Одескіе событія и на милого нашего Аркадія имѣли вліяніе, а въ томъ числѣ и на меня, разумѣется косвенно; я впротчемъ еще и *цыгана* [1]) не промоталъ, слѣдовательно до нужды еще далеко, а онъ то бѣдный, какъ видно, въ порядочныхъ тискахъ. Когда будешь писать ему, не забудь поцѣловать его за меня.

Я такъ опоздалъ теперь съ своимъ письмомъ, что не знаю куда и адресовать. Теперь уже осень и я тебя воображаю въ Оренбургѣ, а ты можешь быть еще въ богословскомъ заводѣ: что дѣлать, не знаю. Во всякомъ случаѣ я адресую на имя ojca prefecta, и когда ты уже въ Оренбургѣ и Карлъ тоже, то прошу тебя, поторопися выслать то, о чемъ я тебя просилъ, кромѣ платья, поторопися потому, что къ намъ тяжелая почта приходитъ въ послѣдній разъ въ октябрѣ. Естли не успѣешь, то отложи до марта. Сигизмундъ [2]) прислалъ мнѣ 6 карандашей Фабера № 2, и онѣ лежатъ у меня безъ употребленія. Не забудь, что карандаши мои въ карманѣ въ пальто, тамъ-же въ карманѣ есть еще двѣ гравировальные иглы и два куска чорнаго лаку для натиранія мѣдной доски; ихъ тоже пришли.

Ираклій кланяется тебѣ и проситъ тебя не забыть о печати, и я о томъ-же прошу тебя; ты этимъ меня заставишь долго и искренно благодарить тебя.

Агата тоже тебѣ кланяется: эта прекраснѣйшая женщина для меня есть истинная благодать Божія. Это одно, единственное существо, съ которымъ я увлекаюсь иногда даже до поэзіи. Слѣдовательно я болѣе или менѣе счастливъ; можно сказать, что я совершенно счастливъ; да и можно-ли быть иначе въ присутствіи высоконравственной и физически прекрасной женщины? Она тебя помнитъ и вспоминаетъ о тебѣ часто съ удовольствіемъ.

Что-же мнѣ еще написать тебѣ, друже мой единый? Ничего не напишу, чтобы не испортить письма какою-нибудь грустною мыслію. Неправда-ли, ни одно письмо мое къ тебѣ не оканчивалось такъ отрадно, какъ это? Великая вещь — сочувствіе ко всему благородному и прекрасному въ природѣ, и естли это сочувствіе раздѣляется съ кѣмъ-бы то

[1]) Акварель Шевченка. — Пр. Бр. З — аго.

[2]) Сѣраковскій. — Тоже.

не было, тогда человѣкъ не можетъ быть не счастливъ. Естли будешь писать Совѣ, то поцѣлуй его за меня и пожелай ему много-много возвышенныхъ мыслей и стиховъ.

А если ты теперь въ Оренбургѣ, то поцѣлуй за меня руку ojca prefecta и поцѣлуй милого моего и добраго Цейзика. Сигизмунду я пишу теперь-же.

Не забывай меня, друже мой единый.

(Продолженіе будетъ).

Библіографія.

Izydor Szaraniewicz.—O latopisiach i kronikach ruskich XV i XVI wieku, a zwłaszcza „wielikoho kniażtwa litowskoho i żomoitskoho“. Osobne odbicie z rospraw wydziału filozoficznego akademij umiejętności. T. XV. Krakow. 1882.

Исидоръ Шараневичъ.—О русскихъ лѣтописяхъ и хроникахъ XV и XVI ст., въ особенности-же о лѣтописи великаго княжества литовскаго и жомоитскаго.—Оттискъ изъ извѣстій философскаго отдѣла краковской академіи наукъ, томъ XV. Краковъ. 1882 г.

Уважаемый львовскій профессоръ г. Исидоръ Шараневичъ, въ качествѣ члена краковской академіи наукъ, предложилъ этой академіи предпринять изданіе западно-русскихъ лѣтописцевъ XV и XVI столѣтій и составилъ трудъ, заглавіе котораго выписано выше, въ качествѣ предварительнаго разсужденія съ цѣлью обратить вниманіе академіи на предложенные имъ для изданія памятники. Этою цѣлью и объясняется то обстоятельство, что записка много потрудившагося для исторіи галицкой Руси ученаго появилась на польскомъ языкѣ.

Въ изслѣдованіи своемъ г. Шараневичъ подвергаетъ внимательному разбору и сличенію между собою слѣдующія западно-русскія лѣтописи, такъ называемаго литовскаго или средняго цикла, который онъ строго отграничиваетъ какъ отъ цикла древнихъ русскихъ лѣтописей, такъ и отъ цикла лѣтописцевъ позднѣйшихъ, козацкихъ:

1) Лѣтопись великихъ князей литовскихъ (изд. Даниловича и Попова).

2) Русская лѣтопись (изд. Даниловича).

3) Краткая кіевская лѣтопись (изд. кн. Оболенскаго, такъ наз. Супральская).

4) Хроника литовская (изд. Нарбутта, такъ наз. Быховца).

5) Лѣтописцы Волыни и Украины (рукопись института Оссолинскихъ во Львовѣ).

6) Лѣтописецъ великаго княжества литовскаго и жомоитского (рукопись библіотеки Рачинскихъ въ Познани и копія его fac-simile, изготовленная Бѣлёвскимъ для рукописнаго отдѣленія института Оссолинскихъ во Львовѣ).

Первые четыре источника хорошо извѣстны въ русской исторіографіи, потому мы обратимъ вниманіе только на два послѣдніе. *«Лѣтописцы Волыни и Украины»* представляютъ собственно рукописный сборникъ лѣтописей, въ составъ котораго вошли 6—7 отрывковъ мѣстныхъ лѣтописей: кіевскихъ, волынскихъ и смоленскихъ XVI и XVI столѣтій, текстъ которыхъ частью совпадаетъ, частью поясняетъ и дополняетъ извѣстныя понынѣ русскія лѣтописи; нѣкоторые-же отрывки представляютъ совершенно самостоятельные и оригинальные лѣтописные разсказы. *«Лѣтописецъ великаго княжества литовскаго и жомоитскаго»*, разборомъ котораго г. Шараневичъ занялся особенно тщательно и подробно, представляетъ по его мнѣнію совершенно самостоятельную лѣтопись и напрасно по нынѣ почитался варіантомъ лѣтописи Быховца. Мнѣніе это авторъ подтверждаетъ многочисленными сличеніями обоихъ текстовъ; важнѣйшіе его аргументы состоятъ въ слѣдующемъ: составитель «лѣтописца великаго княжества литовскаго» по убѣжденіямъ своимъ преданъ монархической власти великихъ князей и одобряетъ ихъ политическія тенденціи; онъ съ особою любовью повѣтствуетъ о дѣяніяхъ великихъ князей Александра и Сигизмунда, не одобряетъ князя Михаила Глинскаго и при каждомъ удобномъ случаѣ заноситъ въ лѣтопись распространяемые его врагами дурные о немъ слухи; составитель этой лѣтописи жилъ правдоподобно при дворѣ Сигизмунда I; ему не только точно и подробно извѣстна политическая дѣятельность этого великаго князя, но онъ заноситъ въ лѣтопись съ мельчайшими подробностями (указывая часы, обстановку, погоду и т. п.) всѣ случаи чисто семейной его жизни и мелкія придворныя происшествія; притомъ составитель лѣтописи пользуется совершенно самостоятельными оффиціальными документами, изъ которыхъ подробно вымѣчаетъ различныя пожалованія, назначенія въ должности и т. д., а также, вѣроятно изъ придворной метрической книги, выписываетъ обстоятельныя свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія князей, о дняхъ рожденія дѣтей въ семьѣ великаго князя и т. п. Источники эти не были извѣстны составителю лѣтописи Быховца, который за то пользовался при разсказѣ событій XIII вѣка Ипатскою лѣтописью, совершенно не извѣстною «Лѣтописцу великаго княжества

литовскаго и жомоисткаго». Притомъ, по своему субъективному настроенію и по политическимъ симпатіямъ, составитель лѣтописи Быховца стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія; онъ сочувствуетъ группѣ литовско-русскихъ князей, пытавшихся ограничить власть великаго князя и противудѣйствовавшихъ уніи съ Польшею, вслѣдствіе этого отзывы его о князѣ Глинскомъ сочувственны, а дѣйствія вел. кн. Александра подвергаются часто порицанію. Наконецъ обѣ лѣтописи, хотя составлены по одному плану, тѣмъ не менѣе и начинаются не вполнѣ тождественно и грекращаются въ различное время.

Конечно, сколь ни авторитетно имя г. Шараневича, мы полагаемъ, что его выводы могутъ быть окончательно провѣрены историческою критикою только послѣ изданія «Лѣтописца великаго княжества литовскаго и жомоитскаго», но тѣмъ не менѣе мы признаемъ, что его добросовѣстный ученый трудъ въ значительной мѣрѣ подготовляетъ разработку историческаго матеріала для исторіи западной Руси, надъ которымъ понынѣ трудились весьма немногіе ученые. Въ случаѣ-же, если состоится предположенное г. Шараневичемъ изданіе западно-русскихъ лѣтописей, исторія западно-русскаго края будетъ ему вдвойнѣ признательна какъ за инипіативу этого весьма желательнаго научнаго предпріятія, такъ и за солидный трудъ, предпринятый имъ для объясненія и оцѣнки самыхъ существенныхъ памятниковъ западно-русскаго бытописанія.

В. А.

Дренякинъ.—Бѣлгородъ съ уѣздомъ. Историко-статистическій очеркъ. Харьковъ, 1882 г.

Книжка г. Дренякина, «члена сотрудника императорскаго русскаго географическаго общества», какъ значится въ его подписи подъ предисловіемъ, привлекла наше вниманіе какъ своимъ заглавіемъ, такъ и квалификаціею автора. При крайней скудости какъ источниковъ, такъ и разработки исторіи слободскихъ полковъ, мы разсчитывали найти въ монографіи г. Дренякина мѣстный матеріалъ для дополненія малочисленныхъ свѣдѣній, приведенныхъ понынѣ въ извѣстность, объ исторической судьбѣ слободской Украйны. Ожиданія наши были естественны, такъ какъ въ теченіи всего XVIII столѣтія Бѣлгородъ былъ центральнымъ мѣстомъ управленія козацкихъ слободскихъ полковъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ бѣлгородскихъ воеводъ.

Къ несчастію, надежды наши не оправдались и изъ брошюры г. Дренякина мы не только не узнали ничего новаго, но нашли въ ней

менѣе данныхъ, чѣмъ въ двухъ страницахъ географическо-статистическаго словаря Семенова, посвященныхъ Бѣлгороду и его уѣзду, съ которыми авторъ даже не справился, не смотря на свое званіе «члена сотрудника географическаго общества». Вся тощая, хотя роскошно изданная, брошюра (65+II стр.) раздѣлена, согласно заглавію, на двѣ части: историческую и статистическую. Въ статистической части помѣщены подъ видомъ статистическихъ таблицъ различныя перечневыя вѣдомости, не дающія метеріала ни для сличеній, ни для выводовъ; при чемъ мы замѣтили, что нѣкоторыя таблицы составлены по весьма странному методу: одни и тѣже заглавія надписаны и въ верхнихъ графахъ и въ боковыхъ и имъ конечно отвѣчаетъ одна и таже цыфра. Предоставляя впрочемъ статистикамъ судить о достоинствѣ этой части труда г. Дренякина, мы конечно обратились съ большимъ интересомъ къ исторической части, но здѣсь мы нашли даже не компиляцію, а простыя выписки изъ двухъ сочиненій, которыми, по неизвѣстной причинѣ, авторъ нашелъ возможнымъ исключительно ограничиться,—изъ «Городскихъ поселеній россійской Имперіи» и изъ статьи архимандрита Анатолія: «Бѣлгородъ и его святыня», помѣщенной въ «Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Хотя изъ выписокъ этихъ мы узнаемъ, въ чемъ впрочемъ и раньше мы не сомнѣвались, что Бѣлгорода (курскаго) не слѣдуетъ отождествлять ни съ Бѣлгородомъ кіевскимъ, ни съ Бѣлою Вѣжею хазарскою; но за то ни объ исторіи колонизаціи хотя-бы только бѣлгородскаго уѣзда, ни о значеніи бѣлгородскихъ воеводъ въ XVII ст., ни объ устройствѣ слободскихъ полковъ, мы не находимъ ничего, кромѣ намековъ на общіе, всѣмъ давно извѣстные факты. Воздержаніе свое по этому поводу авторъ объясняетъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, всѣ матеріалы для болѣе обстоятельной мѣстной исторіи «то вывезены, то подверглись тлѣнію, мышеѣду (sic) или пошли на обертку корицы и гвоздики». Изъ такого безнадежнаго и безвыходнаго положенія историкъ Бѣлгорода спасенъ только тѣмъ, что уцѣлѣли «Городскія поселенія россійской имперіи» и статья архимандрита Анатолія.

Прочитавъ книжку г. Дренякина, читатель невольно задаетъ себѣ вопросъ: къ чему и для кого она издана? На вопросѣ этотъ авторъ отвѣчаетъ, что онъ желалъ «распространить по лицу родной мѣстности вѣрныя о ней свѣдѣнія—новизну для большинства». Сомнѣваясь нѣсколько въ «новизнѣ» свѣдѣній, мы полагаемъ, что даже желанію популяризировать эти скудныя свѣдѣнія авторъ самъ положилъ довольно существенную преграду»,—его тощая во всѣхъ отношеніяхъ брошюра стоитъ 1 рубль.

В. А.

Сношенія императора Рудольфа II съ козаками и ихъ участіе въ войнѣ угро-турецкой 1594—1592 года. Написалъ Корнило Заклинскій. Львовъ. 1882 г.

Г. Корнило Заклинскій молодой, весьма трудолюбивый и талантливый галицко-русскій ученый, недавно еще выступилъ на литературное поприще. Если не ошибаемся, первый его трудъ появился на страницахъ научно литературнаго львовскаго журнала «Зоря» въ 1880 г., подъ заглавіемъ: «Руски лѣтописи и лѣтописцѣ XVII столѣтія». Въ этомъ трудѣ авторъ представилъ весьма тщательный и дѣльный разборъ т. н. козацкихъ лѣтописей XVII ст. Продолжая заниматься въ избранномъ направленіи, г. Заклинскій помѣстилъ въ годичномъ отчетѣ академической (русской) гимназіи во Львовѣ за 1882 г., въ которой онъ состоитъ учителемъ, монографію, заглавіе которой мы выписали.

Не смотря на скромный размѣръ предположенной задачи, г. Заклинскій познакомился весьма основательно съ многочисленными источниками и пособіями, относящимися къ избранному имъ сюжету и малѣйшую подробность обставилъ ссылками, свидѣтельствующими о крайне добросовѣстномъ отношеніи его къ историческому изученію. Кромѣ сочиненій и документовъ, относящихся непосредственно къ исторіи козачества и южной Руси, онъ изучилъ важнѣйшіе источники для исторіи Германіи, Турціи, Польши, Венгріи и Трансильваніи въ концѣ XVI столѣтія и извлекъ изъ нихъ всѣ указанія и данныя для своего сюжета. Очеркъ отличается живымъ и толковымъ изложеніемъ. Указаны причины борьбы Турціи съ Германіею и, вслѣдствіе завоевательной политики первой, изолированное положеніе императора Рудольфа второго въ то время, когда турки устремились съ усиленною энергіею на завоеваніе Венгріи. Вслѣдствіе малодушной и недальновидной политики Польши, императоръ Рудольфъ долженъ былъ одинъ вынести все бремя борьбы, средства-же его были весьма ограничены; члены германской имперіи не доставляли на военныхъ контингентовъ, ни денегъ, и императоръ принужденъ былъ силы для борьбы извлекать исключительно изъ своихъ родовыхъ владѣній. Между тѣмъ въ 1593 году сильная турецкая армія, подъ начальствомъ Синана-паши, переправилась черезъ Дунай, заняла южную часть Венгріи, вмѣстѣ съ ея столицею Будою, и овладѣла сильною крѣпостью Рабатъ; въ помощь этой арміи вызваны были крымскіе татаре; они цѣлою ордою прорвались черезъ польскія владѣнія, прошли Карпаты и соединились на Дунаѣ съ турецкою арміею. Среди столь трудныхъ обстоятельствъ при дворѣ императора въ Прагѣ появился политическій авантюристъ, нѣкто Станиславъ Хлопицкій, который, выдавая себя за козац-

каго гетмана, предложилъ императору содѣйствіе козацкаго корпуса, числомъ въ 10,000 человѣкъ, которые будто отправили его въ Прагу, съ порученіемъ заявить свою готовность поступить на императорскую службу. Рудольфъ II не имѣлъ яснаго представленія о томъ, что такое козаки, и потому поручилъ своему послу, отправлявшемуся въ Москву, собрать справки по этому предмету. Посолъ вскорѣ донесъ, что въ Москвѣ совѣтуютъ принять козаковъ на службу, что это народъ воинственный, искони враждебный туркамъ и весьма удобный въ качествѣ наемнаго войска, особенно для партизанской войны. Получивъ это извѣстіе, императоръ рѣшился воспользоваться предложеніемъ Хлопицкаго и отправилъ къ казакамъ посла—Эриха Ляссоту съ подарками и съ предложеніемъ явиться къ нему на помощь въ Венгрію и безпокоить турокъ нападеніями на ихъ владѣнія. Исторію этого посольства г. Заклинскій описалъ весьма подробно по извѣстному дневнику самаго Ляссоты. Результатомъ договора, заключеннаго послѣднимъ съ козаками въ Сѣчи на Базавлукѣ, были три похода козаковъ противъ турокъ и ихъ союзниковъ, предпринятые въ 1594 и 1595 годахъ подъ начальствомъ Лободы и Наливайка. Первый походъ Наливайка, въ іюлѣ 1594 года, имѣлъ цѣлію произвести диверсію въ тылу турецкой арміи; Наливайко сжегъ города Тягинь, Килію и опустошилъ турецкія и татарскія поселенія по нижнему Дунаю и Пруту. Гораздо болѣе вліянія на общій ходъ войны имѣлъ походъ, препринятый въ сентябрѣ того-же года на Молдавію; Лобода и Наливайко съ отрядомъ въ 12,000 козаковъ опустошили сѣверную Молдавію, заняли Яссы и разбили у Сучавы молдавскаго господаря Арона, вѣрнаго донынѣ вассала султана; пораженіе это заставило Арона отказаться отъ зависимосси отъ Турціи и вступить въ союзъ съ волошскимъ господаремъ Михаиломъ и трансильванскимъ княземъ Сигизмундомъ Батори; союзники рѣшили отложиться отъ Турціи и подчиниться императору, который такимъ образомъ пріобрѣталъ весьма солидную поддержку въ борьбѣ съ турками. Комбинацію эту давно уже предлагалъ Сигизмундъ Батори, но она не могла состояться вслѣдствіе сопротивленія Арона, который принужденъ былъ приступить къ союзу только вслѣдствіе погрома, нанесеннаго ему козаками. Это важное политическое значеніе похода Лободы и Наливайка первый разъ указано г. Заклинскимъ, такъ какъ донынѣ, со словъ польскихъ бытописателей, обыкновенно полагали, что походъ этотъ былъ предпринятъ исключительно съ цѣлью грабежа. Наконецъ третій походъ состоялся въ августѣ 1595 года. Наливайко прорвался черезъ Карпаты въ Венгрію и до поздней осени принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ турокъ имперской арміи, состоявшей подъ начальствомъ эрцгерцога Максимиліана. Въ 1596 году участіе

козаковъ въ венгерско-турецкой войнѣ прекратилось, потому что въ это время имъ пришлось бороться съ поляками. Поводомъ этого столкновенія и были главнымъ образомъ походы козаковъ въ Венгрію, такъ какъ польское правительство въ данное время, руководясь взглядами канцлера Яна Замойскаго, старалось не только сохранить строгій нейтралитетъ, но и оказывало косвенно нерасположеніе къ императору и поддержку Турціи,—поляки пропустили черезъ свои владѣнія татаръ, стремившихся въ Венгрію и потомъ способствовали возведенію на престолъ Молдавіи господаря, расторгшаго союзъ христіанскихъ князей въ придунайскихъ земляхъ. Конечно при такомъ настроеніи польское правительство должно было воздержать козаковъ отъ походовъ въ помощь императору и потому приказало гетману Жолкевскому разсѣять ополченія Лободы и Наливайка.

Мы передали въ краткихъ чертахъ содержаніе монографіи г. Заклинскаго; остается намъ пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свои изслѣдованія съ такими-же научными пріемами, какіе мы встрѣтили въ его первыхъ двухъ работахъ, и мы не сомнѣваемся, что онъ займетъ весьма почетное мѣсто среди тружениковъ, разрабатывающихъ исторію южной и западной Руси.

В. А.

О Богданѣ Хмельницкомъ, соч. Н. Н. Буцинскаго. Харьковъ, въ тип. Зильберга. 1882 г. 8°. 240.

Въ весьма недавнее время въ Харьковѣ вышла интересная по сюжету и проводимому въ ней взгляду книжка, заглавіе которой сейчасъ приведено. Авторъ оной, г. Буцинскій, силится, такъ сказать, пролить совершенно новый свѣтъ на личность Богдана Хмельницкаго, на его отношенія къ московскому государству и Украйнѣ, заявивъ, что онъ воспользовался матеріаломъ, который находится въ «польской коронной метрикѣ» и которымъ до сихъ поръ ни одинъ изъ изслѣдователей эпохи Богдана Хмельницкаго не пользовался.

«Польская коронная метрика» составляетъ собственно архивъ королевства польскаго, послѣ взятія Суворовымъ Варшавы, по повелѣнію императрицы Екатерины II, перевезенный въ Петербургъ. Впослѣдствіи часть этого архива перевезена въ Москву и въ настоящее время она составляетъ особый отдѣлъ въ главномъ московскомъ «архивѣ иностранныхъ дѣлъ». «Эти матеріалы, при надлежащемъ сопоставленіи и обсужденіи, говоритъ нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ, должны измѣ-

нить вообще принятый наукою взглядъ на личность Богдана Хмельницкаго и на характеръ его многознаменательной эпохи».

Не входя въ разборъ книги Буцинскаго, а только дѣлая библіографическое извѣстіе, прибавимъ слова автора, по поводу смерти Богдана: «онъ (т. е. народъ украинскій) не получилъ отъ Богдана ничего, кромѣ ничтожнаго преемника, въ лицѣ его сына Юрія, которому приличнѣе было-бы «козацкіе курени подметать, по выраженію народной думы, чѣмъ гетманствовать», ничего, кромѣ смутъ, волненій, междоусобій и тысячи новыхъ бѣдствій».

Эпиграфомъ къ книгѣ взяты слѣдующія слова изъ народной пѣсни:

О бодай Хмеля Хмельницкого
Перва куля не минула...
А другая устрелила,
У серденько уцелила.

Мы указали основную мысль автора; какъ онъ справился съ нею, насколько успѣлъ раскрыть и подтвердить оную положительными историческими данными, съ помощію стараго и новаго матеріала, о томъ будетъ сказано особо. Выдающаяся историческая личность Хмельницкаго и установившіеся въ наукѣ взгляды на него требуютъ, конечно, осторожнаго и крайне серьезнаго обращенія съ ними. Остался-ли авторъ названной книги вѣрнымъ этой мысли, увидимъ впослѣдствіи.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ПАНЪ ЯНЪ МОНАСТЫРСКІЙ,

(раціональный хозяинъ-помѣщикъ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія).

Обыкновенно разсказываютъ, что помѣщики нашего края во времена крѣпостнаго права заботились о томъ, чтобы привести своихъ крестьянъ въ самое лучшее экономическое положеніе,—что это было прямо въ интересахъ самого помѣщика, что если и жилось тяжело крестьянамъ, если и бывали они поставлены въ безвыходное положеніе, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда село было отдано въ поссесію или вообще на тѣхъ или другихъ условіяхъ находилось во временномъ владѣніи какого-нибудь лица. Далеко не такъ было на самомъ дѣлѣ, далеко не такъ думалъ самъ помѣщикъ, желавшій и умѣвшій, какъ можно больше, извлечь пользы изъ своего имѣнія; онъ, напротивъ того, старался, какъ можно больше, обнищить своихъ крестьянъ, убить ихъ морально, принудить сдѣлаться его должниками и такимъ образомъ превратить въ своихъ вѣчныхъ экономическихъ рабовъ. У насъ подъ рукой нѣсколько уголовныхъ дѣлъ начала двадцатыхъ годовъ этого столѣтія о угнетеніи помѣщиками своихъ крестьянъ, и помѣщики эти, по заявленію современниковъ, сосѣднихъ съ первыми пановъ, хорошіе, разумные хозяева; таковы: въ кіевскомъ уѣздѣ—помѣщикъ Руцицъ, владѣтель с. Рубежевки, въ липовецкомъ уѣздѣ—Ягеловичъ, владѣ-

тель с. Терлицы, Халандовой, въ звенигородскомъ—Янъ Монастырскій, повѣтовый хорунжій, владѣтель Окниной, Рушковки и Неморожа. Изъ нихъ болѣе характерный послѣдній, и дѣло [1]) его съ неморожскими крестьянами полнѣе дѣлъ первыхъ двухъ; на немъ мы остановимся и покажемъ, въ чемъ заключалась его раціональная система хозяйства.

Въ началѣ 1816 года въ с. Неморожъ пріѣхалъ новый владѣлецъ, Монастырскій, купившій его у помѣщика Чарковскаго; послѣдній, собравъ все неморожское общество въ свой дворъ, представилъ ему новаго повелителя. Не весело встрѣтили неморожане такую перемѣну; они знали, какъ хозяйничалъ Монастырскій въ недалеко лежащемъ отъ Неморожа селеніи Окниной, и громко заявляли опасенія на счетъ ожидающей ихъ участи: „пропали жъ мы теперь", говорили они при представленіи. Чарковскій, хотя владѣлъ Неморожемъ въ пору значительнаго усиленія крѣпостнаго права въ звенигородскомъ уѣздѣ, но опасаясь борьбы съ крестьянами, не измѣнялъ издавна заведеннаго инвентаря, и крестьянамъ жилось болѣе или менѣе сносно, было нѣсколько хозяевъ, которые жили даже богато. Монастырскій, какъ новый владѣлецъ и опытный хозяинъ, ничего не побоялся, ничѣмъ не стѣснялся; онъ тутъ же въ дворѣ предложилъ крестьянамъ новое условіе:

— Вы до сеи поры робили панщины по три дні въ тыждень, відъ кожнои хати, говорилъ онъ неморожской громадѣ, а теперь мені робіть по три дні відъ кожнои души, а за се я платитиму за васъ всі казенни податки и чиншу не буду требовать зъ васъ!

— Добре, паце! коли такъ, то будемо робить по три дні видъ душі, отвѣтили селяне, соглашаясь на предложеніе своего новаго помѣщика; но письменно никакого условія не заключали; „мы думали, говорили они въ послѣдствіи на судѣ, що якъ договорились, то такъ и повинно буть". Монастырскій этого не думалъ, а сдѣлалъ такое предложеніе только для облегченія перехода къ новымъ условіямъ,—онъ заплатилъ подати за первую половину 1816 года, а дальше заставилъ уплачивать самихъ крестьянъ; условленную жъ

[1]) Дѣло изъ звенигородскаго повѣтоваго суда о угнетеніи помѣщикомъ Монастырскимъ крестьянъ с. Неморожи 1823 г., хран. въ кіев. цент. арх.

работу все-таки требовалъ: всякій крестьянинъ и крестьянка отъ пятнадцати до пятидесяти лѣтъ должны были выходить на барщину по три дня въ недѣлю; при этомъ Монастырскій такъ опредѣлилъ рабочій день, что крестьяне вмѣсто трехъ дней часто должны были работать пять, шесть, а иногда оканчивали и въ седьмой. Въ лѣтнее время онъ положилъ для каждой рабочей души урочной работы—нажать въ три дня пять копъ сноповъ, мѣрою каждый „въ шесть пядей", т. е. полтора аршина,—работа, которую самый лучшій работникъ едва можетъ выполнить въ четыре дня; зимой каждому нужно было вымолотить такую копу въ одинъ день; „такъ що мы молотимъ—молотимъ цілый тиждень, а въ неділю, якъ задзвонять усі дзвоны, и у людей до церкви йдуть Богу молиться, мы стаемъ віяти паньське жито",—объясняли неморожане трудность этой работы.

Жали у Монастырскаго не только рожь да пшеницу, но и овесъ, ячмень, просо, косили только траву, такъ что лѣтомъ почти все время у крестьянъ уходило на экономическія работы; если успѣвали они сдѣлать что нибудь для себя, то пользовались для этого воскресеньями и лунными ночами. Оканчивали неморожане у себя жатву, но барщина еще оставалась за ними, тогда Монастырскій выгонялъ ихъ на работу въ Окнину или Рушковку, при чемъ приказывалъ набирать и харчей своихъ. Впрочемъ, кто не имѣлъ или же по какой либо другой причинѣ не могъ взять съ собой съѣстныхъ припасовъ, тому давали въ Окниной кашу изъ остатковъ отъ всякихъ круповъ и хлѣбъ, черный какъ земля, изъ „посліду" жита, ячменя, гречки, гороху и овса, да и того давалось очень мало. На переходъ туда и обратно въ Неморожъ употребляли обыкновенно два дня, но этого Монастырскій въ счетъ барщины не вносилъ; да и по возвращеніи изъ Окниной не давалъ „одпочить" (т. е. поработать для себя), а сейчасъ-же гонялъ на экономическія работы.

Наставала уборка хлѣба съ поля на гумно, и крестьяне должны были по цѣлымъ недѣлямъ работать въ пользу помѣщика своимъ скотомъ и возами; а на воскресенье Монастырскій приказывалъ возы ихъ запирать на гумнѣ, чтобы никто изъ крестьянъ не могъ свезти съ поля своего хлѣба раньше помѣщика, такъ что у многихъ крестьянъ если не пропадалъ хлѣбъ на нивѣ, то простоявъ

сжатый до поздней осени на полѣ отъ частыхъ дождей, бывающихъ въ это время года, проросталъ и сгнивалъ въ копнахъ. Да и на слѣдующій урожай у многихъ крестьянъ не было никакой надежды. Монастырскій распорядился, чтобы сначала были покончены всѣ экономическія полевыя работы, и только по окончаніи таковыхъ позволилъ крестьянамъ пахать для себя; запашка была сдѣлана поздно и наскоро, изъ посѣяннаго что взошло, то вымерзло отъ наступившихъ вскорѣ холодовъ, а что не взошло, то такъ и сгнило зерномъ въ землѣ.

Пришла зима, неморожане оказались безъ хлѣба, а Монастырскій не отпускаетъ никуда на заработки; тогда кто былъ побогаче, продавалъ своему-же помѣщику что нибудь изъ своего имущества—лошадь, вола, корову, конечно, за безцѣнокъ, а тѣ, что были побѣднѣе, должны были обратиться къ Монастырскому съ просьбой дать въ займы. Монастырскій съ удовольствіемъ удовлетворялъ ихъ просьбѣ, но выдавалъ „нечистое зерно", а на слѣдующій годъ требовалъ чистаго и на бо̀льшую мѣру. Конечно, при такихъ условіяхъ крестьяне никогда не могли вполнѣ возвратить занятаго, напротивъ того, все болѣе и болѣе влѣзали въ долги; тогда Монастырскій сталъ переводить долгъ на барщину и вмѣсто занятаго требовалъ извѣстное количество рабочихъ дней.

Прохозяйничавъ такимъ образомъ въ теченіи двухъ лѣтъ, Монастырскій успѣлъ до половины неморожскихъ крестьянъ превратить въ своихъ должниковъ; оставалась другая половина изъ болѣе зажиточныхъ, привести и этихъ въ такое положеніе онъ поручилъ племяннику своему Бардецкому, а самъ переѣхалъ въ Рушковку.

Бардецкій началъ прямо грабить крестьянъ: какъ-то въ экономическій дворъ зашла свинья съ поросятами крестьянина Гончара, Бардецкій приказалъ загнать ее въ хлѣвъ и на другой день за обѣдомъ наслаждался жаркимъ изъ Гончареваго поросенка; вѣроятно, такая-же участь постигла-бы и всѣхъ прочихъ поросятъ и самую свинью, если-бы пастухъ не тронулся просьбами Гончара и ночью не выпустилъ ихъ изъ хлѣва. У Юрія Горбаченка онъ-же Бардецкій „взялъ насильно одного барана и употребилъ въ свою пищу". У Андрея Кишлыка, скупившаго съ крестьяниномъ Мов-

чаномъ по разнымъ мѣстамъ „лісокъ для обручей“, тотъ-же племянникъ отнялъ весь матеріалъ, а хозяевъ заковалъ въ желѣзныя пута и закованныхъ употреблялъ въ теченіи недѣли для молотьбы хлѣба. И слуги экономическіе, смотря на своихъ пановъ, поступали точно также; такъ, асаулъ Макогонъ, увидавъ на полѣ подлѣ стоявшихъ въ связкахъ коноплель укормленнаго кабана одного крестьянина, убилъ его, осмалилъ и саломъ подѣлился съ Бардецкимъ.

Но больше всѣхъ потерпѣлъ Максимъ Бурсакъ; предки его, какъ разсказывалъ онъ въ своемъ прошеніи, лѣтъ двѣсти тому назадъ поселились около озера, называемаго Неморожъ, и вырубивъ тутъ часть лѣса, стали пахать расчищенную землю; затѣмъ построили мельницу, винокурию и всѣмъ этимъ пользовались, платя помѣщику условленный чиншъ. На такихъ-же основаніяхъ думалъ пользоваться достояніемъ своихъ предковъ и Максимъ съ двумя братьями. Монастырскій стерпѣлъ два года, а на третій подъ разными предлогами приказалъ Бардецкому разобрать винокурню, въ мельницу посадить другого мельника, а Бурсака выселить въ избу перваго. Бурсакъ занесъ жалобу въ судъ, но безуспѣшно; тогда Монастырскій обвинилъ его „въ ослушности помѣщичьей власти“, приказалъ высѣчь, отнять скотъ, заковать въ кандалы и, какъ крѣпостнаго, выгонять на барщину. Еще разъ попробовалъ Бурсакъ жаловаться на Монастырскаго, указывалъ при этомъ на свое шляхетское происхожденіе, на которое, впрочемъ, документовъ не имѣлъ,—указывалъ на затраты, произведенныя его предками и имъ самимъ при постройкѣ мельницы, винокурни; но напрасно, судъ его доводовъ не слушалъ, и Бурсакъ долженъ былъ позабыть о своихъ вольностяхъ и сдѣлаться крѣпостнымъ Монастырскаго.

Такое разореніе понуждало многихъ оставлять свое село и уходить то на заработки, то на поселеніе въ Бессарабію, Херсонщину; этимъ пользовался Монастырскій, какъ нельзя лучше: бѣгство, даже всякая попытка къ бѣгству давала ему поводъ завладѣть всѣмъ имуществомъ бѣглеца и завладѣть безвозвратно; если и возвращался крестьянинъ назадъ въ свое село, имущество его все таки удерживалось въ экономіи, и помѣщикъ объяснялъ, что оно удерживается, или въ предотвращеніе побѣга, или за неотработанную бѣглецомъ барщину и уплоченныя будто-бы за него казенныя

подати, хотя подати были взысканы Монастырскимъ съ общества, а заведенную барщину отрабатывалъ крестьянинъ по возвращеніи. Впрочемъ, убѣжавшіе рѣдко сами, по своей волѣ возвращались назадъ; ихъ отыскивали и возвращали дворовые люди Монастырскаго,— своего рода ищейки, такъ вышколенные своимъ паномъ, что достаточно было имъ разъ напасть на слѣды бѣглецовъ, и они доходили по нимъ до мѣста укрывательства, призывали на помощь полицію и при ея содѣйствіи доставляли къ своему помѣщику.

Кромѣ того всякая экономія имѣла право остановить проходившихъ черезъ село крестьянъ и потребовать у нихъ паспорта, и если такого не оказывалось, то долженъ былъ представить ихъ или въ полицію, или прямо къ ихъ владѣльцу. Такъ и случилось съ тремя неморожскими крестьянами: Маковѣемъ, Коваленкомъ и Набащенкомъ, которые ушли было безъ вѣдома экономіи на заработки въ Херсонщину; въ селеніи Новой Парасковеи ихъ встрѣтилъ помѣщикъ Ивановъ, потребовалъ билета, и когда не могли его представить, то Ивановъ, отнявъ у нихъ заработанные ими девяносто пять рублей, препроводилъ бѣглецовъ въ Рушковку къ Монастырскому. Тутъ ихъ ожидала панская немилость. Монастырскій приказалъ днемъ заковывать ихъ въ кандалы и въ такомъ видѣ выводить на работу, а на ночь набивать на ноги колодки и запирать въ имѣвшуюся для такихъ цѣлей въ каждомъ имѣніи Монастырскаго „мурованую тюремку". Такъ они работали въ теченіи семи недѣль; на восьмой помѣщикъ, собравъ все рушковское общество, для отвращенія и другихъ отъ побѣга велѣлъ наказать бродягъ по голому тѣлу въ двѣ розги: съ одной стороны сѣкъ асаулъ Макогонъ, а съ другой дворецкій Монастырскаго, и дали каждому по триста ударовъ. Затѣмъ избитыхъ до крови положили на повозки и отвезли въ Неморожъ; здѣсь по настоянію Монастырскаго они должны были дать клятвенное обѣщаніе въ церкви передъ евангеліемъ въ томъ, что въ другой разъ не уйдутъ изъ села; но и это казалось Монастырскому недостаточнымъ, онъ потребовалъ, чтобы каждый изъ нихъ представилъ по три поручителя изъ надежныхъ крестьянъ, и только когда таковые были представлены, Монастырскій позволилъ снять съ нихъ кандалы. Вскорѣ послѣ этого дворовые привели изъ бѣговъ крестьянина Лобзенка, Монастырскій наказалъ его „немилосердным образомъ розгами", а потомъ велѣлъ

мальчику, покоевому козачку, Дарнадѣ поливать окровавленную спину уксусомъ, смѣшаннымъ съ водкой, посыпать солью и растирать по избитымъ мѣстамъ. „Дарнада исполнялъ приказаніе пана, Лобзенко-же производилъ ужасный крикъ и вопль“; затѣмъ панъ обрилъ Лобзенку половину головы, одну щеку, усъ и въ такомъ видѣ отпустилъ его домой.

Въ другой разъ, пересылая изъ Рушковки въ Неморожъ бѣглецовъ, Монастырскій такъ писалъ Бардецкому: „этимъ гунцволамъ,—збѣгамъ выправить кожу въ пятницу подлѣ корчмы или гдѣ найболѣе собирается народа; приказываю непремѣнно дать каждому по сто розокъ; къ исповѣди можно снять кандалы, а какъ отговѣются, сейчасъ-же заковать и посадить въ тюремку, чтобы и другіе, смотря на нихъ, не имѣли повадки къ бѣгству“.

Такое-же наказаніе ожидало всякаго, ослушавшагося приказанія помѣщика или служителей его; крестьянина Левченка за то, что не успѣлъ почистить къ пріѣзду Монастырскаго винокуренныхъ котловъ, Монастырскій велѣлъ Бардецкому бить толстою палкою; за двадцатымъ ударомъ палка переломалась, тогда Монастырскій замѣтилъ Бардецкому: „если такъ погано наказываешь при мнѣ, то безъ меня, вѣроятно, и того не дѣлаешь“, и схвативъ кочергу, билъ Левченка до усталости. Наказаніе было такъ жестоко, что даже такой жестокосердый человѣкъ, какъ асаулъ Макогонъ, не могъ выдержать и ушелъ, чтобы не видѣть этой картины. Левченка подняли едва живаго съ земли.

Не миловали и женщинъ, даже беременныхъ: Ульяну Негоденкову за то, что не вывела съ собой, какъ приказывалъ Бардецкій, своей одиннадцатилѣтней дочери жать экономическую пшеницу, тотъ-же Бардецкій велѣлъ асауламъ повалить на землю и своеручно наказалъ розгой, сложенной изъ трехъ прутьевъ, не смотря на то, что Ульяна замѣтно была беременна, да и сама она заявляла объ этомъ Бардецкому; черезъ четыре дня послѣ этихъ побоевъ Негоденкова родила невременно не живаго ребенка. Такихъ случаевъ заявлено крестьянами до восьми.

Монастырскій достигъ своей цѣли: какъ ни эксплоатировалъ своихъ крестьянъ, сколько ни билъ ихъ, какъ ни издѣвался надъ ними, они все молча сносили. Между тѣмъ почти весь крестьянскій скотъ перешелъ въ его непосредственное владѣніе: „бывало

за владѣнія помѣщика Чарковскаго, объясняли крестьяне свою бѣдность, собираютъ самыхъ хорошихъ воловъ, и выходитъ на поле двѣнадцать плуговъ шестиволовыхъ, теперь-же собираютъ и негодныхъ къ работѣ бычковъ, и то не выходитъ даже восьми плуговъ". Теперь каждый крестьянинъ по уши въ долгахъ у Монастырскаго, и послѣдній можетъ безвозмездно пользоваться на законномъ основаніи крестьянскимъ трудомъ въ теченіи всего года, а въ случаѣ жалобы со стороны крестьянъ можетъ выставить себя на судѣ, какъ это онъ и сдѣлалъ, даже благодѣтелемъ своихъ подданныхъ, потому что не разъ давалъ хлѣбъ на отработокъ, нѣкоторыхъ на такихъ-же условіяхъ снабжалъ одежей, и, кто знаетъ, до чего довелъ-бы онъ неморожанъ, если-бы ненаскочилъ на крестьянина Андрея Погорѣлаго, который находился семь лѣтъ въ бѣгахъ и за это время отвыкъ отъ рабской покорности. Погорѣлый былъ когда-то въ Окниной придворнымъ рыбалкой Монастырскаго и обязанъ былъ ежедневно доставлять къ столу помѣщика опредѣленное количество рыбы; случалось, что, не смотря на всѣ его старанія, рыба не шла въ сѣти, и Погорѣлый не могъ доставить требуемаго; тогда Монастырскій строго наказывалъ его. Выдержалъ Погорѣлый три наказанія, за четвертымъ, оставивъ въ селѣ жену и двухъ сыновей", ушелъ въ Бессарабію; устроился тутъ, обзавелся хозяйствомъ и черезъ семь лѣтъ подъѣхалъ къ Окниной, чтобы „подхватить жену, сыновей" и увезти съ собой въ Бессарабію, но былъ пойманъ, ему обрили половину головы, набили на ноги колодки и заставили молотить хлѣбъ; тутъ Погорѣлый сталъ подговаривать крестьянъ подать жалобу на помѣщика въ губернское правленіе, и Монастырскій, опасаясь худыхъ послѣдствій отъ пребыванія Погорѣлаго среди его крестьянъ, отправилъ его, какъ бродягу въ судъ. На судѣ Погорѣлый объяснилъ всѣ причины, побудившія его къ бѣгству, разсказалъ, что и другіе крестьяне претерпѣваютъ отъ его помѣщика. Такъ было поднято дѣло объ угнетеніи Монастырскимъ своихъ подданныхъ;—окончилось оно для крестьянъ почти ничѣмъ, такъ какъ Монастырскій обставилъ себя съ юридической стороны довольно хорошо, да къ тому-же умеръ вскорѣ, а наслѣдники склонили крестьянъ къ медіаторскому суду; послѣдній рѣшилъ крестьянамъ за смертью виновника предать все забвенію, а наслѣдникамъ не требовать на работу по праздникамъ и воскрес-

нымъ днямъ. Десять лѣтъ тому назадъ намъ случилось провести каникулы въ Неморожи, и тогда еще помнили и разсказывали крестьяне о раціональномъ хозяинѣ; ни время, ни гнетъ офранцуженнаго нѣмца Рота не изгладили памяти о Монастырскомъ.

К—ко.

ВАСИЛЬКОВСКАЯ ТАМОЖНЯ И ГОРОДНИЧІЕ—МОНАХИ *).

Если вамъ, читатель, случалось когда проѣзжать уѣздный городъ кіевской губерніи Васильковъ и направляться отъ него далѣе къ югу,—вы, конечно, не приходили къ мысли, что оставляете Россію и уѣзжаете за границу... Но въ подобномъ положеніи долженъ былъ чувствовать себя до конца почти прошлаго столѣтія всякій русскій и иностранецъ, не исключая даже историческаго графа Фалькенштейна, или императора Іосифа II, ѣхавшаго этимъ-же путемъ для свиданія въ Каневѣ съ императрицею Екатериною II. Со времени андрусовскаго договора между Россіею и Польшею и до конца прошлаго столѣтія Васильковъ, древній Василевъ, городъ Владиміра В., родина препод. Ѳеодосія печерскаго, былъ пограничнымъ городомъ, а отъ него до границъ Запорожья въ исконной землѣ русской была Польша. „Переѣхали границу русскую близъ Василькова", „ушелъ отъ Василькова за границу", „въ Польшу ушелъ",—такъ говорили здѣсь вплоть до 1792 г. Собственно граница проходила въ 6 или 8 верстахъ за Васильковымъ, въ с. Мытницѣ, какъ проходитъ теперь наша съ Австріею граница въ 8 верстахъ отъ г. Томашева люблинской губерніи.

Со временъ Владиміра св. и до нашихъ дней лучшее время для Василькова было именно то, когда онъ состоялъ пограничнымъ городомъ. Тутъ была русская таможня, пограничная таможенная команда, состоявшая частію изъ кіевскихъ гарнизонныхъ полковъ, частію изъ малороссійскихъ козаковъ, присылавшихся сюда изъ гетманщины на извѣстные сроки, отсюда давались эскорты для

*) Основаніемъ настоящаго разсказа послужило для насъ неполное 1777 г. дѣло архива б. кіево-губернской канцеляріи «о найденныхъ въ печерской крѣпости подметныхъ письмахъ» и другія отрывочныя бумаги того же архива.

проѣзжавшихъ за границу высокихъ особъ или конвои для разныхъ служащихъ, по дѣламъ въ Польшу, Запорожье и Турцію отправлявшихся; тутъ живали по долгу или съѣзжались пограничные польскіе и русскіе комиссары, разбирая сосѣдственныя тяжбы; тутъ очищались пошлиною товары, сюда съѣзжалось множество купцевъ и другихъ людей, тутъ кипѣла торговля, примѣчалась смѣсь нарѣчій и племенъ. Словомъ: Васильковъ былъ населенъ, оживленъ, какъ никогда во всю свою свыше тысячелѣтнюю исторію.

Кромѣ множества другихъ властей и чиновъ, тутъ жилъ городничій, не тотъ городничій, котораго воспѣлъ Гоголь и который ведетъ свой родъ отъ знаменитаго городоваго положенія Екатерины II. Нѣтъ, этотъ городничій никакого мундира не носилъ, Свистуновыхъ и Держимордъ не держалъ, купцовъ и никого не обиралъ, не только базарнаго, но и вообще мяса на пробу даже не бралъ и вовсе не употреблялъ и никакихъ этакихъ заборовъ не ставилъ... Короче сказать: это былъ городничій—монахъ. На немъ часто не было никакого священнаго чина и никакихъ внѣшнихъ отличій: подрясникъ и на головѣ шлычекъ, или „подкапокъ черпечій"—вотъ и весь его костюмъ. Но это была дѣйствительная и значительная власть, съ которою считались другія мѣстныя власти, представитель такъ сказать особаго вѣдомства, начальникъ отдѣльной части, и если-бы въ тѣ поры созывались, какъ теперь, на парадные обѣды представители отдѣльныхъ вѣдомствъ и частей, то городничій—монахъ занималъ-бы на нихъ не послѣднее мѣсто.

Городничими въ прошломъ столѣтіи и раньше того во всей Малороссіи назывались монахи, управлявшіе монастырскими населенными имѣніями, а крѣпостные монастырей назывались ихъ „подданными". Надъ этими-то подданными они и начальствовали, распоряжаясь ихъ трудомъ, имуществомъ и самою судьбою. *De jure* городничій былъ представитель доминіальной монастырской власти, *de facto*—сама эта власть. Въ отношеніи къ другимъ властямъ тѣмъ большее онъ имѣлъ значеніе, чѣмъ выше было учрежденіе, представителемъ котораго онъ являлся и именемъ котораго дѣйствовалъ. Для „подданныхъ" онъ былъ ближайшею и единственною видимою ими властію. Хорошъ былъ городничій и „подданнымъ" жилось хорошо. Онъ управлялъ ими, но онъ-же и отстаивалъ ихъ предъ всѣми, въ случаѣ нужды. Когда примемъ въ разсчетъ, какую нужду въ

захолустной жизни имѣетъ всякій въ производителѣ и работникѣ—селянинѣ, тогда поймемъ, какое значеніе имѣлъ городничій въ глазахъ лицъ соприкасавшихся съ его „подданными".

Городничій въ Васильковѣ былъ такъ сказать на особомъ счету. Васильковъ съ 1259 г. и по 1786 г., т. е. до введенія въ Малороссіи монастырскихъ штатовъ, принадлежалъ кіево-печерской лаврѣ; такимъ образомъ васильковскій городничій являлся представителемъ въ извѣстномъ отношеніи этой древнѣйшей и пользовавшейся тогда особымъ почетомъ обители. Столкновенія его съ другими мѣстными властями возникали на почвѣ мелкой будничной жизни и принимали острый характеръ, когда та и другая сторона начинали считаться правами и достоинствомъ. Жалобы восходили къ высшимъ духовнымъ и гражданскимъ властямъ и тогда *писала губернія...* Начиналось напр. съ того, что какая нибудь военная или гражданская власть хотѣла попользоваться подводою или фуражемъ отъ подданныхъ св. обители. Городничій горячо отстаивалъ ихъ „неподлеглость". Обиженная власть записывала это на счетъ и подловивъ лаврскихъ подданныхъ въ контрабандѣ или какихъ либо спорахъ съ пограничными жителями Польши, привлекала ихъ къ отвѣтственности. Городничій защищалъ; тогда мелкіе случаи ссоръ возводились въ „нарушеніе сосѣдственной съ Польшею пріязни" и дѣло принимало характеръ политическій, международный. Проигравшая сторона искала новаго случая поддѣть противную ей и бой снова закипалъ. Столкновенія учащались, счеты усложнялись, борьба властей становилась какъ-бы традиціонною. Именно такого рода вражда существовала, кажется, между васильковскими городничими и ихъ „подданными" съ одной и таможенными властями съ другой стороны. Иногда они обмѣнивались своими естественными ролями, что ясно указывало на искуственность борьбы съ прямымъ намѣреніемъ отстоять т. ск. честь полка. Подобный случай былъ въ 1744 г. На командовавшаго въ ту пору васильковскимъ форпостомъ секундъ-маіора Кульнева нашло вдохновеніе позаботиться о доброй нравственности своихъ солдатъ и васильковскихъ обывателей. Онъ требовалъ отъ городничаго іеромонаха Максима, чтобы тотъ „искоренилъ" размножившихся въ Васильковѣ женщинъ легкаго поведенія; городничій вдался въ несвойственный его сану и званію либерализмъ, „ничего съ тѣми женщинами не учинилъ,

кромѣ какъ одобрилъ, и объявилъ, что они де добрые люди". Раздосадованный секундъ-маіоръ подловилъ одну изъ такихъ добрыхъ женщинъ и взялъ ее подъ караулъ, а кіево-губернской канцеляріи обо всемъ написалъ и просилъ указа, что съ нею учинить. Генералъ-губернаторъ не похвалилъ такой ревности секундъ-маіора и, по поводу его репорта, написалъ лишь къ архимандриту кіево-печерской лавры: „понеже м. Васильковъ вѣдомства вашей превелебности зъ братіею, а къ кіево-губернской канцеляріи ничѣмъ не присутствуетъ, и того ради къ надлежащей о вышеписанномъ резолюціи предаю вашей превелебности зъ братіею, а секундъ-маіору Кульневу изъ кіево-губернской канцеляріи предложено, дабы онъ означенную жонку изъ-подъ караулу свободилъ и отдалъ, кому отъ вашей превелебности определено будетъ, да и впредь-бы до подданныхъ кіево-печерской лавры ничѣмъ не интересовался, но представлялъ-бы о томъ вашей превелебности".

Секундъ-маіору не трудно было, кажется, сообразить, что кто и виною развившейся въ Васильковѣ проституціи, какъ не его-же подчиненные и что слѣдовало ему подтянуть команду прежде, чѣмъ выступать въ роли учителя строгости нравовъ и обличителя распущенности подданныхъ св. лавры; но желая насолить чѣмъ-то задѣвшему его противнику, онъ видимо зарвался и отъ того проигралъ.

Какъ въ данномъ, такъ и въ другихъ случаяхъ столкновеній между названными властями наѣзжала, такъ сказать, пограничная команда; городничіе только стояли за интересы и обиды управляемыхъ или подданныхъ. Въ 1761 г. лавра вела дѣло въ кіево-губернской канцеляріи о растлѣніи барабанщикомъ васильковской форпостной команды Казановымъ десятилѣтней дочери васильковскаго жителя Романа Максименка; въ 1776—77 г. велось также другое дѣло объ изнасилованіи дочери одного изъ жителей таможеннымъ копіистомъ Семеномъ Человымъ. Гораздо чаще возникали дѣла по жалобамъ на вымогательства со стороны пограничныхъ властей и кражи совершаемыя солдатами и козаками пограничной стражи, а причиною этихъ послѣднихъ были злоупотребленія въ продовольствіи солдатъ, по которымъ вся команда, какъ позже сознавался самъ начальникъ оной, вовсе не имѣла, „чѣмъ себя пропитать, а козаки питались только милостынею". Сами командиры

смотрѣли сквозь пальцы на продѣлки своихъ подчиненныхъ, а второстепенные и третьестепенные изъ числа начальствующихъ и сами подражали имъ. Въ особенности отличался по этой части сотникъ Лисянскій. Ходила молва, что онъ состоялъ въ родствѣ съ архимандритомъ кіево-михайловскаго монастыря и по его ходатайству былъ назначенъ въ „васильковскую дистанцію". Ему все сходило съ рукъ, да и по другимъ многочисленнымъ случаямъ, до него возникавшимъ, васильковскіе жители ничего дойти не могли. Много разъ жаловались они самой лаврѣ, не разъ послѣдняя возбуждала иски о кражахъ, но ничего изъ того не выходило. Въ 1771 г. успѣли уличить едва одного козака, а съ 1771 по 1775 г., по свѣдѣніямъ лавры, у васильковскихъ жителей было украдено нижними чинами пограничной команды на огромную по тогдашнимъ цѣнамъ сумму 606 р. 74 к. Крали хлѣбъ, сѣно и овесъ, уводили воловъ и коровъ, телятъ и овецъ, похищали кабановъ, куръ и гусей. Жители Василькова потеряли всякое терпѣніе, а между ними были не просто грамотные, но и начитанные, какъ замѣтить можно по описямъ имуществъ умершихъ изъ нихъ, въ которыхъ между разною рухлядью значились и книги. Придумано было (кѣмъ и при какихъ пособіхъ,—неизвѣстно) крайнее, радикальное средство, чтобы обуздать расходившуюся пограничную команду,—средство на столько неподходящее къ той мѣстности и средѣ, въ которыхъ оно было продѣлано, что оно было-бы совершенно не мыслимо, если-бы не переплелись къ этому времени самымъ страннымъ образомъ отношенія двухъ такъ долго препиравшихся между собой вѣдомствъ—монастырскаго и таможеннаго. Тутъ, по видимому, явились перебѣжчики съ той или другой стороны, и дѣло приняло громкую извѣстность.

10 іюля 1771 г., вечеромъ, когда въ святой печерской обители все отошло уже ко сну, фурьеръ Коноваловъ запиралъ всѣ крѣпостныя ворота. Направляясь съ ключами къ дому оберъ-коменданта, на дорогѣ, близъ ѳеодосіевской церкви, не смотря на наступившій сумракъ, онъ усмотрѣлъ два кѣмъ-то брошенные пакета. Поднявъ и осмотрѣвъ находку, онъ снесъ ее къ плацъ-маіору Ивану Тряскину. Пакеты оказались запечатанными; на одномъ былъ адресъ оберъ-коменданту Ельчанинову, на другомъ—секундъ-маіоръ Куликову. Трясишнъ доставилъ ихъ по принадлежности. Когда оберъ-комендантъ вскрылъ принесенный ему пакетъ, въ немъ оказались стихи съ такимъ заглавіемъ и содержаніемъ:

1. Вопль пограничныхъ жителей въ васильковской дистанціи

Пронесся вездѣ слухъ, что ѣдетъ на форпости
    Лѣсянской сотникъ! тотъ, который былъ не простий,
Который ушъ давно навелъ жителямъ страхъ,
    Чтобъ воловъ и коровъ держать имъ на цѣпяхъ;
Барановъ, кабановъ и протчіихъ живностей
    Глоталъ онъ хитро все, не оставля и костей.
По пріѣздѣ-жъ ево въ тотъ городъ Васильковъ,
    Трепетали ужъ всѣ, вспомня, что онъ каковъ,
И въ храмѣ Покрова моляся всеусердно,
    Чтобъ отъ напастей тѣхъ пребывать имъ безъвредно.
По выходѣ-жъ изъ храма кричали всѣ согласно,
    Что настало для нихъ время опасно,
И согласясь потомъ, здѣлали совѣтъ таковъ,
    „Чтобъ вѣшать на коморѣ по десяти замковъ,
Кошары укрѣплять, спущать съ цѣпей собаки,
    Бо пойдутъ отъ нево вездѣ опять козаки
Воловъ, коровъ таскать и все, что попадетъ,
    А въ чемъ спомогутся, то онъ въ оныхъ отъберетъ.
Съ ними-жъ дѣлясь мясомъ, а кожи сохранитъ,
    А вычиня опять велитъ сапоги шить;
На каждую редуту положитъ онъ налогъ,
    Чтобъ черезъ двѣ недѣлѣ здѣлали пять паръ сапогъ.
Лой, сало велитъ красть, стопя вливать въ мазницу,
    Вымазавъ сапоги, пошлетъ онъ за границу,
Тайно то учиня, и отъ ближнихъ вреда
    Не имѣя, совѣсти, ни малаго стыда.
Въ попа кобылу вкралъ, отвелъ ее въ табунъ,
    Но вскорѣ попъ познalъ, такъ руками вернулъ.
То што лошадей красть, то всѣ уступятъ воры,
    И инструменты въ нево есть, не устоятъ коморы.
Съ кладовой юпку вкралъ и въ старухи сала,
    Но та, время сыскавъ, все то отобрала.
Не спущалъ никому, и въ командировъ кралъ,
    Привычку такъ сдѣлалъ, будто какъ онъ игралъ,
Съ виду-же посмотрѣть, кажется человѣкъ,
    А крадетъ все удачно чрезъ цѣлый свой вѣкъ.

Ласкается онъ къ тѣмъ, въ коихъ надежду мнитъ,
Въ сто кратъ честняй себя старается въязвить,
И ночи онъ не спитъ, съплетая съ лжи порокъ,
Но кто сему повѣритъ;—развѣ малой отрокъ;
Представь всякъ въ умъ себѣ толко одни вѣсы;
Правды зерна не тягнетъ, тысяча пудъ лжи“.

Внизу приписка: „Таковая похвала объ craonoмъ сотникѣ послана ужъ вездѣ, и въ василковской брамѣ прибитъ сей похвальный листъ“, а за тѣмъ слѣдующее обращеніе:

2. „Ваше превосходительство, высокомилостивый государь и отецъ Яковъ Васпліевичъ!

Помилуй, защити, избавъ насъ отъ сего,
Прійдетъ лишиться намъ имѣнія всего:
Давно извѣстенъ намъ Лѣсянской сотникъ сей.
Теперъ двухъ воловъ вкралъ и шестерыхъ гусей.
Естли не защитишь, вконецъ насъ разоритъ,
Что прійдется всѣмъ намъ въ далные мѣста итить.
До пріѣзда его у насъ все было тихо,
А какъ толко онъ прибылъ, то вновъ настало лихо.
Прости насъ, что трудимъ. Отдайте конвертъ сей,
Которой очень нуженъ, чтобъ онъ при васъ прочелъ“.

Что было въ другомъ пакетѣ,—въ дѣлѣ, которое у насъ въ рукахъ, не значится; но понятно, находился такой-же пасквиль, хотя съ измѣненнымъ обращеніемъ.

Въ тотъ же вечеръ способомъ, который изъ дѣла не видѣнъ, архимандриту кіево-михайловскаго монастыря Исаіѣ былъ доставленъ пакетъ, въ которомъ, по вскрытіи, оказался тотъ-же „Вопль“, но съ такимъ въ концѣ обращеніемъ:

„Высокопреподобнѣйшій господинъ отецъ архимандритъ Исайя!

Пріими похвалной листъ сроднику твоему,
О коемъ ты просилъ, ко вреду своему.
Иль для того толко, чтобъ насъ онъ обокралъ?
Дашь предъ Богомъ отвѣтъ за то, что къ намъ послалъ.
Познай, сколь легокъ намъ господинъ сотникъ сей:
Ужъ вновь воловъ двухъ въкралъ и шестерыхъ гусей.

Иль въ роднѣ лутше нѣтъ?—Возми-жъ отъ насъ сего,
Пока мы злой смерти не предадимъ сво.
Не винны будемъ въ томъ, ты дашъ отвѣтъ предъ Богомъ,
Бо не можно болше сносить обиды намъ.
Принужденны писать о прошедшемъ о всемъ:
Нѣтъ ушъ средствъ, отъ него не скроемся ни съ чемъ".

А 10 іюля пробудившійся отъ сна мирный Васильковъ былъ взволнованъ и пораженъ молвой, что „на воротахъ городскихъ прибито какоесь то письмо, съ описаніемъ о всѣхъ бывшихъ отъ сотника Лисянскаго поступкахъ", т. е. тотъ-же самый „Вопль", который въ тоже время извѣстенъ сталъ и кіевскимъ властямъ.

Заволновался прежде всѣхъ архимандритъ Исаія и немедленно отправилъ пасквиль оберъ-комендансту. Архимандритъ писалъ, что эта „укоризна, якобы онъ сотникъ мнѣ въ роднѣ и якобы по моему прошенію онъ посланъ въ васильковскую дистанцію, есть ложь". По обычаю того времени пасквили, когда они правительства и царствующаго дома касались, сожигались публично чрезъ палача. О. Исаія былъ такъ полученнымъ пасквилемъ возмущенъ, что требовалъ, чтобы и сему пасквилю чрезъ палача сожженіе было учинено.

Ельчаниновъ полученный имъ пасквиль послалъ прежде всего къ архимандриту лавры Зосимѣ съ просьбой: „по вѣдомству своему обыскать въ Васильковѣ и освидѣтельствовать сходство руки, ктобы оныя письма писать могъ, а не меньше сего навѣдаться и разспросить у тамошнихъ жителей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, когда и что именно у кого украдено, и у кого опознано и найдено, или и понынѣ что въ неотысканіи осталось". Разслѣдованіе поручено было соборному старцу и уставнику лавры іеромонаху Ѳеофилакту. Тотъ разслѣдовалъ и донесъ, что „хотя о написаніи того письма имъ обыскивано и къ характеру знающихъ грамотѣ людей, подсудственныхъ лаврѣ (выключая неподчиненное лаврѣ духовенство) онъ примѣнялся, но такова, которой-бы то письмо писалъ, не сыскалось; происходитъ-же де между обывателми васильковскими слухъ, якобы оное писано таможенными, однако кто оное писалъ, совершенно знать не можно". Архимандритъ Зосима отвѣтилъ Ельчанинову, какъ доносилъ старецъ Ѳеофилактъ, приложивъ къ отвѣту и вѣдомость о кражахъ, совершенныхъ у васильковскихъ жителей

съ 1771 по 1775 годъ, съ свѣдѣніями, которыя нами приведены выше.

Всю эту переписку оберъ-комендантъ препроводилъ въ васильковскую пограничную таможню, требуя „всѣхъ вѣдомства оной таможни служителей освидѣтельствовать сходство руки, не окажется-ли, кто-бы оные письма писать могъ“, а пасквильный листъ отобрать и съ него копіи отнюдь не снимать (онъ не зналъ, конечно, что пасквиль тамъ давно красуется на воротахъ).

Таможенное вѣдомство было какъ-то особенно щепетильно въ обереганіи своей чести и независимости отъ другихъ властей. Какъ разъ въ это время оно вело борьбу съ кіево-губернскою канцеляріею по поводу дѣлаемыхъ ею проволочекъ въ пріемѣ таможенныхъ сборовъ и требованія ею къ суду таможеннаго служителя Алексѣя Ивановскаго и его жены Наталіи за небытіе ихъ у исповѣди. Требованіе Ельчаникова и добродушное заявленіе старца Ѳеофилакта привели директора таможни Болтина въ великій азартъ. Въ своемъ репортѣ Ельчанинову онъ не только отвергаетъ сходство почерка пасквиля съ почеркомъ кого либо изъ его подчиненныхъ, но не допускаетъ самой возможности высказаннаго на счетъ его подчиненныхъ подозрѣнія и выражаетъ крайнее свое негодованіе противъ сообщившаго столь нелѣпый и бездоказательный слухъ іеромонаха и силится доказать, что „іером. Ѳеофилактъ ни отъ кого о томъ не слыхалъ, а выдумалъ такія слова самъ къ обидѣ таможенниковъ“. „И таможнѣ, прибавляетъ онъ, можно тожъ про него Ѳеофилакта сказать, что слухъ носится здѣсь, что сочинилъ пасквиль тотъ онъ, Ѳеофилактъ; да и приличнѣе ему Ѳеофилакту быть того пасквиля сочинителемъ, нежель таможенникамъ, ибо слогъ того пасквиля и почеркъ руки малороссійской, что съ перваго взгляду усмотрѣть можно, а при таможнѣ васильковской ни одного малороссіянина нѣтъ“. Въ заключеніе Болтинъ, увѣряя, что изъ подчиненныхъ ему лицъ „ни одинъ въ такое подлое и законопротивное дѣло не войдетъ, ибо хотя таможенные служители и изъ разночинцевъ, но каждой въ своемъ званіи достойнѣе себя ведетъ, нежель помянутой монахъ Ѳеофилактъ“, просилъ Ельчанинова, въ случаѣ Ѳеофилактъ не укажетъ, отъ кого именно онъ слышалъ такое указаніе на авторство таможенниковъ, поступить съ нимъ, какъ съ ложнымъ до-

носчикомъ, „дабы впредь ему и подобнымъ ему не повадно было соплетать таковые коварные въ обиду другихъ клеветы и порицанія".

Ельчаниновъ препроводилъ копію съ этой жалобы Болтина къ архимандриту Зосимѣ, съ просьбою „надлежаще" изслѣдовать, отъ кого именно іером. Ѳеофилактъ слышалъ и не самъ-ли выдумалъ, что пасквиль писанъ таможенниками.

Дѣло разгоралось; предметъ спора—утѣсняемые лаврскіе подданые и украденные ихъ волы, коровы, кабаны и проч.—остался въ сторонѣ, самъ городничій стушевался; въ замѣнъ того ставился вопросъ, какой націи „слогъ и почеркъ руки того пасквиля", а къ отвѣту привлекался неповинный старецъ іеромонахъ Ѳеофилактъ, хотя упомянувшій о ходившемъ въ Васильковѣ слухѣ, будто пасквильное письмо писано таможенными, но съ осторожностію прибавлявшій: „однако кто оное писалъ, совершенно знать не можно". И много, конечно, истрачено еще бумаги и пролито чернилъ, но былъ-ли то „слогъ и почеркъ руки малороссійской", такъ и осталось для насъ неизвѣстнымъ, ибо письмомъ Ельчанинова къ арх. Зосимѣ и оканчивается это „дѣло о найденныхъ въ печерской крѣпости подметныхъ письмахъ".

Разыгравшееся столь „пашквильное" дѣло не улучшило, конечно, но напротивъ обострило недружелюбныя издавна отношенія между „таможенниками—разночинцами" и монахами городничими и ихъ патронессою св. лаврою. Въ попадавшихся намъ обрывкахъ дѣлъ бывшей кіево-губернской канцеляріи мы не нашли указаній, какъ тянулись далѣе эти отношенія, но можемъ сказать, что тянулись они уже не долго. 1786 г., памятный въ Малороссіи отборомъ монастырскихъ „подданныхъ" въ казну, отодвинулъ въ область преданія титулъ городничаго монаха, а съ 1792 г. не стало ни таможни въ Васильковѣ, ни границы близъ него, и все слилось въ потокѣ новой жизни, уносящемъ и самое различіе „слога и почерка руки"...

Ал. А—скій.

КАКЪ СПРАВЛЯЛИ ЧЕРНОМОРЦЫ СВОЕ НОВОСЕЛЬЕ НА ТАМАНИ И КАКІЯ БЫЛИ ПО СЕМУ СЛУЧАЮ РѢЧИ И ПѢСНИ.

(СОВРЕМЕННАЯ РУКОПИСЬ *).

Вѣрное козацкого черноморского Коша войско, получивъ высочайшія ея императорскаго величества милости, содержащіяся въ грамотахъ, привезенныхъ посланнымъ отъ него войсковымъ судьею и кавалѣромъ Головатымъ, принимало оныя и праздновало день новаго бытія своего августа 15-го числа слѣдующимъ порядкомъ:

1-е. Когда посланный прибылъ до рѣки Буга съ высочайшими ея императорскаго величества милостивѣйшими дарами, то далъ знать Кошевому, которой отрядилъ ко-встрѣчи пятисотной конной полкъ съ полковникомъ, старшинами и значкомъ за 30 верстъ въ урочище Кучурганъ, отколь оной препровождалъ его Головатого до селенія Кошеваго, гдѣ въ семь часовъ утра собыралось войско на назначенное мѣсто къ той сторонѣ, отъкуда посланному прибыть надлежало и расположась на двѣ стороны стало на каждой въ двѣ лавы (ряда), простираясь далеко за селеніе Кошевое; лавы сіи оканчивались у войсковой церкви близь предоградія, которой съ западной стороны уготовано было возвышенно нарочитое мѣсто на подобіе амвона, покрытое турецкими коврами; на немъ въ виду всего войска должно было послѣдовать принятію грамотъ и протчихъ монаршихъ даровъ; тамъ-же поставле(нъ) былъ столъ, покрытой матеріею для положенія на немъ тѣхъ монаршихъ даровъ; противу сего амвона стояли полукружіемъ старшины съ булавами, знаменами и значками, а въ вокругъ ихъ множество посторонныхъ зрителей разного званія, возраста и пола, по правую-же онаго сторону духовенство въ облаченіи.

---

*) За сообщеніе копіи съ этой рукописи, подлинникъ которой 8 лѣтъ тому назадъ переданъ редакціи „Русской Старины“ и доселѣ остался не напечатаннымъ, приносимъ искреннюю признательность Д. К. Морозу. Въ современности рукописи, судя по ея языку и ореографіи, сомнѣнія быть не можетъ. Тѣмъ большій она имѣетъ интересъ, какъ и самыя рѣчи и пѣсни, относящіяся къ водворенію черноморцевъ на Тамани. Пѣсни, правда, извѣстны, но рѣчей въ печати мы не встрѣчали.—Ред.

2-е. Посланный, извѣщенъ будучи о времени, приближался по малу къ вышеписаннымъ лавамъ, а между тѣмъ Кошевый и писарь стали на возвышенномъ ономъ мѣстѣ; когда выпалено было трижды съ пушки въ знакъ того, что посланный приближился къ устроеннымъ лавамъ, то Кошевый отрядилъ отъ себя на встрѣчу ему первѣйшихъ старшинъ съ хлѣбомъ и сѣлью.

3-е. Войсковый судья, принявъ оныя и поблагодаривъ, устроилъ шествіе свое сквозь войско слѣдующимъ образомъ: четырѣ штабъ-офицера въ переди несли присланный монаршій хлѣбъ на блюдѣ, покритомъ матеріею, за ними судья несъ на пожалованномъ блюдѣ таковую-жъ солонку и грамоты, съ нымъ сыни его малолѣтные несли: Афанасій къ Кошевому писмо, а Юрій всемилостивѣйше пожалованную ему, осипанную дорогими каменьями, саблю.

4-е. При первомъ вступленіи несущихъ дары въ строй началась пушешная и изъ мѣлкого ружья пальба и продолжалась до самого приближенія судьи къ Кошевому, стоящему на мѣстѣ своемъ.

5-е. Тутъ судья, взошедъ къ Кошевому, отдалъ изъ своихъ рукъ по порядку всѣ высочайшіе дары: хлѣбъ, соль, грамоты, съ краткимъ привѣтствіемъ и препоясавъ Кошеваго саблею.

6 е. Кошевый поциловалъ хлѣбъ-соль, поставилъ на выше упомянутомъ столѣ, а грамоты отдавалъ войсковому писарю.

7-е. Писарь принявъ оныя читалъ громкимъ голосомъ предъ всѣмъ войскомъ и паки отдавалъ Кошевому.

8-е. По прочтеніи Кошевый, поклонясь на всѣ четырѣ стороны, поздравилъ войско съ высочайшими монаршими милостьми; тогда со всѣхъ сторонъ вдругъ закричали: „ой! спасибѣ-жъ нашей матери за ей милости".

9-е. Между тѣмъ вышеписанные четиры штабъ-офицера, взявъ столъ съ положенными на немъ монаршими дарами, несли въ церковъ; предъ ними шло духовенство, а за ними Кошевый съ судьею, писаремъ, старшинами и войскомъ.

10-е. По внесеніи и поставленіи предъ Спасителевою иконою начато служеніе божественыя литургіи, которую совершалъ преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій, съ архимандритами и протчимъ духовенствомъ, по окончаніи-же оной, предъ начатіемъ благодарственнаго Господу Богу о монаршемъ долголѣтномъ здравіи молебствія, говорилъ краткое поученіе, которое у сего при-

лагается[1]); а потомъ совершилъ и самое то молебствіе съ колѣноприклоненіемъ, при чемъ въ обыкновенное время выпалено изо ста одной пушки, а отказано въ трое кратно вистриленно бѣглимъ огнемъ.

11-е. По окончаніи сего тѣже старшины несли на блюдѣ хлѣбъ-соль и грамоты въ домъ Кошеваго, въ препровожденіи булавъ, знаменъ и значковъ, за ними слѣдовалъ Кошевый и судья съ старшинами. Тамъ пожалованный хлѣбъ раздѣленъ на части, одна для вѣчнаго памятствованія положена въ войсковой церквѣ, вторая отправлена на Тамань къ войску во флотиліи служащимъ, третая роздана на полки при Кошѣ, четвертая поставлена была у Кошеваго на столѣ, гдѣ старшины оною послѣ горѣлки закуню(ва)ли, остатокъ доволній отчасти. Сей послѣдній несенъ былъ съ таковимъ-же препровожденіемъ въ домъ войсковаго судьи, гдѣ приготовленъ былъ для почетнѣйшихъ обѣденный столъ, протчіе-же старшины и часть духовенства остались обѣдать въ домѣ Кошеваго, а для полковниковъ и протчихъ козаковъ не далеко отъ церкви приготовлени были пять больших столовъ на зеленой травѣ, куда принесши подъ значками данный имъ монаршій хлѣбъ, пили горѣлку и онимъ закушовали и за обѣдомъ тужъ горѣлку повторяючи за здравіе всемилостивѣйшей монархини, палили изъ мѣлкаго ружья.

12-е. Въ домѣ судьи за столомъ при питіи за высочайшее ея императорскаго величества здравіе здѣланъ сто одинъ выстрѣлъ, за его императорское высочиство, съ высокою фамиліею, съ любезнѣйшими дѣтьми, пятдесять одинъ; не забуто притомъ такъ-же пити и палити за сенатъ, за синодъ, за все православное россійское воинство, за Кошевого съ старшинами, за черноморскій Кошъ и все его войско, за гостей и такъ далѣе. При продолженіи стола пѣли пѣсню: „Эй, годѣ намъ журитися“, которая при семъ прилагается.

13-е. Такимъ образомъ пообѣдавъ Кошевый съ старшинами и гостьми благодарили Бога и всемилостивѣйшую монархиню, а войско тожъ благодаря отправилось въ домы свои, съ пѣніемъ той-же пѣснѣ, повторять еще и тамъ горѣлкою желаніе долголѣтнаго здравія всеавгустѣйшей благодѣтелници своей.

---

[1]) Въ дошедшихъ до насъ листахъ не находится поученія.—*Д. М.*

РѢЧЬ.

Всеавгустѣйшая монархиня,
Всемилостивѣйшая государиня!

Жизнодательнымъ державнаго велѣнія твоего словомъ прерожденный изъ неплоднаго бытія вѣрный черноморскій Кошъ приемлетъ нынѣ дерзновеніе мною вознести благодарный гласъ свой къ святѣйшему величеству твоему и купно изъглаголати глубочайшую преданность сердецъ его. Пріими оную, яко жертву единой тебѣ отъ насъ сохраненную, пріими и уповающимъ на сѣнь крылу твоею пребуди прибѣжище и покровъ, радованіе, тай годѣ!

Внизу подписано подъ рѣчью: сія рѣчь говоренная Головатымъ ея величеству въ 1-й день апрѣля 1792 года.

ДРУГАЯ РѢЧЬ.

Всеавгустѣйшая монархиня,
Всемилостивѣйшая государиня.

Мы къ тебѣ прибѣгли, къ тебѣ монархинѣ правовѣрной; ты насъ приняла, яко матерь, Тамань, даръ твоего благоволенія о насъ, будетъ вѣчнымъ для обитающихъ въ немъ залогомъ милостей твоихъ. Мы воздвигнемъ грады, населимъ села и сохранимъ безопасность предѣломъ. Наша преданность и усердіе къ тебѣ, монархинѣ, и любовь къ отечеству пребудетъ вѣчно, а сему свидѣтель всемогущій Богъ.

За симъ въ рукописи слѣдуетъ пѣсня, о которой упоминается въ описаніи празднества по случаю полученія запорожцами въ даръ Тамани:

ПѢСНЯ.

Эй, годѣ намъ журитися, пора перестати,
Дождалися отъ царицѣ за службу заплати:
Дала хлѣбъ сѣль и грамоты за вѣрные службы,
Отъ теперь мы миліе братье забудемъ всѣ нужды.
Въ Таманѣ жить, вѣрно служить, границю держати,
Рыбу ловить, горѣлку пить, ще й будемъ багати.
Да вже-жъ треба женитися и хлѣба робити,
Хто прийде къ намъ изъ невѣрнихъ, то якъ врага бити.

Слава Богу и царицѣ, а покой гетману.
Злѣчили намъ въ сердцахъ нашихъ великую рану.
Благодарѣмъ императрицѣ, молѣмося Богу,
Що вона намъ показала на Тамань дорогу.
Конецъ.

На томъ-же листѣ написана пѣсня и подписи:

ПѢСНЯ,

Господиномъ полковникомъ черноморскимъ и кавалеромъ Антономъ Андреевичемъ Головатымъ пѣтая въ Петербургѣ Платону Александровичу Зубову, докладчику императрицы:

Ой, Боже нашъ, Боже, Боже милостивій,
Що мы народилися въ свѣтѣ нещасливи.
Служили вѣрно въ полѣ и на морѣ,
Та остались убоги, боси и голи;
Старались землю заслужити,
Щобъ въ волности намъ вѣку дожити.
Да й давъ-же гетманъ отъ Днѣстра до Богу,
Границя по бендерску дорогу,
Днѣстровій и Днѣпровій обидва лиманы,
Въ нихъ добувати рыбу, справляти каптаны.
Прежнюю взяли да й сю отбирають,
А намъ дати Тамань обѣщають.
Мы-бъ туда пѣшли, абы-бъ намъ сказали,
А бы не загубить козацкои славы.
Устань батьку, великій гетмане!
Будь милостивый, велможный нашъ пане!
Устань, Грицьку, промовъ до насъ слово,
Проси царицѣ, все буде готово:
Дасть грамоту на вѣчность намъ жити,
А мы и ей вѣрнѣйше будемъ служити.

Надпись на блюдѣ такова:
Даръ великія государыны войску вѣрному черноморскому чрезъ войскового судію и кавалера Головатого. 1792 г, іюля 3 дня.

На солонцѣ надписъ таковъ:
Пожалована съ хлѣбомъ войску черноморскому 1792 года, 13 дня іюля.

Сообщ. **Д. Морозъ.**

ГОРОДНЯ—МѢСТО ЖИДОТРЕПАНІЯ XVIII В.

29 генваря 1882 года Городня праздновала столѣтнюю годовщину своего существованія въ качествѣ уѣзднаго города черниговской губерніи. Ни само по себѣ это событіе, ни вся столѣтняя жизнь мелкаго уѣзднаго города не представляютъ другаго интереса, кромѣ чисто мѣстнаго; но ко дню празднества извѣстнымъ знатокомъ мѣстной старины А. И. Ханенкомъ была прислана и на празднествѣ прочитана историческая замѣтка о Городнѣ, могущая имѣть и болѣе широкій интересъ. Мы извлекаемъ изъ нея здѣсь болѣе существенныя свѣдѣнія для ознакомленія нашихъ читателей съ мѣстомъ, въ которомъ происходило воспроизводимое теперь нашимъ маститымъ историкомъ-художникомъ Н. И. Костомаровымъ: *Жидотрепаніе начала XVIII в.*

Городня, находящаяся при сліяніи рѣчекъ Чибирижи и Бутовки, образующихъ р. Городну, по справедливому мнѣнію незабвеннаго ученаго богослова и историка нашего Филарета, архіепископа черниговскаго,—поселеніе очень древнее, до татарское. Доказательствомъ тому служитъ находящееся на лѣвомъ берегу рѣки Городни городище, — земляное укрѣпленіе, которое возобновляемо было во время гетманства и срыто по открытіи уѣзда, для постройки на немъ судебныхъ мѣстъ. Шафонскій говоритъ, что этотъ городокъ достопамятенъ и тѣмъ, что „императоръ Петръ 1-й, во время шведской войны, праздновалъ на семъ мѣстѣ день своего тезоименитства, іюня 29 дня". Въ городницкой полиціи до сихъ поръ хранятся три пушки, одна называемая единорогъ, въ 35 пуд. 35 ф., другая длинная въ 19 пуд. 30 фун., а третья куцая въ 17 пуд.

Мнѣніе о древности Городни подтверждается лѣтописнымъ указаніемъ подъ 1158 г. „Княгиня же супруга Изъяслава Давидовича бѣжа... Переславлю, и оттуда ѣха на Городокъ, та на Глѣбль, та на Хоробръ, та на Гоцескъ"; а также видно по разряду 1552 г., которымъ назначены на казанскій походъ изъ сѣверскихъ городовъ вмѣстѣ съ стародубцами боярскія дѣти Городни и Мощинцы.

Во время польскаго владычества Городня, съ окружающими ее селами, принадлежала польскому дворянину Фацу; домъ его, винокурня и колодецъ находились надъ р. Чибрижимъ, въ 1786 г. слѣды ихъ были замѣтны и на томъ мѣстѣ жилъ войсковой това-

КАФЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ XVIII ВѢКА.

(Посмертная замѣтка М. Н. Александровича).

Мнѣ удалось пріобрѣсти въ г. Козельцѣ, черниговской губерніи, изразцы (кафли), снимки съ которыхъ прилагаю *). Изразцы эти представляютъ образецъ давняго малорусскаго *кустарнаго* производства и выдѣлка ихъ должна быть отнесена къ началу прошлаго столѣтія, когда еще не угасла національная украинская жизнь и были живы воспоминанія о борьбѣ съ татарами, козацкихъ усобицахъ и только что оконченной шведской войнѣ. Изображенные на изразцахъ *рисунки* служатъ вѣрнымъ выраженіемъ міровоззрѣнія тогдашняго полуграмотнаго малоросса простолюдина, глубоко проникнутаго религіозными и другими вѣрованіями, къ которымъ теперь скептически относятся его потомки. Постоянная опасность грозила жизни человѣка въ то время не отъ одного непріятельскаго нашествія; въ дремучихъ лѣсахъ десенскаго побережья плодилось множество дикихъ звѣрей, вызывавшихъ человѣка на постоянную борьбу; мысль о ней со всѣми частными ея явленіями и опасностями не покидала малоросса и его воображенію представлялись разные ужасы, часто въ чудовищномъ, фантастическомъ видѣ. Даже водившіяся въ огромномъ числѣ птицы и рыбы представлялись вредными и опасными. Первые уничтожали только что посѣянныя сѣмена и могли выклевать глаза пьяному или больному человѣку (№ 38), а встрѣча съ огромными сомами, жившими въ глубокихъ озерахъ и заливахъ, грозила участью пророка Іоны (№ 34).

Все, чѣмъ была занята мысль и воображеніе гончара-поселянина, онъ изобразилъ на приложенныхъ рисункахъ, которые по этому можно раздѣлить на слѣдующія рубрики:

А. *Относящіяся къ политической и военной жизни.*

1) Гетманъ или войсковой старшина на конѣ съ саблей въ рукѣ, въ костюмѣ того времени.

2) Наѣздникъ верхомъ на лошади, топчущій лежащаго подъ нимъ человѣка.

---

*) Изъ этихъ снимковъ, принадлежащихъ нынѣ А. М. Лазаревскому, обязательно намъ ихъ сообщившему, составлена виньетка для „Кіевской Старины" на 1883 г., но изъ всей коллекціи ихъ помѣщено лишь 12-ть.—Ред.

3) Шведъ верхомъ, съ поднятой шпагою.

4) Татаринъ верхомъ, лѣвой рукой держитъ булаву; правою вынимаетъ изъ-за пояса пистолетъ или кинжалъ.

5) Татаринъ рубитъ голову монаха; вблизи видна церковь.

6) Козацкая арматура.

Б. *Относящіяся къ общественной и домашней жизни.*

7) Малороссійскій панъ въ *жупанѣ* и *кунтушѣ* и *пани въ робронѣ.*

8) Пани съ платкомъ въ одной и съ цвѣткомъ въ другой рукѣ.

9) Городская барышня въ повозочкѣ съ собачкой, на изразцѣ надпись: „*мѣская пана*“.

10) Встрѣча брата съ сестрой. На изразцѣ надпись: „*б(р)атьку, давно ми съ тобою бачились*“.

11) Женщина подходящая къ церкви.

12) То-же, причемъ въ рукахъ держитъ приношеніе.

13) Музыкантъ, наступившій ногой на пьянаго и играющій на скрипкѣ.

14) Мальчикъ съ *млинкомъ* (четырьмя на крестъ сбитыми палочками, насаженными на палку, которыя крутятся отъ вѣтра).

15) Музыкантъ, играющій на инструментѣ, въ родѣ гуслей.

16) Крестьянинъ съ корзинами.

17) Женщина съ птицею въ рукахъ.

18) Женщина съ ведрами.

19) Мущина, прислонившійся къ дереву въ испуганной, или умоляющей позѣ.

20) Мущина и женщина; первый поднялъ камень и хочетъ бросить.

21) Хозяинъ ласкающій борзую собаку.

22), 23) Прядущія женщины.

24) Мущина съ трубою.

25) Мужъ бьетъ жену цѣпомъ, приговаривая: „*знай себе* (дальше нельзя разобрать) *дома наказую.*

26) Крестьянинъ сѣетъ; птицы клюютъ.

27) Щеголь съ собакой въ европейскомъ костюмѣ того времени.

28), 29), 30), 31) Изображеніе зданій и деревьевъ.

В. *Чудовища, звѣри, рыбы, птицы.*

32) Чудовище съ рогами и рыбьимъ хвостомъ.

33) *Драконъ* хватаетъ человѣка.

34) Сомъ проглатываетъ человѣка.

35) Громадный ракъ схватываетъ человѣка клешнею.

36) Медвѣдь деретъ человѣка; на изразцѣ надпись: *нѣкому сказати, уже мнѣ отъ сего бачу помѣрати.*

37) Волкъ схватилъ человѣка за животъ и поднялъ на воздухъ.

38) Птицы клюютъ умирающаго въ степи козака.

39) Волкъ или собака схватила человѣка за руку.

40) Повѣшеннаго волка клюютъ птицы.

41) Медвѣдь съ ульемъ.

42) Олень.

43) Лошадь.

44) Свинья.

45) Птица клюетъ черепаху.

46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55) Изображенія разныхъ птицъ и сценъ изъ ихъ жизни.

Г. 56) Царь Давидъ, играющій на лирѣ.

САБЛЯ МАЗЕПЫ.

Сабля оправлена вызолоченнымъ серебромъ, обронной работы во вкусѣ renaissance. Рукоять обложена змѣиною шкуркою и вмѣсто ефеса имѣетъ широкую изъ четыреугольныхъ пластинокъ цѣпочку. Ножны изъ черной кожи, съ наконечниками и перехватами для колецъ изъ золоченаго серебра. Длина всей сабли около $1\frac{1}{2}$ арш. Клинокъ имѣетъ слѣдующія надписи: съ одной стороны—*Надежда въ Бозе, а крипость въ руце—правому дилу конецъ. Мазепа*, на другой—*на гибель супостата въ Сиче дерзающему смерть 1687 г.* Начертаніе буквъ—рукописное, а форма ихъ—южнорусская, та самая, какую мы видимъ въ письмѣ напр. универсаловъ того самаго Мазепы. Эта сабля была пожертвована въ 1836 году графомъ Батурлинымъ для музея, который предполагалось учредить въ Воронежѣ, въ память Петра Великаго, и хранилась до 1849 г. въ воронежской городской думѣ. Въ этомъ-же году сабля поднесена была министромъ внутреннихъ дѣлъ императору Николаю Павловичу. Въ настоящее время сабля хранится въ царскосельскомъ музеѣ.

А. Л.

ИЗГОНЪ ІУДЕЕВЪ НАЧАЛА XVII ВѢКА.

Правительство бывшей Рѣчи Посполитой, вообще покровительствовавшее евреямъ и дававшее имъ разныя льготы и привилегіи по селитьбѣ и торговлѣ, выступало иногда противъ нихъ съ строгими ограничительными распоряженіями. Случалось это найбольше тогда, когда усиливалась сторона козаковъ, и тутъ бывшее польское правительство держалось, кажется, той политики, которую на нашихъ глазахъ практиковало правительство Австріи относительно поляковъ и русиновъ въ Галиціи, попеременно поддерживая то ту, то другую сторону, въ данную пору болѣе ему нужную. Къ числу такихъ распоряженій относится универсалъ королевича Владислава отъ 8 февраля 1623 г. о недопущеніи евреевъ къ селитьбѣ, торговлѣ, арендамъ и инымъ занятіямъ въ черниговской и новгородъ-сѣверской областяхъ, данный въ Гроднѣ за 25 лѣтъ до возстанія народа, подъ предводительствомъ Хмельницкаго. Универсалъ данъ въ то время, когда свѣжа еще была въ памяти услуга, оказанная Сагайдачнымъ королевичу Владиславу въ московскомъ походѣ, и данъ несомнѣнно подъ вліяніемъ усилившагося значенія козаковъ. Въ немъ съ высоты королевскаго престола произносится не лестный для іудеевъ приговоръ объ ихъ экономическомъ значеніи не только въ мѣстности, къ которой относится универсалъ, но и вообще въ государствѣ. Такіе приговоры должны были врѣзываться съ особою силою въ память народную и въ случаяхъ крайняго возбужденія народа противъ эксплоатаціи со стороны евреевъ могли служить ему какъ-бы легальнымъ основаніемъ для предпринимавшагося не разъ очищенія страны отъ еврейской примѣси.

Предлагаемый теперь въ точномъ переводѣ съ польскаго языка актъ сохранялся у меня, между прочими, много лѣтъ, а полученъ мною, кажется, изъ черниговскаго архива, а быть можетъ и изъ частныхъ рукъ, —за давностью времени (начала шестидесятыхъ годовъ) не помню. Въ концѣ грамоты на подлинникѣ печать съ изображеніями, которыхъ нельзя разобрать. На оборотѣ надпись: *о жидахъ дана сія грамота*. Вотъ текстъ этой грамоты:

Владиславъ Сигизмундъ Божіею милостію польскій и шведскій наслѣдственный князь, великій князь и правитель княжествъ Московіи, Смоленска, Сѣверіи и Чернигова.

Всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а особливо панамъ старостамъ, урядникамъ замковымъ

и городскимъ и инымъ старшинамъ, въ волости черниговской и новгородъ-сѣверской находящимся, изъявляемъ наше благоволеніе.

Зная хорошо, какъ много жиды невѣрные въ городахъ и мѣстечкахъ и другихъ поселеніяхъ препятствуютъ жизни христіанскаго населенія какъ въ торговлѣ, такъ и въ поддержаніи хорошаго управленія и процвѣтанія городовъ, заблагоразсудили мы постановить, чтобы они не были терпимы нигдѣ въ области черниговской и новгородъ-сѣверской, и о томъ къ свѣдѣнію каждаго объявляя, выражаемъ нашу непремѣнную волю, чтобы въ указанныхъ мѣстахъ не допускали жидовъ ни селиться, ни проживать, чтобы не осмѣливались принимать ихъ въ города и чтобы они не только не брали никакихъ арендъ, но никакой торговли и продажи не производили, въ тѣхъ видахъ, чтобы они ко вреду подданныхъ не расширялись. Что исполните, желая снискать наше благоволеніе. Данъ въ Гроднѣ дня 8, мѣсяца февраля, лѣта Господня 1623 г.

Владиславъ Сигизмундъ.

Ст. фонъ-Носъ.

УКРАИНСКАЯ ЗЛОПОЛУЧНИЦА.

Въ звенигородскомъ и уманскомъ уѣздахъ мнѣ часто приходилось слышать пѣсню о трехъ „чужоземцахъ“, соблазнившихъ „молоду дівчину“ и потомъ жестоко надъ нею наругавшихся. Она распространена въ означенныхъ уѣздахъ повсемѣстно и составляетъ одну изъ любимѣйшихъ народныхъ пѣсень. Мотивъ ея вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію и необыкновенно грустный и печальный. Яркими красками рисуется въ ней злополучіе „дівчины“ и сердечное ея раскаяніе.

Но кто здѣсь разумѣется подъ „чужоземцями“? Самые пѣвцы и пѣвицы этого не поясняютъ, а если спросишь, то въ отвѣтъ они пересказываютъ своими словами содержаніе пѣсни. Не можетъ, конечно, подлежать сомнѣнію, что пѣсня сложена подъ вліяніемъ того ужаснаго случая, который въ ней изображенъ, хотя народная память не сохранила никакихъ указаній на время и мѣсто, къ которымъ самый случай относился, какъ не сохранила даже общаго названія виновниковъ ужасной катастрофы, на что указываютъ постоянно мѣняющіяся въ печатныхъ (Сборникъ Головацкаго и др.)

и устныхъ варіантахъ этой пѣсни названія: чужоземець, запорожець, донскій козакъ и даже татаринъ. Записанный нами варіантъ представляетъ значительныя отличія отъ извѣстныхъ уже въ печати и потому мы рѣшаемся предложить оный вниманію читателей „Кіевской Старины“. Самое начало пѣсни, какъ она у насъ поется, имѣетъ два варіанта.

1.

Ой на горі сосна, а въ долині коршма
Муромъ мурована, дилёмъ дилёвана,—
А въ тіі коршомці тамъ три чужоземці (чорноморці)
Все пьють та гуляють, дівча підмовляють:
Одинъ чужоземець (чорноморець) медъ, вино зливае,
Другий чужоземець на скрипочку грае,
Третій чужоземець дівча підмовляе:
«Ходи, дівча, зъ нами, зъ нами козаками,
Луче тобі буде, якъ въ рідноі мамы!»
Дівча послухало, сіло—поіхало....

2.

Ой хто въ коршмі е?—
Три козаки пье.
Ой одинъ козакъ пье, гуляе,
А другий козакъ на скрипку грае,
А третій козакъ дівчину підмовляе:
«Ой ідь, дівчино молода, зъ нами,
Луче тобі буде, якъ въ рідноі мамы:
Въ мамы ходила въ сірі свитині,
А въ насъ будешъ ходить въ сині кармазині,
Въ мамы ходила въ чорни запасці,
Въ насъ будешъ ходить въ червоні китайці...»
Молода дівчина тай послухала,
Сіла зъ козакомъ тай поіхала.
Привезли дівчину въ чистее поле—
«Вернись, дівчино, бо буде горе!»
—«Ой я не вернусь, бо славы боюсь—
Зъ донськимъ козакомъ въ чужий край забьюсь!»
Привезли дівчину де зелене жито—
«Вернись, дівчино, бо будешъ бита!»
—«Ой я не вернусь—матіньки боюсь,

Зъ донськимъ козакомъ дай вірно люблюсь!».
Привезли дівчину до зеленого дуба—
«Вернись, дівчино, бо вже не люба».
—«Ой я не вернусь, бо неньки боюсь,
Зъ донськимъ козакомъ въ чужий край забьюсь!
Привезли дівчину до зеленоі сосны—
«Вернись, дівчино, бо буде тошно».
— «Ой я не вернусь—не славы боюсь,
Зъ донськимъ козакомъ дай вірно люблюсь!»
Ввязали дівчину до сосны косыма,
До сосны косыма, на лісъ очима,
Запалили сосну зверху до-долу;
Сосонка горить, дівчина кричить.
— «Ой хто въ лісі є, нехай сюда йде,
Ой хто въ лісі почуе, мій голосъ чуе,
Хто дочки мае, нехай научае—
Зъ донськимъ козакомъ гулять не пускае»...
Сосонка палае, дівчина умлівае,
Зъ сосонки тече, дівчину пече...

1882 г. декабря 10.
Г. Умань.

А. Смонтій.

УКРАИНСКАЯ ГЕТЕРА.

Украинки всегда славились строгостію и чистотою своихъ нравовъ; но и между ними попадались особы *гулящія*, не доходившія до грубаго разврата, но отгуливавшія свою молодость и не щадившія своихъ прелестей, пока эта небезцѣльная гульня не заканчивалась прочно обезпеченною брачною жизнію. Типъ такой свободной женщины-украинки рисуется въ слѣд. пѣснѣ:

Ой по-за ярами, по-за ланами
Ой пье—гуля та Галюточка
Усе зъ чумаками.
Ой хочь вона пье, такъ не купуе,
Своимъ личкомъ та біляненькимъ
Все підманюе.
Та прийшовъ къ іі батенько іі—
Ой часъ-пора та Галюточко
Тобі до двора.

Ой ище не часъ, ище не пора,
Не выграла сто червінцівъ,
Ще й збруи, коня.
Ой по-за ярами, по-за ланами
Ой пье, гуля та Галюточка
Усе съ козаками.
Ой хочь вона пье, такъ не купуе,
Своимъ личкомъ та білявенькимъ
Та підманюе.
Выйшла къ іі матінка іі—
Ой часъ-пора та Галюточко
Тобі до двора.
Ой ище не часъ, ище не пора,
Не выграла сто червінцівъ,
Ще й збруи коня.
Ой по-за ярами, по-за ланами
Ой пье—гуля та Галюточка
Усе пзъ панами.
Ой хочь вона пье, такъ не купуе,
Своимъ личкомъ білявенькимъ
Все підманюе.
Ой прийшовъ къ іі братічокъ іі
Ой часъ—пора та Галюточка
Тобі до двора.
Ой уже часъ, уже и пора
Та выграла сто червінцівъ,
Сама заміжъ пішла.

Слоб. Алексѣевка,
Александров. у., екатер. губ. **Иванъ Манжура.**

ЭПИЗОДЪ О ПАМЯТНИКѢ ШЕВЧЕНКУ И О ЕГО МОГИЛѢ—ВЪ ПОЛТАВСКОМЪ ЗЕМСКОМЪ СОБРАНІИ 1882 ГОДА.

Два слова очевидца объ этомъ эпизодѣ, интересномъ и неожиданномъ, быть можетъ, не будутъ лишними въ мѣстномъ историческомъ журналѣ: это страничка современной исторіи.

Шестого декабря прошлаго года въ полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи шли пренія по докладу управы о дорожныхъ

сооруженіяхъ. Когда кончено было чтеніе отчета ревизіонной коммисіи и частности доклада предложены были вниманію коммисіи новой, предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства г. Устимовичъ, заявилъ о полученіи имъ съ почты письма и пригласилъ собраніе его выслушать. Въ этомъ письмѣ шла рѣчь о могилѣ Шевченка.

Сообщались факты, оглашенные газетами о томъ состояніи разрушенія, въ которомъ находится эта могила, съ ея осыпавшимся холмомъ, крестомъ, упавшимъ и разбившимся, обломки котораго жгутъ мальчики—пастухи, грѣясь у подошвы холма въ осеннія ночи. Высказывалась увѣренность, что собраніе положитъ конецъ такому печальному акту забвенія памяти поэта, ассигновавъ необходимыя средства на приведеніе могилы въ прежній видъ. Авторъ письма, г. Кулябка, напоминалъ собранію то время, далекую старину, 60-е годы, когда имя великаго народолюбца было въ Полтавѣ священнымъ именемъ. Кулишъ, прежній Кулишъ, писалъ тогда своему другу-поэту о томъ чувствѣ горячей любви къ нему, какое онъ встрѣтилъ у полтавцевъ. Эти давнія слова Кулиша цитировались въ письмѣ.

Письмо произвело впечатлѣніе и вызвало пренія крайне интересныя. Доблестные отпрыски стараго строя, принципіальные противники чествованія памяти „мужицкаго поэта", хотѣли, очевидно, сказать много, но порывъ ихъ сдерживало это имя... Какъ ни суди, но рѣчь шла о человѣкѣ, который, вмѣстѣ съ Гоголемъ, обозначаетъ двѣ высшія точки проявленія генія своего племени, созданія котораго, со стороны творчества, живѣйшіе образы нашего народа, а со стороны нравственнаго значенія—источникъ великой духовной красоты, благотворное вліяніе котораго не изсякнетъ, пока будетъ на землѣ два человѣка, понимающихъ малорусское слово...

Были пущены, въ видѣ пробныхъ шаровъ, соображенія о необходимости экономіи въ расходахъ, послышались сомнѣнія въ дѣйствительномъ разрушеніи могилы... Свидѣтельство кіевскаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Репнина, заставило замолкнуть послѣдніи сомнѣнія, и нѣсколько горячихъ словъ о неприличіи торга надъ могилой того, кто отдалъ родинѣ свою великую душу, прекратили соображенія членовъ собранія, вдругъ оказавшихся столь экономными, въ противность ихъ рѣшеніямъ по другимъ ассигновкамъ сомнительной пользы.

На предварительный вопросъ о принятіи участія вообще въ этомъ дѣлѣ отвѣтило утвердительно огромное большинство. Кажется, только четверо гласныхъ поспѣшно вскочили съ своихъ мѣстъ, выражая свое несогласіе съ такимъ рѣшеніемъ собранія.

Непродолжительныя совѣщанія привели къ двумъ рѣшеніямъ: 1) ассигнованію 500 рублей изъ земскихъ суммъ на поправку могилы, съ порученіемъ золотоношской земской управѣ, какъ ближайшей къ мѣсту погребенія поэта, принятія на себя заботъ о такой поправкѣ и 2) ходатайствованію о разрѣшеніи открытія въ предѣлахъ полтавской губерніи подписки на сооруженіе памятника Шевченку. Въ виду возможныхъ случайностей, первое рѣшеніе признано было неотложнымъ.

Это замогильное, позднее чествованіе поэта было какъ-бы отвѣтомъ на призывъ, который, при жизни своей, онъ обращалъ не къ людямъ, а къ единственному своему вѣрному другу—музѣ:

А якъ умру, моя святая,
Моя ты мамо! Положи
Свого ты сына въ домовину
И хочъ единую слёзину
Въ очахъ безсмертнихъ покажи!...

Прекрасное рѣшеніе собранія отозвалось въ присутствовавшихъ умиленнымъ и чистымъ чувствомъ, какое является всегда при видѣ торжества правды. И чувство это было также свѣтло и ясно, какъ веселый утренній свѣтъ, заливавшій, чрезъ высокія окна, залу собранія въ тотъ памятный день.

В. Г—ко.